Князь А. Васильчиковъ.

СЕЛЬСКІЙ БЫТЪ
И
СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО
въ Россіи.

БИБЛІО ТЕКА

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 л. 7.
1881.

(587)

2007237360

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Все это прекрасно... Что же вы намѣрены дѣлать? Пахать землю— отвѣчалъ Лаврецкій—и стараться какъ можно лучше ее пахать.

Тургеневъ. Дворянское гнѣздо.

Я прожилъ большую часть моей жизни въ провинціи и въ деревнѣ, управлялъ имѣніями и занимался хозяйствомъ въ разныхъ полосахъ Россіи, на сѣверѣ—въ Новгородской и Псковской губер., въ серединной полосѣ—въ Ковенской губерніи на самой границѣ Пруссіи, въ черноземной—Тамбовской губ. и въ степной части—Воронежской и Саратовской губерніяхъ. Я пережилъ и времена крѣпостного права, когда управляющіе-агрономы, большею частію изъ нѣмцевъ и поляковъ, вводили, силою розогъ, лучшіе порядки въ русское сельское хозяйство,—и время реформъ, когда землевладѣльцы стали вводить въ свои имѣнія вольно-наемный трудъ и улучшенныя культуры, а экономисты и публицисты, радѣя о народномъ благосостояніи,—разсуждать объ улучшеніи сельско-хозяйственнаго быта въ Россіи.

Но пройдя чрезъ эту много-лѣтнюю и разнообразную школу, слѣдя постоянно за всѣми публикуемыми свѣдѣніями, и стараясь всѣми силами изучать бытъ народа, условія хозяйства въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ мнѣ приходилось жить и дѣйствовать,—я долженъ, къ стыду моему, сознаться, что не могъ составить себѣ полнаго и яснаго понятія о многихъ такихъ предметахъ, которые обсуждаются и разрѣшаются совершенно категорически и, по видимому, очень легко разными государственными и общественными дѣятелями, писателями,—въ журналахъ, клубахъ и всевозможныхъ обществахъ.

Это меня всегда глубоко смущало и унижало въ собственныхъ глазахъ.

Какъ это — думалъ я — вотъ этотъ сановникъ, объѣхавшій въ одно лѣто по желѣзнымъ дорогамъ половину Россійской имперіи, или журнальный репортёръ переговорившій на почтовыхъ станціяхъ съ мужичками объ ихъ нуждахъ и пользахъ, или писатель, никогда невидавшій никакого селенія кромѣ Парголова и Новой деревни, или, наконецъ, юноша-соціалистъ пробывшій нѣсколько мѣсяцевъ въ какой-либо мастерской, — какъ это всѣ эти господа, каждый правда съ своей точки зрѣнія, успѣли составить себѣ въ своихъ кабинетахъ, вагонахъ и мастерскихъ, ясное представленіе о народной жизни,—а я никакъ не могъ разслѣдовать въ тѣхъ небольшихъ околоткахъ, гдѣ прожилъ нѣсколько лѣтъ, степень благосостоянія или нужды мѣстныхъ жителей, различить притворныя жалобы, обманчивыя показанія отъ правдивыхъ и составить себѣ полное понятіе о дѣйствительномъ положеніи мѣстнаго крестьянскаго хозяйства.

Правда, на это мнѣ могутъ возразить, что барину-крупному землевладѣльцу крестьянинъ и простолюдинъ вообще

не высказываетъ своихъ задушевныхъ мыслей и желаній, что отчасти и справедливо; но вѣрно также и то, что онъ ихъ не выскажетъ и пріѣзжему чиновнику, или проѣзжему писателю и еще менѣе юному соціалисту, переодѣтому въ кузнеца или столяра; поэтому мнѣ казалось, что находясь въ близкихъ и постоянныхъ сношеніяхъ съ крестьянами, будучи знакомъ со многими изъ нихъ лично и съ давнихъ поръ, я могъ бы узнать ихъ положеніе скорѣе и легче, чѣмъ разные незнакомые имъ изслѣдователи и въ особенности наѣзжіе собиратели свѣдѣній.

Какъ бы то ни было, я однако при всемъ стараніи и дѣйствуя въ предѣлахъ одного только имѣнія, въ извѣстной мѣстности, съ большимъ трудомъ могъ собрать не полныя и неточныя свѣдѣнія о такихъ предметахъ, о коихъ публикуются ежедневно подробнѣйшія свѣдѣнія и отчеты по цѣлымъ уѣздамъ, губерніямъ и наконецъ по всей имперіи. Къ большому моему смущенію я часто находилъ необъяснимыя противорѣчія между фактами и числами мнѣ по личному опыту извѣстными и тѣми, которые печатаются въ оффиціальныхъ донесеніяхъ и частныхъ сообщеніяхъ.

Такъ напримѣръ, мнѣ очень часто случалось читать самыя точныя вычисленія посѣвовъ, урожаевъ, заработковъ по цѣлымъ уѣздамъ и губерніямъ, между тѣмъ мнѣ никакъ не удавалось разузнать въ ближайшихъ селеніяхъ—сколько крестьяне высѣваютъ и собираютъ хлѣба и другихъ продуктовъ. На всѣ мои разспросы они обыкновенно отвѣчали сбивчиво: „что поля у нихъ неровныя: въ одномъ 7 полосъ на душу, въ другомъ 14—15, что лѣтось (т.-е. прошлаго года) онъ N N высѣялъ 8 мѣръ ржи, а въ нынѣшнемъ только 6, что на урожай воля Божья и что этого опредѣлить нельзя; что вотъ третьяго года вымолачивалъ онъ

изъ копны 4 мѣры, или изъ 2-хъ бабокъ — 1 мѣру, а нынче меньше"; а сколько было бабокъ, суслоновъ, копенъ этого онъ не помнитъ, потому что не записывалъ, и счета не велъ, такъ какъ „человѣкъ онъ темный и неграмотный, а грамотныхъ въ деревнѣ нѣтъ, да и разсчеты эти ему „ни къ чему" (не нужны), потому что онъ хлѣбомъ не торгуетъ, а только развѣ, по милости Божьей, самъ имъ прокармливается".

О заработкахъ и промыслахъ показанія еще сбивчивѣе: какъ въ сѣверныхъ, такъ и черноземныхъ губерніяхъ они обильны и выгодны въ урожайные годы и, напротивъ, вовсе прекращаются при дурномъ урожаѣ, когда въ нихъ наиболѣе нуждается рабочее населеніе.

Если въ порывѣ любознательности, мнѣ случалось ставить такіе вопросы—что не можетъ ли онъ N N показать мнѣ, хотя примѣрно, сколько собираетъ онъ хлѣба, сѣна, сколько ему остается на продажу или не хватаетъ на продовольствіе, и не можетъ ли онъ опредѣлить среднюю приблизительную цифру своихъ доходовъ и расходовъ,—то я замѣчалъ на лицѣ моего собесѣдника насмѣшливую улыбку.— „Да какая же тутъ можетъ быть, батюшка, середина, отвѣчали православные, когда сегодня сытъ, а завтра голоденъ; на милость царя, да на волю Божью примѣра нѣтъ; какой тутъ примѣръ вы изволите разумѣть мы не знаемъ, всѣ мы подъ Богомъ и все отъ Бога—вотъ это такъ, а годы у насъ не ровные и изъ году въ годъ ничего не сочтешь"....

И только!

Послѣ многихъ такихъ неудачныхъ попытокъ я убѣдился, что собирать свѣдѣнія о народномъ хозяйствѣ дѣло трудное, а между тѣмъ я ежедневно слышалъ и читалъ общія разсужденія и исчисленія объ упадкѣ или развитіи сельскаго хозяйства, производительности и народнаго благо-

состоянія вообще и разныхъ отраслей хозяйства въ частности, остроумныя изслѣдованія прибылей и убытковъ землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ, и на основаніи такихъ свѣдѣній нѣкоторые писатели выводятъ даже „бюджетъ крестьянскаго хозяйства“ и такимъ образомъ своимъ умомъ доходятъ до яснаго сознанія народныхъ пользъ и нуждъ, среднихъ посѣвовъ и урожаевъ, средней доходности земель, выгодности промысловъ, недостатка или избытка крестьянскихъ надѣловъ и т. д. и т. д.

Такіе выводы и заключенія окончательно меня смущали, потому что, живя въ деревнѣ и служа въ провинціи, я нигдѣ и никогда не замѣчалъ, чтобы оффиціальныя статистическія свѣдѣнія, требуемыя для такихъ высшихъ и всеобщихъ соображеній, гдѣ либо собирались на мѣстахъ основательно и добросовѣстно.

Я видѣлъ, что въ помѣщичьихъ конторахъ и волостныхъ правленіяхъ пишутся разныя вѣдомости на обумъ, какъ попало, полуграмотными писарями, что отъ губернскаго начальства и разныхъ ученыхъ обществъ высылаются время отъ времени запросные пункты съ непонятными для крестьянъ выраженіями и сбивчивыми графами, что эти таблицы и листки наполняются произвольными, а отчасти и вымышленными цифрами, что никто изъ сельскихъ жителей и изъ сельскихъ начальниковъ не придаетъ никакого значенія этимъ изслѣдованіямъ, что они никѣмъ не повѣряются; и въ то же время я видѣлъ, что изъ этихъ вѣдомостей и списковъ выводятся крупные итоги, которые публикуются во всеобщее свѣдѣніе, входятъ даже въ отчеты губернаторовъ и принимаются въ руководство для экономическихъ соображеній и административныхъ мѣропріятій.

Какъ же объяснить такое добровольное, можно сказать, предумышленное ослѣпленіе?

Все то, что мы выше сказали о порядкѣ, или лучше сказать безпорядкѣ собиранія свѣдѣній, извѣстно всякому сельскому жителю; всѣ знаютъ, что большая часть крестьянскихъ хозяйствъ ведется безъ счета, что между землевладѣльцами очень немногіе могутъ опредѣлить доходность своихъ земель и имѣній, что пространство разныхъ угодій, пашни, луговъ, выгоновъ измѣняется ежегодно на громадный процентъ отъ распашки луговъ, расчистки лѣсовъ, что цѣны на разные продукты колеблются у насъ такъ, что въ урожайные годы ихъ нельзя продать, а въ дурной годъ нельзя купить ни за какую цѣну.

Какъ же объяснить, что изъ этихъ неизвѣстныхъ единицъ складываются въ статистическихъ сочиненіяхъ и офиціальныхъ отчетахъ тысячныя и милліонныя суммы, изъ не считанныхъ и неизмѣримыхъ десятинъ, четвертей, пудовъ и рублей—общіе итоги разныхъ угодій, урожаевъ, доходовъ и промысловъ по всей Россійской имперіи, и что по завѣдомо ложнымъ свѣдѣніямъ, въ фальшивости коихъ всѣ убѣждены, въ достовѣрность коихъ никто не вѣритъ, правительство и образованные классы считаютъ себя въ правѣ судить и рядить о народномъ хозяйствѣ?

Объяснить это можно только тѣмъ, что на этомъ пути статистическихъ и экономическихъ изслѣдованій мы были увлечены, какъ и на многихъ другихъ, слѣпымъ подражаніемъ другимъ странамъ, желаніемъ блеснуть благоустройствомъ внутренняго управленія, знаніемъ народнаго быта. Читая точныя и подробныя вычисленія разныхъ отраслей народнаго богатства въ Англіи, Франціи, Германіи представили себѣ, что мы должны непремѣнно и какъ можно скорѣе составить себѣ общее, хотя бы поверхностное и ошибочное, понятіе о сельскомъ бытѣ и сельскомъ хозяйствѣ въ нашей странѣ. Мы основали, тому уже около 40

лѣтъ, статистическіе комитеты съ однимъ чиновникомъ на губернію и съ бюджетомъ, въ рѣдкихъ случаяхъ доходящимъ до 3 тысячъ рублей въ годъ. Комитеты за неимѣніемъ средствъ, разумѣется, не могли дѣйствовать на пространствахъ равныхъ територіямъ цѣлыхъ государствъ.

Мы поручили собираніе статистическихъ свѣдѣній полицейскимъ чиновникамъ, зная напередъ, что у нихъ нѣтъ ни времени, ни возможности заниматься дѣломъ совершенно выходящимъ изъ круга ихъ дѣйствій, и сельскимъ начальникамъ, тоже зная, что они по безграмотности даже не разберутъ—въ чемъ состоятъ предъявленные имъ запросы.

Мы такимъ образомъ долго и упорно, но сознательно обманывали сами себя, вводя въ заблужденіе и другихъ.

Губернскіе администраторы доносили высшему правительству о благосостояніи или упадкѣ той или другой отрасли народнаго хозяйства по слухамъ, не имѣя никакихъ данныхъ для ихъ повѣрки, исчисляли недостатокъ хлѣба для продовольствія, убытки отъ пожаровъ, падежей, градобитій и т. п. случаевъ на-угадъ; каждое вѣдомство публиковало подробные отчеты по хозяйству, имъ вѣдаемому и щеголяло изящнымъ изданіемъ этихъ отчетовъ. Экономисты и публицисты дѣлали по нимъ свои вычисленія и соображенія, сравнивали одни данныя съ другими и всѣ они знали, что тотъ матеріалъ, надъ которымъ они такъ усердно работали, никуда не годенъ.

Эта обманчивая система изслѣдованій, продолжавшаяся долго, продолжающаяся отчасти и въ настоящее время, имѣла очень прискорбныя послѣдствія.

О сельскомъ бытѣ и сельскомъ хозяйствѣ составилось въ правительственныхъ сферахъ и въ такъ называемой русской интеллигенціи много, очень много фальшивыхъ понятій, не только не полныхъ или неточныхъ, но и совер-

шенно превратныхъ; возбуждены нѣкоторые вопросы, которыхъ у насъ въ народномъ быту вовсе нѣтъ, упущены другіе, которые издавна составляютъ коренныя нужды русской земли и—что́ всего хуже—дана возможность людямъ празднословнымъ и поверхностнымъ судить о пользахъ и нуждахъ народа, о внутреннемъ бытѣ коего они имѣютъ самыя смутныя понятія.

Это привело меня къ убѣжденію, что тѣ порядки и пріемы, которые введены были въ прежнее время и употребляются доселѣ въ нашей оффиціальной статистикѣ для узнанія народнаго быта, едва-ли когда либо приведутъ насъ къ желаемой цѣли; что для статистическихъ и экономическихъ изслѣдованій выбираются бо̀льшею частію такіе предметы, такія черты, которыя не могутъ быть въ точности изслѣдованы, а потому недаютъ вѣрнаго понятія о положеніи сельскихъ сословій, о состояніи сельскаго хозяйства; и, что поэтому необходимо прежде всего измѣнить и исправить самый порядокъ собиранія свѣдѣній, выработать для нихъ общія основанія, общій и вѣрный масштабъ, по коему можно было бы дѣлать сравненія между разными мѣстностями и полосами.

Затѣмъ я постараюсь объяснить, какія черты нашего сельскаго быта заслуживаютъ, по моему мнѣнію, особеннаго вниманія, и которыя, къ сожалѣнію должно сознаться, у насъ всего менѣе изслѣдованы и извѣстны.

Впрочемъ, въ послѣднее время статистическія и экономическія изслѣдованія приняли новое направленіе и, проникая глубже въ строй народной жизни и хозяйства, въ сознаніе образованныхъ людей, даютъ хотя и не полныя, но болѣе вѣрныя понятія о сельскомъ внутреннемъ бытѣ. Замѣчательные труды профессора Янсона, добросовѣстныя и основательныя изслѣдованія гг. Чаславскаго, Трирогова, Ор-

лова, Русова, Исаева, Покровскаго, Борисова и друг., открыли и открываютъ съ каждымъ днемъ новыя стороны, новыя черты народнаго быта, которыя еще такъ недавно вовсе не были развѣданы. Изслѣдованія, произведенныя въ московской губерніи г. Орловымъ, по порученію уѣздной управы, можно признать первымъ основательнымъ трудомъ по описанію внутренняго быта сельскихъ сословій. Кромѣ московскаго, земства, черниговское, тверское, уфимское и новгородское— также приступили къ такимъ же разслѣдованіямъ. Вѣдомство государственныхъ имуществъ и центральный статистическій комитетъ издали въ послѣдніе два года существенно важные матеріалы для изученія землевладѣнія и хозяйственнаго быта въ Россіи, а географическое и вольно-экономическое общества, благодаря выработанной ими программѣ, вызвали собираніе цѣннаго матеріала о поземельной общинѣ.

Но чѣмъ отраднѣе такія благія начинанія, тѣмъ болѣе надо сожалѣть, что они до сихъ поръ не организованы и производятся главнымъ образомъ по почину частныхъ лицъ или отдѣльныхъ вѣдомствъ безъ общаго соглашенія, безъ общаго плана и руководства.

Точно такъ, какъ наши молодые соціалисты, прослуживъ нѣсколько времени въ мастерской, въ сельской школѣ, въ земской больницѣ, выходятъ изъ нихъ съ гордымъ сознаніемъ, что они изучили народный бытъ, такъ и многіе государственные и общественные дѣятели и писатели черпаютъ свои свѣдѣнія изъ своихъ личныхъ наблюденій и впечатлѣній въ томъ тѣсномъ кругу, гдѣ имъ приходится жить или даже только проѣзжать.

Еслибъ каждый изъ нихъ заявлялъ свои мнѣнія съ оговоркой, что это основано на данныхъ для такой-то мѣстности, и если бы эти отдѣльныя заявленія сравнивались, сво-

дились и повѣрялись однимъ общимъ учрежденіемъ, то этимъ путемъ можно было бы еще дойти до правильныхъ выводовъ. Но большею частію въ нашихъ совѣщаніяхъ обнаруживается непримиримое разногласіе, или даже совершенная противуположность мнѣній, оттого собственно, что оппоненты не согласились о предметѣ спора, о мѣстѣ своихъ наблюденій, и, обобщая свои частные и личные взгляды, возводятъ ихъ во всенародный вопросъ; такъ что споры продолжаются безконечно, пока не разъясняется, что противники говорятъ о двухъ совершенно различныхъ мѣстностяхъ или видахъ хозяйства и народнаго быта.

Чтобы не впасть въ ту же ошибку, отъ коей я предостерегаю и другихъ, я воздержался въ предлагаемомъ трудѣ моемъ отъ всякихъ общихъ и категорическихъ заявленій о состояніи сельскаго хозяйства и сельскихъ сословій въ Россіи, потому что не нахожу ни въ оффиціальныхъ правительственныхъ изданіяхъ, ни въ частныхъ статистическихъ и экономическихъ трудахъ достаточныхъ фактовъ и данныхъ для такихъ выводовъ. Изъ всѣхъ многоразличныхъ нуждъ и недостатковъ, на которые ежедневно указывается, изъ всѣхъ разнороднѣйшихъ экономическихъ и соціальныхъ вопросовъ, которые возбуждаются и агитируются въ обществѣ и прессѣ, я признаю разрѣшеннымъ и доказаннымъ только одинъ: *что нужно приступить къ основательному и послѣдовательному изслѣдованію народнаго быта и хозяйства* и для этого организовать общее управленіе, центральное и мѣстныя учрежденія, которыя завѣдывали бы всѣми дѣлами сельскаго хозяйства въ полномъ смыслѣ слова и безпрерывно слѣдили бы за ихъ ходомъ.

Временныя коммиссіи, частныя изслѣдованія, отдѣльныя ревизіи въ этомъ отношеніи едва-ли принесутъ пользу, потому что народное хозяйство слагается при такихъ разно-

образныхъ и безпрерывно измѣняющихся условіяхъ, что пока производятся изслѣдованія и редактируются доклады и отчеты, большая часть фактовъ и чиселъ представляютъ уже только ретроспективный интересъ. Поэтому я думаю, что дѣло это должно быть поручено особому органу управленія, слѣдящему постоянно и послѣдовательно за главными сторонами сельскаго быта и хозяйства и предлагающему высшему правительству нужныя мѣры къ ихъ улучшенію.

Князь А. Васильчиковъ.

1880 г.

СЕЛЬСКІЙ БЫТЪ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ВЪ РОССІИ.

I.

Значеніе хозяйственныхъ вопросовъ въ наше время.

Вопросъ о народномъ хозяйствѣ пріобрѣлъ въ наше время, именно во второй половинѣ XIX вѣка, такое значеніе во всѣхъ образованныхъ странахъ, какого онъ прежде не имѣлъ; онъ отчасти вытѣснилъ, отчасти отодвинулъ на второй планъ такъ-называемый либерализмъ или вѣрнѣе сказать либеральное доктринерство, которое придавало преувеличенное значеніе формамъ правленія и суда, свободѣ слова, печати, равноправности и свободѣ труда и торговли. Предполагалось, что этими формальностями при свободномъ дѣйствіи просвѣщенія, обезпечивается вполнѣ благосостояніе народа и культура страны.

Опытъ не подтвердилъ этихъ предположеній: цивилизація процвѣтала, народное представительство было введено въ большей части европейскихъ государствъ, равенство передъ закономъ и судомъ было вездѣ признано, пресса пользовалась полной свободой, а между тѣмъ внутреннее

управленіе все усложнялось новыми вопросами, которые подымались изъ нѣдръ и глуби европейскихъ обществъ—вопросами поземельными, рабочими, хозяйственными.

Мы не будемъ слѣдить за возникновеніемъ и развитіемъ этихъ вопросовъ въ Европѣ, такъ какъ они изслѣдованы въ безчисленныхъ сочиненіяхъ и статьяхъ; замѣтимъ только, что либеральныя учрежденія по сіе время мало способствовали къ разрѣшенію ихъ, и что надежды, возлагаемыя на благотворное дѣйствіе либеральной политики для упроченія благосостоянія народныхъ массъ, не вполнѣ оправдались. Формы правленія и управленія имѣютъ дѣйствительно существенное вліяніе на благоустройство страны и косвенное на благосостояніе жителей; но сами по себѣ, какъ и всякая форма безъ содержанія, не разрѣшаютъ разныхъ многосложныхъ задачъ народнаго быта. Политическіе вопросы относятся къ хозяйственнымъ именно какъ формы къ содержанію; они интересуютъ народныя массы, удовлетворяютъ ихъ настолько, насколько содѣйствуютъ улучшенію ихъ быта—нравственнаго и матеріальнаго. Разумѣть подъ народнымъ хозяйствомъ только послѣдніе, матеріяльные интересы такъ же ошибочно, какъ и предполагать, что либеральная политика ограничивается обезпеченіемъ свободы и равноправности; но очевидно, что благосостояніе жителей, извѣстная степень довольства—есть краеугольный камень всякаго преуспѣянія, всякаго улучшенія и, наоборотъ, несправедливо, чтобы просвѣщеніе и свобода могли служить сами по себѣ исходной точкой, основаніемъ для устроенія народнаго быта.

Поэтому мы думаемъ, что хозяйственное управленіе составляетъ въ общемъ организмѣ государства такую же важную отрасль, какъ и политическое, — притомъ отрасль независимую, самостоятельную, имѣющую свой кругъ дѣй-

ствій и не подчиняющуюся безусловно государственнымъ пользамъ и нуждамъ.

Но въ этомъ отношеніи нельзя не признать, что вопросамъ о народномъ хозяйствѣ по сіе время придается несравненно менѣе значенія, чѣмъ политическимъ, что они изучаются поверхностно, односторонне по совершенно фальшивымъ методамъ, по предвзятымъ и большею частію тенденціознымъ мнѣніямъ, которыя непосредственно переводятъ эти простые житейскіе вопросы въ область высшихъ политическихъ соображеній.

Мы полагаемъ, напротивъ, что хозяйственный бытъ народа имѣетъ болѣе вліянія на общественный и политическій строй, чѣмъ обратно — политика на народное хозяйство. Такъ напримѣръ мы видимъ, что при совершенно одинаковыхъ и самыхъ либеральныхъ учрежденіяхъ, но при различныхъ хозяйственныхъ условіяхъ Англія и Шотландія процвѣтаютъ, а Ирландія нищенствуетъ и томится въ тяжкой кабалѣ. Во Франціи, при полномъ равенствѣ политическихъ и гражданскихъ правъ, среднія и высшія сословія получили такой перевѣсъ въ экономическомъ отношеніи, что завладѣли первые 37% всѣхъ земельныхъ имуществъ, вторые 62,5%, оставивъ прочимъ классамъ, мелкимъ владѣльцамъ изъ всей государственной территоріи 0,5% *).

Это доказываетъ во всякомъ случаѣ, что хозяйственный бытъ слѣдуетъ другимъ законамъ развитія чѣмъ политическій, что либеральное правленіе, какое бы оно ни было, съ аристократическимъ оттѣнкомъ, какъ въ Англіи, или съ демократическимъ, какъ во Франціи, не имѣетъ прямого вліянія на народный бытъ, и изъ этого также слѣдуетъ, что надо изучать хозяйственныя условія, въ коихъ живетъ каждый народъ отдѣльно, на мѣстахъ и на практикѣ, не под-

*) Янсонъ, «Русская рѣчь». Мартъ 1880 г., стр. 278.

водя ихъ заранѣе подъ политико-экономическія теоріи и ученыя доктрины, но, напротивъ, выводя изъ добытыхъ свѣдѣній и фактовъ тѣ правила, которыя могутъ быть примѣнены къ народному быту.

Большая часть экономическихъ вопросовъ нашего времени — совершенно новые, не только въ Россіи, но и во всѣхъ образованныхъ странахъ; они возникли не далѣе, какъ въ началѣ настоящаго столѣтія и не столько подъ вліяніемъ политическихъ переворотовъ, уничтоженія крѣпостной и феодальной зависимости, эмансипаціи нисшихъ классовъ, сколько по дѣйствію естественныхъ, бытовыхъ причинъ, независимыхъ ни отъ воли человѣка, ни отъ порядковъ управленія.

Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ или, по крайней мѣрѣ, какъ онъ намъ извѣстенъ по исторіи, никогда еще такія массы народа не были стѣснены на такихъ малыхъ пространствахъ, какъ въ Европѣ; нигдѣ, развѣ только въ Китаѣ, густота населенія не достигала такихъ размѣровъ, какихъ она достигла именно въ настоящемъ столѣтіи въ Англіи и въ большей части континентальной Европы; если при этомъ сообразить, что это стѣсненіе совпало съ моментомъ освобожденія жителей и провозглашеніемъ принциповъ равенства и равноправности, то надо признать, что задача предстоящая нынѣ къ разрѣшенію, а именно соглашенія такъ называемыхъ правъ на существованіе съ уменьшеніемъ средствъ на пропитаніе и мѣста для жительства, что задача эта, говоримъ, новая, небывалая и во всякомъ случаѣ представляющая громадныя затрудненія.

Покуда нисшіе классы пользовались привольемъ, просторомъ, избыткомъ кормовыхъ средствъ, они мирились съ своимъ униженнымъ невольнымъ состояніемъ, тѣмъ легче, что, при низкомъ уровнѣ образованности, и пот-

ребности ихъ были самыя грубыя и простыя. Но съ начала нашего столѣтія и въ особенности послѣ французской революціи и наполеоновскихъ войнъ, послѣдовали одинъ за другимъ или даже одновременно слѣдующіе экономическіе кризисы: во-первыхъ, густота населенія въ полосахъ срединной Европы достигла крайнихъ размѣровъ; во-вторыхъ, народное просвѣщеніе, проникая постепенно въ низшіе слои общества, возвышало и усложняло вкусы и потребности простого народа; въ-третьихъ, естественная производительность, плодородіе почвы начали быстро упадать подъ вліяніемъ грубыхъ, хищническихъ культуръ прежнихъ временъ; однимъ словомъ, народное хозяйство было поставлено между тремя огнями—умноженіемъ народонаселенія, возвышеніемъ потребностей и ослабленіемъ природныхъ производительныхъ силъ.

Эти причины, совершенно простыя и естественныя, породили тотъ соціальный кризисъ, который нынѣ смущаетъ Европу и обыкновенно приписывается вліянію политическихъ и общественныхъ обстоятельствъ. Всѣ онѣ прямо истекаютъ изъ непреложныхъ законовъ природы: приращеніе народонаселенія производитъ въ народномъ быту неизбѣжно нѣкоторое стѣсненіе, которое не окупается никакими житейскими удобствами и выгодами; просвѣщеніе порождаетъ такую массу новыхъ потребностей, что производительности очень трудно слѣдить за этимъ усиленнымъ запросомъ продуктовъ. Плодородіе почвы, истощенной послѣдовательно эксплуатаціею нѣсколькихъ поколѣній, можетъ быть возстановлено только посредствомъ улучшенной культуры, требующей и большихъ затратъ и большихъ знаній.

Такимъ образомъ, улучшеніе народнаго быта вращается въ кругѣ, изъ котораго до сихъ поръ не найдено выхода; оно необходимо требуетъ усиленной помощи техники, науки,

культуры въ самомъ обширномъ смыслѣ слова. Но культура, въ свою очередь, и цивилизація вообще развиваетъ безпредѣльно потребности народа, и весь вопросъ въ томъ, который изъ этихъ двухъ прогрессовъ идетъ быстрѣе. Если цивилизація далеко опережаетъ развитіе матеріальнаго благосостоянія народныхъ массъ, то нѣтъ никакого повода предполагать, чтобы отъ этого народный бытъ дѣйствительно улучшился: какъ бы при этомъ ни развивались промыслы, заработки, личныя способности рабочихъ, нужды ихъ растутъ также быстро или еще быстрѣе, и въ концѣ-концовъ сбереженія свободныхъ суммъ не остается въ запасѣ на черный день. Въ нравственномъ отношеніи также сомнительно, чтобы образованіе само по себѣ увеличивало довольство нисшихъ классовъ, смягчало ихъ нравы, вообще, улучшало ихъ душевное настроеніе; при недостаткѣ или скудости матеріальныхъ средствъ, оно имѣетъ противное дѣйствіе и внушаетъ смутное, но непреодолимое чувство неудовольствія, зависти и ожесточенія. Поэтому, мы думаемъ, что надежды, возлагаемыя на цивилизацію для улучшенія народнаго быта, преувеличены или, по крайней мѣрѣ, односторонни, и что это улучшеніе болѣе зависитъ отъ хозяйственныхъ соображеній, чѣмъ отъ гуманныхъ предположеній о благотворномъ дѣйствіи свободы и просвѣщенія. Отрицать пользу либеральныхъ учрежденій и образованности было бы, разумѣется, безразсудно, но ожидать отъ нихъ разрѣшенія соціальныхъ замѣшательствъ нашего времени, воображать, что подъ охраной свободы и при благомъ дѣйствіи просвѣщенія, нисшіе классы будутъ постепенно сознавать яснѣе свои нужды и пользы—это намъ кажется опаснымъ самообольщеніемъ. Они скорѣе почувствуютъ, что тѣ нужды ихъ все болѣе усложняются, и что средства ихъ не развиваются пропорціонально усиливающимся съ каждымъ днемъ потребностямъ благоустройства и культуры.

Этими соображеніями опредѣляется, какъ мы думаемъ, настоящее значеніе хозяйственныхъ вопросовъ, выступающихъ въ наше время на первый планъ. Покуда народное хозяйство и народное богатство было сосредоточено въ рукахъ высшихъ, болѣе или менѣе образованныхъ классовъ, или составляло, въ видѣ регалій, имущества государства, регламентація хозяйственныхъ отношеній могла казаться излишней; можно было предположить, что культурныя сословія, располагая большими средствами, сами съумѣютъ поддержать свои интересы, улучшить сельско-хозяйственные и другіе промыслы. Но съ тѣхъ поръ, какъ недвижимая и поземельная собственность начала дробиться и переходить въ руки мелкихъ, бѣдныхъ и притомъ малообразованныхъ сословій, нѣкоторое вмѣшательство въ смыслѣ урегулированія хозяйственныхъ отношеній, содѣйствія и помощи со стороны государства или общества—представляется необходимымъ, какъ для защиты интересовъ мелкихъ хозяевъ, такъ и для поддержанія самой производительности страны, которой иначе неминуемо угрожаетъ скорое истощеніе отъ грубой, хищнической культуры.

Мечтать о просвѣщеніи народныхъ массъ для улучшенія сельскаго хозяйства и народнаго быта, о благомъ дѣйствіи образцовыхъ фермъ, ремесленныхъ школъ и, вообще, примѣра образованныхъ хозяйствъ, это значитъ, по нашему мнѣнію, откладывать улучшенія до того времени, когда они сдѣлаются невозможными или крайне затруднительными. Мелкіе владѣльцы, бѣдные хозяева, по самому своему состоянію и даже при извѣстной степени образованія, не могутъ придерживаться многихъ изъ коренныхъ правилъ раціональной эксплуатаціи; имъ трудно соблюдать долгосрочные обороты плодоперемѣннаго хозяйства и еще длиннѣйшіе сроки правильнаго лѣсоводства; оставлять

большую часть своихъ полей подъ травой или въ пару для отдыха или удобренія почвы,—ожидать въ теченіи 40—60 лѣтъ, полнаго роста высокоствольныхъ лѣсовъ; они по нуждѣ, по неволѣ прибѣгають къ краткимъ оборотамъ, доставляющимъ имъ скорѣйшее вознагражденіе за ихъ труды и затраты, напримѣръ, къ посѣву цѣнныхъ продуктовъ, наиболѣе истощающихъ почву (льна, конопли, проса, мака, бѣлотурки) и къ вырубкѣ лѣсной поросли, когда она еще не достигла полнаго возраста.

Однимъ словомъ, мелкое землевладѣніе, такъ-называемая демократизація собственности, представляя большія выгоды въ соціальномъ отношеніи, имѣетъ безспорно и ту опасную сторону, что развиваетъ хищническую культуру; и если не будутъ приняты заблаговременно мѣры къ предупрежденію этого зла, то, въ особенности въ Россіи, гдѣ считается около 8 милліоновъ крестьянскихъ хозяйствъ, нельзя не опасаться полнѣйшаго разстройства народнаго хозяйства прежде, гораздо прежде, чѣмъ обнаружится благое дѣйствіе гуманныхъ проэктовъ о просвѣщеніи народа и улучшеніи культуры.

Изъ этого мы выводимъ заключеніе, что для попеченія о народномъ хозяйствѣ, при томъ развитіи и усложненіи, которыя оно получило въ наше время, нужно организовать особое и самостоятельное вѣдомство, имѣющее исключительнымъ предметомъ охраненіе хозяйственныхъ интересовъ страны и народа.

II.

Недостатокъ и сбивчивость свѣдѣній о народномъ хозяйствѣ.

Нѣтъ предмета, о коемъ бы разсуждали такъ много и такъ утвердительно, какъ о состояніи народнаго хозяйства, объ относительномъ богатствѣ той или другой стороны, или того и другого класса жителей; какъ въ публикѣ, такъ и въ ученыхъ и административныхъ сферахъ, рѣдко можно встрѣтить человѣка, который не считалъ бы себя въ правѣ отзываться въ самыхъ категорическихъ выраженіяхъ объ упадкѣ или процвѣтаніи разныхъ промысловъ, о разстройствѣ или улучшеніи помѣщичьихъ и крестьянскихъ хозяйствъ, о высокомъ или низкомъ уровнѣ народнаго благосостоянія.

Въ Россіи, при этомъ, особенно въ послѣднее время, стало преобладать пессимистическое настроеніе, представляющее наше хозяйственное положеніе въ самомъ мрачномъ, почти безнадежномъ видѣ, чтó совершенно понятно, если принять въ соображеніе—изъ какихъ источниковъ, отзывовъ и свѣдѣній слагается общее мнѣніе о нашемъ экономическомъ положеніи.

Надо вообще замѣтить, что въ подобныхъ сужденіяхъ, какъ въ частныхъ бесѣдахъ, такъ и въ общественныхъ пре-

ніяхъ, голоса людей недовольныхъ раздаются обыкновенно громче, чѣмъ другіе. Люди трудолюбивые, бережливые, дѣловые, къ какому бы состоянію не принадлежали, вообще по своему нраву болѣе сдержаны и скрытны, чѣмъ люди праздные и разгульные; первые, занятые дѣломъ, неохотно отрываются отъ него для рѣчей, заявленій, словопреній, отъ которыхъ ожидаютъ мало пользы; они вообще не имѣютъ никакого повода объявлять во всеуслышаніе о своемъ довольствѣ, похваляться своими выгодами и прибылями; между тѣмъ, какъ люди потерпѣвшіе убытки, по своей ли винѣ или по обстоятельствамъ отъ нихъ независящимъ, непремѣнно заявляютъ о нихъ, жалуются и ищутъ вспомоществованія, вознагражденія. Эта черта свойственна всѣмъ классамъ, нисшимъ и высшимъ, и такъ естественна, что не можетъ быть поставлена никому въ вину; но въ сельскохозяйственномъ быту она проявляется еще болѣе рѣзко отъ причинъ, присущихъ самому промыслу земледѣлія, самой природѣ и ходу этого промысла. Сельскохозяйственный бытъ неизбѣжно стѣсняется отъ естественнаго и непреложнаго хода вещей, отъ развитія человѣческихъ обществъ; по мѣрѣ приращенія населенія, исчезаютъ прежніе просторъ и приволье: лѣса вырубаются, земли выпахиваются, выгоны стѣсняются, старыя пашни, мягкія земли не даютъ болѣе такихъ урожаевъ, какъ цѣлина, новь, подсѣки и рѣзы и, во всякомъ случаѣ, требуютъ болѣе труда и затратъ. Въ общемъ итогѣ производительность можетъ быть и усиливается, и самый бытъ земледѣльца до извѣстной степени и улучшается; но улучшеніе это для него менѣе существенно, чѣмъ стѣсненіе его прежнихъ удобствъ и привычекъ, и когда онъ вспоминаетъ тѣ блаженныя времена, когда стада паслись вольно по чужимъ лѣсамъ, и пустыя земли безпрепятственно распахивались и засѣвались, то несмотря на печальныя вос-

поминанія прежняго подневольнаго положенія, онъ безсознательно жалуется на ухудшеніе своего хозяйства.

Отъ этого, разумѣется, худшая сторона народнаго быта выступаетъ наружу болѣе ярко, чѣмъ хорошая: съ одной стороны, голоса людей трудолюбивыхъ, хорошихъ хозяевъ, заглушаются отзывами людей безтолковыхъ, безпечныхъ,—съ другой—разстройство хозяйства, отчасти происходящее отъ естественныхъ причинъ, приписывается исключительно неурядицѣ въ общественномъ строѣ. Мы не говоримъ, чтобы многія изъ этихъ жалобъ не были справедливы, чтобы народное хозяйство въ Россіи въ настоящій моментъ не имѣло много слабыхъ сторонъ, указывающихъ на дѣйствительный упадокъ, но только полагаемъ, что изъ частныхъ отзывовъ и мнѣній нельзя вывести правильнаго заключенія объ улучшеніи или ухудшеніи народнаго хозяйства, и что изъ явленій, приводимыхъ въ доказательство разстройства, многія должны быть отнесены къ причинамъ, никакими человѣческими силами неотвратимымъ.

Кромѣ этихъ общихъ соображеній, въ Россіи представляются еще другія—частныя, которыя заставляютъ насъ еще болѣе сомнѣваться, чтобы такимъ путемъ, какъ разспросы и показанія мѣстныхъ жителей, можно было собирать вѣрныя свѣдѣнія. Долголѣтняя, вѣковая безправность, среди коей жилъ русскій народъ, самовластіе крѣпостныхъ владѣльцевъ, взяточничество чиновниковъ, къ сожалѣнію, оставили глубокіе слѣды во всѣхъ классахъ, и всякій запросъ, всякая справка о хозяйственномъ положеніи, отъ кого бы она ни исходила, отъ частнаго лица или начальства, принимается съ недовѣріемъ, какъ попытка къ обложенію обывателей новыми тягостями или, по крайней мѣрѣ, какъ докучливое вмѣшательство во внутренній, домашній бытъ. Лица, не принадлежащіе къ выс-

шимъ сословіямъ и считающіе себя безпристрастными судьями,—туристы, репортеры журналовъ и другіе случайные изслѣдователи народнаго быта воображаютъ, что они, какъ люди посторонніе, не имѣющіе обязательныхъ и оффиціальныхъ отношеній къ крестьянамъ, внушаютъ имъ болѣе довѣрія и поэтому наивно передаютъ тѣ свѣдѣнія, которыя имъ удается собрать при бѣглыхъ разспросахъ мѣстныхъ жителей. Но въ этомъ отношеніи русскій простолюдинъ не разбираетъ соціальнаго положенія изслѣдователя, и проѣзжій пришлый человѣкъ возбуждаетъ въ немъ еще болѣе подозрительности, чѣмъ знакомый ему баринъ. Ни тому, ни другому онъ не раскроетъ съ перваго слова своего хозяйственнаго положенія; разскажетъ, пожалуй, кое-что о своихъ горяхъ, убыткахъ, несчастіяхъ, но о прибыляхъ и выгодахъ, если онѣ и были,—умолчитъ; вообще зажиточный хозяинъ будетъ притворяться бѣднымъ по простому разсчету, чтобы односельцы не обращались къ нему за помощью, и чтобы начальство не вздумало обойти его при ссудахъ изъ продовольственнаго капитала и при другихъ подобныхъ случаяхъ, или чтобы міръ не обложилъ его излишними тягостями.

Какъ ни печальны такія черты, съ точки зрѣнія народной нравственности, но онѣ присущи человѣческой природѣ. Если въ Англіи, при полнѣйшей свободѣ и гласности, значительная часть доходовъ утаивается при раскладкѣ подоходнаго налога, то едва ли можно надѣяться при нашихъ порядкахъ управленія получить, хотя бы приблизительно, вѣрныя свѣдѣнія о народномъ хозяйствѣ по показаніямъ самихъ жителей.

Наконецъ, надо еще подмѣтить одну черту, присущую всѣмъ сельскимъ жителямъ, но которая, какъ будто не вѣдается составителями статистическихъ и хозяйствен-

ныхъ описаній, — это то, что многіе изъ предметовъ, входящихъ въ составъ хозяйства и составляющихъ главныя статьи прихода и расхода, вовсе не считаются не только въ крестьянскихъ, но даже и въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ хозяйствахъ за доходныя статьи. Большая часть нашихъ мужиковъ не знаетъ, напримѣръ, точно своихъ урожаевъ; они обыкновенно прикидываютъ на мѣры или вѣсы первый умолотъ въ видѣ пробнаго и затѣмъ, въ теченіи осени и зимы, молотятъ безъ счета; если они и считаютъ четверти и четверики, то, не записавъ счета, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ забываютъ его; сѣно они считаютъ копнами, кучами или погонными саженями, въ скирдахъ и стогахъ, не опредѣляя при томъ ни вышины, ни толщины кладки; солому, мякину, ботву, огородныя овощи вовсе не мѣряютъ и не вѣсятъ; вообще счетъ, болѣе или менѣе вѣрный, ведется только тѣмъ продуктамъ, которые поступаютъ въ продажу или вывозятся изъ дома, но домашній расходъ рѣдко считается, а кормъ скота и другія мелкія издержки еще рѣже.

Затѣмъ спрашивается, откуда же берутся тѣ разнообразныя и подробныя свѣдѣнія, которыя печатаются и публикуются въ правительственныхъ и частныхъ изданіяхъ о разныхъ статьяхъ хозяйства: о посѣвѣ и урожаѣ всякихъ хлѣбовъ и продуктовъ, о промыслахъ, заработкахъ, прибыляхъ и убыткахъ земледѣлія, о бюджетѣ крестьянскихъ хозяйствъ и всякихъ статьяхъ производства и потребленія? На чемъ основаны общіе выводы и заключенія о состояніи народнаго хозяйства, объ упадкѣ или развитіи разныхъ промысловъ и вообще о благосостояніи или стѣсненіи жителей?

Мы полагаемъ, что для такихъ высшихъ и общихъ соображеній не имѣется у насъ основаній, и что правильнѣе было бы сознаться, что мы ничего не знаемъ о предметѣ, о которомъ такъ много и такъ самоувѣренно разсуждаютъ.

Во всякомъ случаѣ, въ настоящій моментъ нашего экономическаго развитія представляется въ народномъ быту много такихъ фактовъ, которые противорѣчатъ одинъ другому, или, представляя настоящее наше хозяйственное положеніе съ разныхъ сторонъ, весьма затрудняютъ всякую оцѣнку этого положенія.

Съ одной стороны, несомнѣнно, обнаруживается нѣкоторый упадокъ благосостоянія, въ особенности выражающійся въ накопленіи недоимокъ по разнымъ обязательнымъ платежамъ, въ недостаткѣ съ каждымъ годомъ усиливающихся кормовъ и пастбищъ для скота и вслѣдствіе этого—въ упадкѣ скотоводства и уменьшеніи средствъ для удобренія почвы; кромѣ того, въ нѣкоторыхъ полосахъ Россіи наступилъ положительный кризисъ отъ приращенія населенія и малоземелья, заставляющій сельскихъ жителей переселяться или прибѣгать къ отхожимъ промысламъ.

Въ помѣщичьемъ быту, между частными землевладѣльцами, разстройство обнаруживается упраздненіемъ усадебъ и запашекъ; такъ, напр., въ Тверской губерніи съ 1861 г. число усадебъ сократилось почти на половину, съ 2,860 на 1,802; въ Тульской губ. съ 2.075,000 дес. на 1.068,000; въ Костромской—изъ 1,400 усадебъ закрылось 356 и продано 308 [1]).

Въ Псковской губ., по свѣдѣніямъ земства, по 4 уѣздамъ, въ десятилѣтіе, съ 1870 по 1879 г., перешло въ другія руки слѣдующее количество земель: въ Новоржевскомъ—43,830 десят., въ Холмскомъ — 24,434 десят., въ Торопецкомъ—143,475 и въ Порховскомъ—58,518 десятинъ.

Изъ этихъ фактовъ можно, дѣйствительно, заключить, что во многихъ мѣстностяхъ уровень народнаго богатства нѣ-

[1]) Матеріалы о землевладѣніи, изд. Мин. Гос. Имущ. Вып. I, стр. 3. Спб. 1879.

сколько понизился или, по крайней мѣрѣ, что многіе землевладѣльцы и земледѣльцы стѣснены и разстроены въ своихъ хозяйствахъ.

Но, съ другой стороны, представляются также факты, несомнѣнно доказывающіе усиленіе производительности и улучшеніе быта, опять-таки въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ или въ нѣкоторыхъ классахъ жителей. — Такъ, изъ свѣдѣній, опубликованныхъ Мин. Госуд. Имущ., въ выше упомянутомъ изданіи, мы видимъ, что въ 85 уѣздахъ (о всѣхъ прочихъ нѣтъ свѣдѣній) куплено крестьянами съ 1861 г.—1.870,127 десятинъ. Изъ этого количества въ губерніяхъ: Тверской—469,145, Самарской — 308,605, Саратовской — 213,646 Таврической—433,787.

Если сообразить, что эти 1.870,127 дес. стоютъ не менѣе 37 милл. руб. (полагая среднюю цѣну 20 руб. за десят.), и что эти свѣдѣнія собраны, можно сказать, на удачу и только въ 4 губерніяхъ съ нѣкоторой полнотой, то нельзя не признать, что этотъ фактъ прямо противорѣчитъ общераспространенному мнѣнію о повсемѣстномъ обѣднѣніи крестьянъ. Въ особенности замѣчательны свѣдѣнія, касающіяся Тверской губ., потому что эта мѣстность представляетъ средній типъ хозяйственнаго положенія крестьянъ; почва въ ней не то что безплодная, но и не плодородная, требующая сильнаго удобренія, надѣлы средніе—на ревизскую душу по 4 десятины; цѣны на земли умѣренныя, но не дешевыя; по выкупу ссуды приходится на десятину 28 р. 60 коп., а платежей 1 руб. 72 коп.; продукты обыкновенные, сѣрые хлѣба — рожь и овесъ; однимъ словомъ, условія хозяйства такія, какія преобладаютъ въ бо́льшей части Россіи.

Вотъ что оказывается въ этой губерніи: 66,083-мя лицами крестьянскаго сословія куплено въ теченіи 17

лѣтъ, съ 1861 — 1878 г.,—469,545 дес.; полагая десятину въ 20 руб. — на сумму 9.390,900 руб.; изъ этого числа куплено — 12,609 отдѣльными крестьянами—248,000 дес., слѣдовательно, на каждаго приходится около 20 десят.; остальное количество куплено цѣлыми обществами — 115,808 и товариществами — 105,631 дес. Въ этихъ двухъ покупкахъ участвовало — 53,474 лица, т.-е. домохозяевъ, что́ должно соотвѣтствовать двойному или тройному числу ревизскихъ душъ. На одного хозяина приходится около $4^1/_2$ десят. или—по цѣнѣ 20 руб. на десятину—90 руб. издержекъ.

Хотя несомнѣнно, что бо́льшая часть этихъ суммъ уплачена не наличными деньгами, а съ разсрочками платежа или на условіяхъ уплаты работами, но тѣмъ не менѣе трудно согласить это явленіе съ тревожнымъ слухомъ о разстройствѣ сельскаго хозяйства.

Мы не будемъ настаивать на другихъ признакахъ развитія производительности; какъ-то: усиленіи заграничнаго отпуска хлѣбовъ, который дошелъ до небывалаго количества 39 милл. четв. или повсемѣстномъ вздорожаніи покупныхъ и арендныхъ цѣнъ на земли, которыя въ послѣднія 15 лѣтъ въ бо́льшей части Россіи удвоились, а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ утроились; не смѣемъ на этомъ настаивать потому, что многіе полагаютъ, что это искусственныя, обманчивыя явленія, что вывозъ хлѣбовъ усиливается въ ущербъ внутреннему продовольствію и подъ вліяніемъ низкихъ нашихъ курсовъ, что поземельныя цѣны возвышаются отъ легкомысленнаго, неразсчетливаго стремленія крестьянъ къ экстенсивной культурѣ—все это можетъ быть и не быть.

Но мы имѣемъ положительныя данныя объ отпускѣ хлѣбовъ за-границу и очень мало о внутреннемъ ихъ по-

требленіи; мы знаемъ достовѣрно, что поземельныя цѣны повышаются и не знаемъ, какія причины вліяютъ на повышеніе. Если, съ одной стороны, замѣтно нѣкоторое увлеченіе крестьянъ къ покупкѣ и арендованію земель, то съ другой—видно было (особенно въ первое десятилѣтіе послѣ освобожденія крестьянъ), стремленіе землевладѣльцевъ къ распродажѣ своихъ имѣній и упраздненію запашекъ, а это должно было бы, повидимому, парализовать возвышеніе цѣнъ.

Вообще трудно себѣ объяснить, какъ могутъ возвышаться цѣны на имущества въ то время, когда доходность ихъ упадаетъ; какъ можетъ привлекать людей промыселъ невыгодный, даже по разсчетамъ многихъ писателей—убыточный — это необъяснимо. Съ одной стороны, мы видимъ положительные факты, что въ 4 губерніяхъ куплено крестьянами 1.425,584 десят., что хлѣба вывезено 39 милл. четв., что цѣны на земли удвоились и утроились; съ другой—мы слышимъ и читаемъ постоянныя сѣтованія о матеріальномъ и нравственномъ разстройствѣ народа; но на чемъ они основаны, въ какой степени проявляется этотъ упадокъ, какими мѣрами и вѣсами онъ измѣряется—это остается неизвѣстнымъ. Чтобы судить объ упадкѣ народной нравственности или о разстройствѣ народнаго хозяйства, нужно знать, на какой степени они стояли прежде и сравнить такія данныя съ настоящимъ положеніемъ. Такъ, напримѣръ, о развращеніи народа можно судить по числу преступленій и проступковъ, принимая въ соображеніе, что во времена крѣпостного права большая часть ихъ судилась негласно, помѣщичьею властью и большая часть строптивыхъ и разгульныхъ людей ссылалась безъ суда на поселеніе или сдавалась безъ очереди въ солдаты; а такъ какъ данныя объ этомъ остались навсегда неизвѣстными и похоронены вмѣстѣ съ крѣпостнымъ правомъ, то и сравненіе настоящаго числа

подсудимыхъ съ прежнимъ привело бы къ фальшивому выводу, основанному на сопоставленіи двухъ чиселъ, изъ коихъ одно неизвѣстно.

О развитіи пьянства можно судить по потребленію крѣпкихъ напитковъ, разсчитывая, сколько приходится среднимъ числомъ вина на жителя, и такъ какъ этотъ счетъ издавна ведется по акцизному (прежде по откупному) управленію, то по этому предмету можно было бы придти къ положительному заключенію. Сколько намъ извѣстно, въ министерствѣ финансовъ ведутся списки, въ коихъ сдѣланъ этотъ разсчетъ за много лѣтъ, и по нимъ оказывается, что, несмотря на разныя измѣненія въ нашей винно-акцизной системѣ, увеличенія и уменьшенія числа питейныхъ заведеній, возвышенія и пониженія патентнаго и акцизнаго сбора, потребленіе вина, принимая въ разсчетъ приростъ населенія, остается въ средней сложности на 1 жителя почти неизмѣннымъ. Поэтому мы опять спрашиваемъ: на чемъ основано мнѣніе, что пьянство въ народѣ усиливается?

Матеріальное разстройство и стѣсненіе могло бы быть также изслѣдовано, если бы мы имѣли данныя для сравненія прежняго времени съ настоящимъ. Такъ, напримѣръ, мы привели выше числа упраздненныхъ помѣщичьихъ запашекъ, но не находимъ свѣдѣній о вновь заведенныхъ фермахъ и хуторахъ, и поэтому не знаемъ — увеличилась или уменьшилась площадь производительныхъ земель. Мы очень часто слышимъ взаимныя сѣтованія, какъ землевладѣльцевъ, такъ и бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ, что житье ихъ сдѣлалось хуже послѣ реформы 1861 г., и, въ виду такихъ заявленій обѣихъ сторонъ, спрашиваемъ себя: кто же выгадалъ? Но вникая глубже въ ихъ положеніе, находимъ, что обѣ стороны проживали въ прежнее время не доходами съ имѣній, не рентою съ земли, а изъ

самаго капитала: въ сѣверной полосѣ рубили нещадно лѣса, въ южной—распахивали и выпахивали до истощенія поля; реформа 1861 г. стѣснила ихъ въ томъ отношеніи, что положила предѣлъ расхищенію чужой собственности и пользованію чужимъ трудомъ.

Въ этомъ положеніи вещей, я думаю, что слѣдуетъ лучше воздержаться отъ категорическихъ заключеній объ упадкѣ или развитіи сельскаго хозяйства, оставить вопросъ открытымъ, не смущать общественное мнѣніе голословными отзывами о разстройствѣ народнаго быта, а вмѣсто того стараться его изслѣдовать по вѣрнымъ, яснымъ признакамъ.

Пріемы и порядки, употребляемые нынѣ при статистическихъ изслѣдованіяхъ, едва ли могутъ когда либо, даже и при всевозможномъ усердіи, привести къ ясному пониманію пользъ и нуждъ народа.—Это мы постараемся доказать въ слѣдующей главѣ; здѣсь же замѣтимъ, что свѣдѣнія, собранныя и собираемыя въ Россіи по настоящее время о народномъ бытѣ указываютъ только на одно явленіе—на совершенно разнообразный ходъ народнаго хозяйства, на разныя обстоятельства не подходящія ни подъ какую общую оцѣнку. Свобода, равноправность начинаютъ проявлять свое обыкновенное дѣйствіе—неравенство состояній. Покуда крѣпостное право и административный произволъ держалъ весь сельской людъ подъ однимъ гнетомъ, уровень крестьянскихъ хозяйствъ былъ почти вездѣ равный; въ уравненіи этомъ были заинтересованы сами владѣльцы. Но какъ только отдѣльнымъ хозяевамъ и обществамъ было предоставлено вольное распоряженіе своими способностями, то начали обнаруживаться факты, что люди разумные, бережливые и воздержные богатѣютъ, а неспособные или слабые, разгульные — бѣднѣютъ. — Это и проявляется нынѣ въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, сбивающихъ

всякіе разсчеты. Тѣ сельскія общества, гдѣ сохранился нѣкоторый порядокъ, гдѣ преобладаетъ авторитетъ разумныхъ мужиковъ, положительно улучшаютъ свой бытъ, прикупаютъ земли въ вѣчное владѣніе или въ годы (арендуютъ), запрещаютъ кабаки, заводятъ школы.—Изъ другихъ сельскихъ обществъ выдѣляются (впрочемъ, не выходя изъ общиннаго, мірскаго союза) наиболѣе смышленые и сильные хозяева, снимаютъ у бѣдныхъ своихъ односельцевъ ихъ полевыя полосы, вносятъ за нихъ подати, все это по домашнимъ негласнымъ сдѣлкамъ и, разумѣется, наживаются на ихъ счетъ. Домохозяева семьянистые, съ большимъ числомъ рабочихъ душъ, получивъ вольное распоряженіе своими силами, ходятъ на промыслы и заработки; одинокіе и по отмѣнѣ крѣпостной власти остаются закрѣпощенными къ своему двору, отъ коего отлучиться не могутъ.

Однимъ словомъ бѣдность и богатство зарождаются одновременно и на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ—отъ причинъ, совершенно неуловимыхъ, и вопросъ въ томъ: *какая часть мѣстнаго населенія бѣднѣетъ и какая богатѣетъ?* Но на этомъ вопросъ никто въ Россіи въ настоящее время не можетъ дать никакого даже приблизительно вѣрнаго отвѣта и всѣ разсужденія объ улучшеніи или упадкѣ народнаго хозяйства оказываются предположеніями совершенно гадательными.

Чтобы разрѣшить этотъ вопросъ, нужно прежде измѣнить самый порядокъ изслѣдованія народнаго быта, если желать когда либо ясно узнать дѣйствительныя народныя пользы и нужды.

III.

Порядокъ собиранія статистическихъ свѣдѣній.

Общій и обыкновенный пріемъ для собиранія всякихъ статистическихъ и экономическихъ свѣдѣній состоитъ въ слѣдующемъ: въ извѣстномъ территоріальномъ округѣ или въ общественной группѣ исчисляются разные предметы производства или хозяйства, пространство земель съ подраздѣленіемъ на угодья, пашни, луга и проч., цѣнность и доходность имуществъ, количество скота, крупнаго и мелкаго, домашнихъ птицъ, сборъ хлѣбовъ и другихъ продуктовъ, также заработки, промыслы, ремесла и такъ далѣе; затѣмъ принимая эти свѣдѣнія, которыя всегда выражаются въ крупныхъ итогахъ, за вѣрныя, раздѣляютъ эти итоги на число жителей, или домохозяевъ и частныхъ владѣльцевъ, или дворовъ, семействъ, имѣній, и такимъ образомъ выводится среднее число, причитающееся изъ всего количества или изъ всей суммы на единицу, принятую для исчисленія.

Такимъ образомъ получаются почти всѣ разсчеты о степени достатка или стѣсненія народа, о развитіи или упадкѣ промысловъ и хозяйства.

Если въ одной губерніи или уѣздѣ, волости, обществѣ оказывается, что на жителя приходится болѣе земли или

скота, или доходныхъ статей вообще, чѣмъ въ другихъ, то изъ этого ариѳметическаго разсчета заключаютъ о сравнительномъ обиліи матеріальныхъ средствъ въ данной мѣстности и объ относительномъ достаткѣ, довольствѣ жителей.

Этотъ-то пріемъ *вычисленія среднихъ чиселъ*, кажется намъ главнымъ порокомъ всѣхъ статистическихъ изслѣдованій. Средніе выводы безспорно указываютъ отношеніе разныхъ предметовъ хозяйства и богатства въ цѣлой странѣ, или въ извѣстной ея части, и по нимъ можно дѣйствительно заключить, что въ такомъ-то округѣ болѣе земли, менѣе жителей, болѣе скота, лучшіе урожаи, выгоднѣйшіе промыслы, чѣмъ въ другихъ. Но въ отношеніи жителей они не даютъ указаній и большею частію даютъ даже фальшивые выводы, не говоря уже о крупныхъ территоріальныхъ округахъ, какъ-то: губерніи или уѣздѣ, но и въ самыхъ тѣсныхъ группахъ, какъ, напримѣръ, сельское общество. Среднія числа вовсе не указываютъ дѣйствительнаго распредѣленія имуществъ и доходовъ. Въ малоземельномъ населеніи могутъ быть крестьяне, которые по одиночеству и недостатку рабочихъ рукъ тяготятся своимъ скуднымъ надѣломъ, отказываются отъ земли и, наоборотъ, въ обществѣ съ широкимъ надѣломъ нѣкоторые семьянистые крестьяне могутъ нуждаться въ пашнѣ и лугахъ.

Довольство или бѣдность (мы не говоримъ о зажиточности) опредѣляется не количествомъ имущества или дохода, причитающагося на дворъ, на семью, а отношеніемъ этого количества къ внутреннему составу семьи и къ ея рабочимъ силамъ; при одинаковомъ надѣлѣ по числу душъ, семья съ 2—3 рабочими будетъ находиться въ совершенно иномъ положеніи, чѣмъ семья съ такимъ же числомъ малолѣтнихъ или стариковъ.

Что же касается до прочихъ исчисленій — урожаевъ,

заработковъ, прибылей и убытковъ, то рѣшительно непонятно, какими способами добываются по цѣлымъ губерніямъ и по всей Россійской имперіи эти свѣдѣнія, которыя не собираются въ большей части частныхъ хозяйствъ, а если и считаются, то по такимъ неполнымъ, сбивчивымъ и фальшинымъ методамъ, что рѣдкій хозяинъ самъ можетъ опредѣлить чистый доходъ даже своего имѣнія, своего хозяйства.

Въ странахъ, гдѣ сельское хозяйство ведется преимущественно фермерами, арендаторами съ долгосрочными и формальными контрактами, гдѣ промышленность сосредоточена въ рукахъ крупныхъ капиталистовъ,—рента и заработки могутъ быть примѣрно исчислены; но въ нашемъ сельскомъ быту, при обыкновенныхъ съемкахъ земель на одно, много на два слѣтья, безъ всякихъ письменныхъ актовъ, при преобладаніи кустарныхъ и отхожихъ промысловъ, прослѣдить эти два главные рессурса народнаго хозяйства, ренту и заработки, едва ли возможно.

Во всякомъ случаѣ колебанія этихъ факторовъ нашего народнаго богатства таковы, что дѣлаютъ ошибочнымъ всякіе средніе выводы, и надо замѣтить, что эти колебанія происходятъ не отъ случайныхъ причинъ, а отъ природныхъ свойствъ нашей страны, отъ суровыхъ условій нашего климата. Эти соображенія заслуживаютъ особаго вниманія.

Изъ всѣхъ народовъ, ни одинъ не поставленъ природой въ такія ненормальныя условія, какъ русскій. Занимая обширный материкъ, громадное пространство суши, онъ подвергается всѣмъ неблагопріятнымъ свойствамъ континентальныхъ климатовъ, т.-е. крутымъ переходамъ отъ зноя къ стужѣ, отъ сырости къ засухѣ и, вслѣдствіе этого, отъ изобильнаго урожая плодовъ къ крайнему ихъ неурожаю. Едва ли, гдѣ-либо на земномъ шарѣ колебанія эти дости-

гаютъ такихъ размѣровъ, какъ въ Россіи; они во всякомъ случаѣ парализуютъ главныя выгоды нашего народнаго хозяйства — плодородіе почвы въ черноземной и степной полосахъ, спутывая всѣ хозяйственные разсчеты, лишая и землевладѣльца и земледѣльца главнаго условія благосостоянія—обезпеченности своихъ доходовъ.

Можно даже сказать, что это естественное свойство русскихъ земель вліяетъ всесильно не только на хозяйственный нашъ бытъ, но и на самый нравъ народа: русскій человѣкъ работаетъ дружно, спорко, но не прилежно; онъ какъ будто норовитъ захватить удобную минуту, въ промежуткѣ между разными невзгодами, для удовлетворенія своихъ насущныхъ нуждъ, не разсчитывая на завтрашній день, на будущій годъ; и дѣйствительно, онъ не можетъ на нихъ разсчитывать, онъ не увѣренъ, чтобы лучшія его поля не были побиты морозомъ среди лѣта, или сожжены палящимъ зноемъ при самыхъ всходахъ, или истреблены на корнѣ жуками, червями, саранчей, или чтобы хлѣбъ въ снопахъ, сѣно въ кучахъ не проросли и не сгнили отъ проливныхъ дождей. Всѣ таковыя случайности бываютъ и въ другихъ странахъ, но нигдѣ они не повторяются такъ часто и не свирѣпствуютъ такъ сильно, какъ въ Россіи, и именно вслѣдствіе географическаго положенія страны и климатическихъ ея условій.

Отъ этого—колебанія урожаевъ, рабочей платы, цѣнъ на продукты и всѣхъ прочихъ статей хозяйства доходятъ у насъ до размѣровъ не извѣстныхъ въ другихъ краяхъ. Въ хлѣбородныхъ губерніяхъ при обильномъ урожаѣ рабочая плата такъ дорожаетъ, а цѣна продуктовъ такъ дешевѣетъ, что перародъ по русской пословицѣ считается хуже недорода; въ центральныхъ нечерноземныхъ губерніяхъ луга даютъ въ мокрый годъ втрое болѣе сѣна, чѣмъ въ

сухой; однимъ словомъ, разница въ предложеніи и запросѣ по годамъ такъ велика, что многіе продукты, какъ-то: сѣно, солома, мякина, въ урожайные годы не имѣютъ никакой цѣнности, а въ неурожайные, напротивъ, не могутъ быть пріобрѣтены ни за какую цѣну.

Спрашивается: какъ же могутъ быть выведены изъ татакихъ смутныхъ данныхъ среднія нормальныя числа?

А между тѣмъ мы читаемъ въ безчисленныхъ сочиненіяхъ, статьяхъ и отчетахъ разсчеты о среднемъ урожаѣ хлѣбовъ, о заработкахъ и промыслахъ, о цѣнѣ обработки земель, о доходности разныхъ имуществъ и въ особенности глубокомысленныя соображенія о такъ-называемомъ бюджетѣ (?) крестьянскихъ хозяйствъ.

Такъ какъ эти „бюджеты“ основаны болѣе всего на урожаѣ хлѣбовъ, какъ главной отрасли народнаго хозяйства, то въ таковыхъ изслѣдованіяхъ прежде всего опредѣляется среднiй урожай; въ новѣйшихъ сочиненіяхъ, въ трудахъ экономистовъ, пользующихся наибольшимъ авторитетомъ, принимается норма вообще очень низкая: обыкновенно 3—4 зерна для озимыхъ хлѣбовъ, 2—3 для овса. Но на чемъ это основано—остается неизвѣстнымъ.

Если эти показанія вѣрны, то очевидно только, что вся масса русскимъ земледѣльцевъ работаетъ въ убытокъ, что при такомъ производствѣ урожаи едва покрываютъ продовольственныя нужды самихъ хлѣбопашцевъ, что имъ не можетъ оставаться ничего на продажу, и поэтому надо предположить, что они имѣютъ особенные рессурсы для домашнихъ расходовъ и уплаты податей.

Какіе это рессурсы — тоже не извѣстно.

Можетъ быть, нѣкоторая часть расходовъ покрывается заработками изъ отхожихъ промысловъ; но въ тѣхъ мѣстностяхъ (а таковыхъ много), гдѣ нѣтъ постороннихъ работъ,

существованіе крестьянскаго сословія при такомъ урожаѣ, какъ предполагаютъ наши экономисты, составляетъ загадку здравымъ смысломъ не разрѣшаемую.

Но мы полагаемъ, что эта именно статья, которая составляетъ въ земледѣльческой странѣ, какова Россія, основу всего народнаго хозяйства, т.-е. производство хлѣба—не можетъ быть исчислена даже приблизительно. Въ другомъ мѣстѣ, въ главѣ о народномъ продовольствіи, мы постараемся объяснить, какъ голословны и невѣрны свѣдѣнія, собираемыя даже по отдѣльнымъ мѣстностямъ, и въ особыхъ случаяхъ объ урожаяхъ; что же касается среднихъ выводовъ о нормальномъ урожаѣ, то ихъ надо причислить къ тѣмъ вымысламъ, коими пробавляются люди, изучающіе народный бытъ въ кабинетахъ и канцеляріяхъ.

Мы не будемъ продолжать далѣе этого разбора всѣхъ фальшивыхъ данныхъ, которыя, къ сожалѣнію, служатъ руководствомъ для сужденій о народномъ хозяйствѣ. Главная ихъ погрѣшность происходитъ отъ двухъ причинъ:

во-первыхъ, изъ того, что для опредѣленія степени развитія или упадка хозяйства, довольства или бѣдности жителей выбираются такіе предметы, которые никакими способами исчислены быть не могутъ, которые и въ частныхъ хозяйствахъ часто не считаются, или по крайней-мѣрѣ не повѣряются, и по существу своему, по мелочности и неудобству измѣренія или исчисленія, ускользаютъ отъ правильной оцѣнки;

во-вторыхъ, изъ того, что метода, принятая для экономическихъ изслѣдованій, сама по себѣ фальшивая; она даетъ ложное понятіе о хозяйственномъ и общественномъ бытѣ, представляя его въ огульныхъ итогахъ и въ среднихъ числахъ, вовсе не соотвѣтствующихъ дѣйствительному распредѣленію народнаго богатства. Благосостояніе народа измѣ-

ряется не суммой капиталовъ и доходовъ, имѣющихся въ данной мѣстности, и не воображаемой математической долей причитающейся на жителя, изъ имуществъ и продуктовъ по разсчету, а дѣйствительными долями, коими пользуются отдѣльныя лица или семьи, домохозяева и числомъ жителей или хозяйствъ, пользующихся большимъ или меньшимъ достаткомъ.

Какая польза въ томъ, что мы узнаемъ, что въ такомъ-то округѣ или въ такой-то группѣ населенія приходится на жителя столько-то десятинъ земли, лошадей, скота, хлѣба и всякихъ доходныхъ статей, когда мы не знаемъ—сколько изъ числа жителей владѣютъ этимъ имуществомъ, пользуются этимъ доходомъ.

А этихъ-то указаній статистика до сихъ поръ не давала и, пользуясь этой неизвѣстностію, правительственные органы и политическія партіи дѣлали свои выводы и заключенія о состояніи народнаго хозяйства по своимъ видамъ и тенденціямъ и часто въ своихъ интересахъ: та мѣстность, та страна признавалась богатѣйшей, гдѣ насчитывалось наиболѣе цѣнностей, хотя бы ими пользовалось наименьшее число жителей. — Оппозиціонныя и революціонныя партіи, въ свою очередь, пользовались таковымъ недостаткомъ свѣдѣній, чтобы преувеличить народныя бѣдствія, обобщать отдѣльные случаи и вообще рисовать картину соціальнаго положенія въ самомъ мрачномъ видѣ.

Такимъ образомъ, за недостаткомъ свѣдѣній о распредѣленіи народныхъ богатствъ, для экономическихъ и соціяльныхъ сужденій остается открытымъ необъятное поприще для предположеній о богатствѣ и бѣдности разныхъ классовъ, о благосостояніи или разстройствѣ хозяйства и такая же удобная почва для всякихъ произвольныхъ проэктовъ объ улучшеніяхъ народнаго быта.

На этомъ-то открытомъ и просторномъ поприщѣ подвизаются, съ одной стороны, администраторы, съ другой— разные устроители и реформаторы общественнаго строя, не стѣсняясь никакими фактами или данными, кромѣ своихъ собственныхъ умозаключеній, или, вѣрнѣе сказать, пользуясь шаткостію, сбивчивостью свѣдѣній, чтобы выводить изъ нихъ и приводить мѣры и доктрины, соотвѣтствующія болѣе ихъ видамъ, чѣмъ нуждамъ и пользамъ народа.

Это большое зло; оно постоянно сбиваетъ и правительство и образованные классы съ прямого пути изслѣдованія народнаго хозяйства на политическую почву, гдѣ играютъ, и болѣе играютъ, чѣмъ дѣйствуютъ, люди мало знакомые съ народнымъ бытомъ.

Признавая, такимъ образомъ, настоящій порядокъ собиранія статистическихъ и хозяйственныхъ свѣдѣній недостаточнымъ, мы позволимъ себѣ поставить слѣдующій вопросъ:

Нельзя ли найти для сужденій о народномъ хозяйствѣ, другіе признаки, другіе предметы, чѣмъ тѣ, которые избираются нынѣ для изслѣдованій, а именно: предметы болѣе наглядные и удобные для исчисленій, представляющіе болѣе вѣрную картину распредѣленія имуществъ и рабочихъ силъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, организовать на твердыхъ началахъ справочное учрежденіе, которое бы постоянно слѣдило за разными отраслями хозяйства, собирая о немъ свѣдѣнія, въ видѣ сырого матеріала, для правительственныхъ и частныхъ, практическихъ и научныхъ соображеній?

IV.

Какіе главные признаки бѣдности и разстройства въ сельскомъ быту?

Мы полагаемъ, что одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ экономическихъ и статистическихъ изслѣдованій есть опредѣленіе степени зажиточности и бѣдности населенія; мы говоримъ здѣсь не о высшихъ классахъ, гдѣ таковыя изслѣдованія очень сложны и трудны, но только о низшихъ рабочихъ сословіяхъ, которыя большею частію, въ особенности въ нашемъ крестьянскомъ быту, стоятъ почти на одномъ и очень низкомъ уровнѣ благосостоянія.

Въ этихъ классахъ очень важно различить тѣ немногіе разряды, степени достатка, которые отличаютъ домохозяина зажиточнаго или средняго состоянія отъ бѣднаго и неимущаго. Это важно не только для общихъ, научныхъ соображеній о народномъ благосостояніи, но и для всякихъ хозяйственныхъ и финансовыхъ мѣропріятій, чтобы узнать, какія средства и силы имѣются въ данной мѣстности для экономическаго устройства и, что еще важнѣе, чтобы провести ту черту, найти ту грань, гдѣ прекращается состоятельность, гдѣ не оказывается болѣе собственныхъ силъ и средствъ для существованія, и гдѣ поэтому общество, земство и правительство не могутъ болѣе разсчитывать на само-

дѣятельность жителей, на ихъ рессурсы, а, напротивъ, должны стараться придти имъ въ помощь, чтобъ спасти ихъ отъ окончательнаго разоренія.

При всякихъ мѣрахъ и предположеніяхъ о податной системѣ, раскладкѣ налоговъ и повинностей, общественномъ призрѣніи, продовольствіи и другихъ предметахъ хозяйственнаго управленія всегда оказывается, что извѣстная часть населенія неспособна участвовать въ платежахъ, а, напротивъ, сама требуетъ помощи. По другимъ законодательствамъ, эта часть изъемлется изъ обложенія по крайней мѣрѣ прямыхъ налоговъ; такъ, наприм., во Франціи около 1 милліона сельскихъ обывателей освобождаются отъ поземельной подати pour cause d'indigence, въ Пруссіи классная подать разсчитана такъ, что въ низшемъ разрядѣ плательщиковъ домохозяева, имѣющіе въ семьѣ болѣе 2 душъ, вовсе освобождаются отъ платежей за излишнія души.

Въ Россіи, напротивъ, изъятій не полагается ни отъ казны при взиманіи податей, ни отъ обществъ при раскладкѣ сборовъ; при раздачѣ пособій натурой или деньгами и при всякихъ другихъ вспомогательныхъ мѣрахъ такого различія также не дѣлается, и такимъ образомъ выходитъ съ одной стороны, что платежи взыскиваются отчасти съ лицъ несостоятельныхъ, а съ другой, что пособія раздаются людямъ, не нуждающимся въ помощи.

Единственное правило, ограждающее нѣсколько бѣдныхъ плательщиковъ или по крайней мѣрѣ имѣющее въ виду ихъ оградить есть то, что при взысканіи налоговъ запрещается отбирать у крестьянъ ту часть ихъ имущества, которая составляетъ необходимую принадлежность хозяйства. Но это правило давно признано на практикѣ неисполнимымъ, и надо формулировать вопросъ иначе, чтобы дойти до какихъ либо заключеній.

Не представляется ли въ крестьянскомъ быту нѣсколько признаковъ, болѣе или менѣе достовѣрно указывающихъ на временное, случайное разстройство или на полное неимущество семьи или лица, въ первомъ случаѣ требующихъ пособій—тоже временныхъ, заимообразныхъ, а во второмъ — льготъ и призрѣнія безплатнаго на счетъ общественныхъ, земскихъ или государственныхъ суммъ?

Поставивши вопросъ такъ, мы постараемся отыскать эти признаки.

Въ земледѣльческомъ осѣдломъ сословіи и при существующемъ въ Россіи мірскомъ общинномъ бытѣ, признаки хозяйственнаго разстройства не такъ не уловимы, какъ въ подвижномъ рабочемъ людѣ другихъ странъ. Во-первыхъ, бѣдность въ сельскомъ быту проявляется не такъ внезапно, какъ въ городскомъ рабочемъ классѣ; при случайномъ перерывѣ въ работѣ отъ болѣзни или отказа хозяина, крестьянинъ имѣетъ пріютъ, безплатное помѣщеніе, гдѣ можетъ обождать лучшихъ обстоятельствъ; неурожай можетъ быть обыкновенно предвидѣнъ за нѣсколько мѣсяцевъ до наступленія крайней нужды и голода; однимъ словомъ—крестьянинъ-собственникъ не подвергается такъ внезапно разоренію, какъ неимущій рабочій, который съ прекращеніемъ поденной платы лишается и всѣхъ средствъ пропитанія и пристанища для себя и своей семьи.

Въ крестьянскомъ быту можно подмѣтить нѣсколько признаковъ, которые указываютъ на среднее или бѣдное состояніе семьи, двора,—признаковъ наружныхъ, но которые даютъ довольно вѣрное понятіе о внутреннемъ благосостояніи или нуждѣ.

Если въ крестьянской семьѣ имѣется извѣстное число рабочихъ душъ, напр. мужикъ съ бабой, при томъ рабочая лошадь, корова и нѣсколько штукъ мелкаго скота;

если семья держитъ и засѣваетъ всѣ полевыя полосы, ей причитающіяся по мірской разверсткѣ, то такое состояніе можно признать среднимъ. Такіе домохозяева, хотя въ большинствѣ живутъ и скудно, считаются въ крестьянской средѣ самостоятельными, пользуются въ извѣстной степени довѣріемъ своихъ односельцевъ и сосѣдей, имѣютъ голосъ при мірскихъ совѣщаніяхъ и участвуютъ наравнѣ съ прочими зажиточнѣйшими членами общества въ частныхъ сдѣлкахъ, какъ-то: арендованіи или покупкѣ земель, выгоновъ, лѣса, или подрядахъ на разныя работы. Многіе изъ нихъ хотя и стѣснены въ своемъ домашнемъ обиходѣ, но такъ какъ имѣютъ достаточно рабочей силы и нѣкоторый запасъ въ имуществѣ, т.-е. въ скотѣ и въ засѣянныхъ поляхъ, то, въ случаѣ нужды, находятъ помощь, а при хорошемъ урожаѣ или хорошихъ цѣнахъ на продукты—и работы, поправляются и живутъ безбѣдно.

Но это—послѣдняя черта, отдѣляющая среднее состояніе отъ настоящей бѣдности. Если въ крестьянскомъ дворѣ нѣтъ рабочаго мужскаго пола, нѣтъ лошади и дойной коровы, и если бо́льшая или меньшая часть полей приписанныхъ къ двору, остаются не засѣянными, то изъ этого можно почти всегда заключить, что хозяйство находится въ полномъ разстройствѣ.

Само собой разумѣется, что бываютъ и исключительные случаи, напр., что крестьянинъ бросаетъ землю и хлѣбопашество, чтобы заняться промыслами, ремеслами, торговлей; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ, наприм., въ подмосковныхъ и другихъ промышленныхъ селеніяхъ, большинство крестьянъ распродаетъ скотъ и запускаетъ свои поля, находя болѣе выгоднымъ посторонніе заработки. Но въ средѣ крестьянъ-земледѣльцевъ, составляющихъ главную массу нашихъ сельскихъ жителей, признаки

эти довольно вѣрны, чтобы по нимъ судить о хозяйственномъ положенiи отдѣльныхъ крестьянскихъ дворовъ и семействъ.

Большинство русскихъ крестьянъ принадлежитъ къ тому среднему разряду, о коемъ мы выше упомянули. Вслѣдствiе семейныхъ раздѣловъ, которыми крестьяне увлеклись послѣ освобожденiя своего, семьянистыхъ дворовъ съ 2—3 рабочими осталось немного, а одиночество, какъ извѣстно, составляетъ уже большую помѣху въ крестьянскомъ быту, препятствуя всякой отлучкѣ домохозяина для заработковъ на сторонѣ; эти крестьяне съ усадьбой и полнымъ (но отчасти недостаточнымъ) полевымъ надѣломъ составляютъ, если мы не ошибаемся, главную массу нашего сельскаго населенiя. Они живутъ большею частiю скудно, но нельзя сказать, чтобъ ихъ положенiе было бѣдственное, безвыходное, какъ это иногда представляется въ описанiяхъ народнаго быта; большую часть года они пропитываются своимъ хлѣбомъ, осенью и зимой живутъ привольно, даже нѣсколько разгульно, справляютъ праздники, угощаютъ сосѣдей, но, правда, въ концѣ зимы, весной и лѣтомъ, передъ уборкой новыхъ хлѣбовъ, очень часто терпятъ большiя лишенiя. Можетъ быть, что многiе изъ нихъ избѣгли бы этихъ лишенiй, еслибъ жили разсчетливѣе, бережливѣе, но такъ какъ исправленiе народныхъ нравовъ не входитъ въ предметъ хозяйственныхъ изслѣдованiй, то мы должны разсматривать крестьянскiй бытъ какъ онъ есть. При обыкновенномъ, благополучномъ ходѣ вещей, посредственномъ урожаѣ и хорошихъ цѣнахъ на продажные продукты—овесъ, ленъ, коноплю, сало, шерсть—крестьянинъ средней руки пробавляется своимъ хлѣбомъ и своимъ трудомъ. Но при малѣйшемъ замѣшательствѣ, неурожаѣ, недочетѣ или какомъ либо несчастномъ случаѣ, онъ мгновенно стѣсняется въ домашнемъ

своемъ обиходѣ—и это, по нашему мнѣнію, составляетъ главную злобу крестьянскаго быта въ Россіи.

Затѣмъ намъ слѣдуетъ разсмотрѣть другой разрядъ крестьянъ, которые составляютъ нисшій слой сельскихъ сословій и находятся въ положеніи крайней и безвыходной бѣдности, терпятъ настоящую нужду и безъ посторонней помощи содержать себя не могутъ.

Если въ крестьянскомъ дворѣ нѣтъ вовсе рабочаго или на большое число малолѣтнихъ и стариковъ приходится полурабочій, баба, подростокъ, больной мужикъ, если не имѣется лошади годной для работъ, дойной коровы для питанія ребятишекъ, если большая часть полевыхъ полосъ запущена или семья вовсе отказалась отъ мірской земли—то по этимъ признакамъ можно почти безошибочно заключить, что положеніе такой семьи бѣдственное.

Въ этихъ обстоятельствахъ нельзя уже ожидать скорой поправки; нельзя надѣяться чтобы временная помощь, ссуда денегъ или хлѣба, могла возстановить хозяйство; къ чему послужитъ лошадь, если на ней некому пахать, или корова, если ее нечѣмъ кормить; во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ разсчитывать на возвратъ ссуженыхъ денегъ или хлѣба; взысканіе съ такихъ семействъ ссудъ обыкновенно ввергаетъ ихъ еще въ большую нужду или окончательное разореніе или же оказывается совершенно безнадежнымъ.

Вотъ эти два состоянія крестьянскихъ хозяйствъ и надо стараться изслѣдовать по вышеозначеннымъ признакамъ, а именно:

a) по отношенію рабочихъ душъ къ малолѣтнимъ, старымъ и дряхлымъ,

b) по числу лошадей и скота,

c) по пропорціи земли дѣйствительно владѣемой и обработываемой крестьянской семьей.

Такое изслѣдованіе не дастъ полнаго понятія о степени благосостоянія населенія, о процвѣтаніи или упадкѣ сельскаго хозяйства, но оно дастъ одинъ очень скромный, но важнѣйшій результатъ: укажетъ тѣ семейства или группы сельскихъ жителей, которые прежде всего требуютъ помощи, а это, по нашему мнѣнію, составляетъ главный и первый предметъ хозяйственнаго управленія. Такія изслѣдованія могутъ повести и къ другимъ необходимымъ выводамъ для разныхъ практическихъ соображеній. Бѣднѣйшая часть населенія составляетъ непроизводительную массу, которая не можетъ быть принимаема въ разсчетъ при земскихъ и правительственныхъ мѣропріятіяхъ, она не можетъ быть привлекаема къ податямъ и повинностямъ, не можетъ даже пользоваться тѣми выгодами, удобствами, которыя открыты всѣмъ прочимъ жителямъ, напримѣръ заработкомъ, отхожимъ промысломъ, развѣ только въ ближайшей мѣстности, около своего жительства; поэтому при всякой раскладкѣ тягостей, какихъ бы ни было, общественныхъ или государственныхъ, они сами собой ускользаютъ отъ обложенія и de facto, если не de jure, изъемлются изъ податныхъ окладовъ.

Но опредѣлить въ точности ту степень бѣдности, которая обусловливаетъ такое изъятіе, исчислить, какъ это иногда предполагается,—бюджетъ крестьянскаго хозяйства и платежныя средства домохозяевъ и выразить все это въ цифрахъ, въ опредѣленной формѣ минимума доходности, нужнаго для содержанія человѣка или семьи, намъ кажется положительно немыслимымъ; остается только то средство, которое мы указываемъ,—придерживаться нѣкоторыхъ наружныхъ признаковъ, которые указываютъ обыкновенно, за весьма рѣдкими исключеніями, на бѣдное состояніе крестьянскихъ семействъ и установить такимъ образомъ категоріи лицъ несостоятельныхъ.

Само собой разумѣется, что и въ этой категоріи нужно провѣрить дѣйствительное состояніе хозяйства; очевидно, что крестьянинъ, отказавшійся отъ надѣла или распродавшій свой скотъ, чтобъ держать мелочную лавку, питейное заведеніе, мельницу, или чтобы заняться ремесломъ, торговлею,—что такой крестьянинъ не пойдетъ въ разрядъ несостоятельныхъ. Но такіе случаи составляютъ рѣдкія исключенія въ нашемъ сельскомъ сословіи и они такъ рѣзко отличаются во всей внѣшней обстановкѣ жилья и образа жизни, что не могутъ скрыться въ общей массѣ сельскихъ жителей. Вышеупомянутые признаки составляютъ положительныя несомнѣнныя доказательства крайней бѣдности и, по нашему мнѣнію, могутъ быть приняты основаніемъ для классификаціи этого разряда несостоятельныхъ сельскихъ обывателей.

Главное преимущество этого способа изслѣдованія то, что тутъ отыскиваются крупныя и наглядныя данныя, которыя не могутъ быть утаены, между тѣмъ какъ при другихъ способахъ собираются свѣдѣнія о мелочныхъ предметахъ ускользающихъ отъ всякаго правильнаго учета. Узнать и повѣрить число душъ, или рабочаго и рогатаго скота, счесть полосы, запущенныя въ полѣ, — не представляетъ особенной трудности. Измѣрить же посѣвы и урожай, исчислить заработки, опредѣлить доходность хозяйства, это намъ кажется совершенно невозможнымъ, и разсчеты, на этомъ основанные, не имѣютъ, по нашему мнѣнію, никакого значенія, никакой вѣрности, потому что голословныя показанія самихъ хозяевъ не могутъ никакимъ образомъ быть провѣрены, а показанія эти большею частію сбивчивы и часто неправдивы.

Однимъ словомъ, мы предлагаемъ, за недостаткомъ другихъ свѣдѣній и невозможностію собрать ихъ при настоя-

щемъ положеніи сельскаго хозяйства въ Россіи, довольствоваться тѣми, которыя могутъ быть достовѣрно изслѣдованы, а именно: отношеніемъ рабочихъ людей къ нерабочимъ—рогатаго и рабочаго скота къ рабочимъ людямъ,—производительной, т.-е. обработанной земли къ крестьянскимъ дворамъ.

Разсмотримъ теперь каждое изъ этихъ отношеній особо.

По общимъ статистическимъ выводамъ, пропорція людей полнаго возраста и малолѣтнихъ выходитъ во всѣхъ нѣсколько значительныхъ группахъ населенія, въ уѣздахъ, городахъ, волостяхъ и даже въ селеніяхъ, почти вездѣ одинакова: рабочихъ оказывается около половины всѣхъ жителей или немного болѣе половины:—50,4 % и 50,6%. По непреложному закону природы родъ человѣческій во всѣхъ странахъ раздѣляется по полу и возрасту на двѣ почти равныя половины; мы даже полагаемъ, что небольшія разницы, которыя оказываются въ статистическихъ изслѣдованіяхъ по этому предмету, происходятъ отъ случайныхъ ошибокъ или разныхъ пріемовъ при исчисленіяхъ; поэтому общіе выводы о числѣ рабочихъ не имѣютъ никакого значенія въ статистикѣ и представляютъ повсемѣстно почти одну и туже пропорцію.

Но на дѣлѣ выходитъ совершенно иное и пропорція, одинаковая въ средней сложности, оказывается въ каждой отдѣльной семьѣ различной.

Это-то различіе и имѣетъ громадное вліяніе на состояніе семейства. По кореннымъ понятіямъ нашихъ крестьянъ, мужикъ признается самостоятельнымъ только по женитьбѣ и покуда онъ женатъ; въ сѣверныхъ губерніяхъ, гдѣ крестьянскій мірской бытъ болѣе развитъ, чѣмъ въ другихъ краяхъ Россіи, молодой парень получаетъ надѣлъ и вообще вступаетъ въ тягло только при женитьбѣ; мужикъ, потерявшій жену, старается немедленно вступить въ новый бракъ и если

не находитъ невѣсты, то считаетъ себя обездоленнымъ, несчастнымъ и ходатайствуетъ передъ міромъ о сложеніи съ него части повинностей, ссылаясь на то, что у него въ домѣ нѣтъ бабы. Вдовство такимъ образомъ приравнивается къ сиротству, и дѣйствительно причиняетъ въ хозяйствѣ, если нѣтъ другой женщины полнаго возраста,—неизбѣжное разстройство; нѣкоторыя самонужнѣйшія работы, производимыя одновременно мужикомъ и бабой, какъ-то: кошеніе и грабленіе сѣна, жатье ярового и посѣвъ озимого—отъ этого запаздываютъ; уходъ за дѣтьми, за домашнимъ скотомъ, отвлекаетъ мужчину отъ полевыхъ работъ. Поэтому, понятно, что супружество составляетъ въ сельскомъ сословіи первое условіе правильнаго хозяйства, а семейство—первое звено общественнаго быта.

Соціалъ-демократы, ратующіе въ одно и тоже время за общину и противъ семейнаго союза, впадаютъ въ этомъ отношеніи въ полнѣйшее противорѣчіе сами съ собой, такъ какъ расторженіе семействъ повело бы неминуемо къ разрыву и общиннаго быта.

Но естественное послѣдствіе брака, прижитіе дѣтей, вводитъ немедленно въ каждое семейство розныя отношенія, которыя порождаютъ между ними совершенное неравенство, какъ въ отношеніи нуждъ, такъ и въ отношеніи рабочихъ силъ.

Такъ какъ число дѣтей и возрастъ ихъ въ каждой семьѣ различенъ, то вмѣстѣ съ дѣтьми возникаетъ между домохозяевами глубокое различіе состоянія; оно доходитъ до такихъ крайностей, что вовсе измѣняетъ всѣ условія хозяйства. Представимъ себѣ напр. молодого мужика съ здоровой бабой, безъ дѣтей, надѣленнаго по числу ревизскихъ душъ 4 десятинами полевой земли, и другого хозяина съ женой и 3—4 малолѣтними дѣтьми, не записанными при ревизіи, ко-

торый поэтому получаетъ также одинъ душевой надѣлъ въ 4 десят.; — первый обработаетъ свою землю шутя, и прокормится отъ нея безбѣдно; второму на 5—6 душъ земли мало для пропитанія, но и держать земли больше тоже тяжело; его баба кормитъ одного ребенка, няньчитъ другихъ, отлучаться ему изъ дому въ рабочую пору трудно и при всѣхъ прочихъ равныхъ условіяхъ достатка его положеніе будетъ несравненно труднѣе, чѣмъ перваго.

Или другой примѣръ: одинокій крестьянинъ съ большимъ семействомъ 2—3 дѣтьми, 2-мя стариками или старухами держитъ 2 душевыхъ надѣла, и другой здоровый мужикъ съ взрослымъ сыномъ, двумя бабами и 2 внуками подростками надѣленъ по мірской разверсткѣ тоже 2 душами. Если надѣлъ малъ, первый будетъ крайне стѣсненъ въ продовольствіи, второй при равномъ числѣ душъ можетъ отпустить сына или невѣстку на посторонніе заработки, а съ остальными работниками и полу-работниками воздѣлывать пашню.

Одиночество въ крестьянскомъ быту положительно вредно при большомъ числѣ не рабочихъ душъ; но оно очень выгодно для молодыхъ и бездѣтныхъ хозяевъ и этимъ объясняется влеченіе крестьянъ къ семейнымъ раздѣламъ; рабочій мужикъ приписанный къ большей семьѣ, покуда онъ бездѣтенъ, или имѣетъ мало дѣтей, долженъ работать отчасти не на себя, а на отца, братьевъ, племянниковъ, и понятно, что онъ находитъ болѣе выгоднымъ выдѣлиться изъ двора и трудъ свой употреблять на прокормленіе 2—3 душъ, чѣмъ удѣлять его на содержаніе другихъ родственниковъ, и многолюднаго семейства. Разумѣется, что разсчетъ этотъ обманчивый: черезъ нѣсколько лѣтъ дѣти народятся и ему одинокому будетъ труднѣе, чѣмъ еслибъ онъ оставался въ родной семьѣ; но въ первое время въ молодомъ

возрастѣ, положеніе одинокого хозяина легче и независимѣе и это побуждаетъ многихъ крестьянъ, въ ущербъ ихъ будущему благосостоянію, отдѣляться отъ отцовъ и братьевъ.

По этому нельзя сказать, какъ обыкновенно говорятъ, что одиночество и семейные раздѣлы составляютъ злобу крестьянскаго быта, одну изъ главныхъ причинъ ихъ разстройства; нельзя признать этого безусловно; все зависитъ отъ отношенія рабочихъ душъ къ нерабочимъ. Одинокому крестьянину легче жить, чѣмъ семьянистому, если у него нѣтъ или мало домочадцевъ; двумъ братьямъ съ 8—10 малолѣтками или стариками труднѣе прокормиться, чѣмъ одинокому мужику съ 1—2 дѣтьми.

Эта-то пропорція составляетъ въ обыкновенномъ крестьянскомъ быту главное указаніе рабочихъ силъ, и ее-то надо изслѣдовать не огульно по цѣлымъ селеніямъ или волостямъ, а отдѣльно—по дворамъ.

Что́ пользы въ томъ, что мы узнаемъ изъ статистики возрастъ цѣлаго населенія и среднее отношеніе взрослыхъ людей къ малолѣтнимъ и престарѣлымъ, когда это отношеніе измѣняется въ каждомъ отдѣльномъ семействѣ на громадную разницу; какое значеніе имѣютъ эти свѣдѣнія, когда въ дѣйствительности эти среднія пропорціональныя исчисленія постоянно колеблются; на что намъ знать, что въ такомъ-то селеніи или волости на 100 жителей приходится 49—50 рабочихъ, если въ отдѣльныхъ семьяхъ окажется, что въ одной на 1-го рабоч. приходится 5—6 душъ, въ другой—2 души, а въ третьей на 3—4 души ни одного рабочаго?

Итакъ мы полагаемъ, что одною изъ главныхъ задачъ въ статистическихъ изслѣдованіяхъ должно быть—приведеніе въ извѣстность отношенія рабочихъ людей къ нерабочимъ по семействамъ; при этомъ нужно отдѣлить въ

особый разрядъ тѣ семьи, гдѣ не имѣется полнаго работника или приходится на одного взрослаго чрезмѣрно большое число дѣтей и стариковъ, напр. болѣе 6. — Такія семейства, за весьма рѣдкими исключеніями, находятся въ крайне стѣсненномъ положеніи и между ними найдется наибольшій контингентъ бѣднѣйшихъ крестьянъ.

Затѣмъ другой факторъ, опредѣляющій съ большею или меньшею вѣрностію положеніе сельскаго хозяина, это—число лошадей и скота. —Пропорцію—1 лошадь и 1 корова на одного работника мужеск. пола можно признать нормальной при трехпольномъ хозяйствѣ; при залежномъ и степномъ, если надѣлъ обширенъ, нужно принять болѣе; въ тѣхъ полосахъ, гдѣ заведена плужная пахота, не менѣе 2 лошадей или воловъ.—При такой пропорціи домохозяинъ можетъ быть зажиточенъ или бѣденъ, но во всякомъ случаѣ не долженъ быть причисленъ къ разоренным; онъ справляетъ полевыя работы и мірскіе наряды наравнѣ съ своими односельцами и, въ случаѣ временной нужды, пользуется кредитомъ, помощью, ссудами. Но какъ только оказывается недостатокъ скота въ крестьянскомъ дворѣ, то это можно признать положительнымъ признакомъ разстройства, за исключеніемъ, разумѣется, тѣхъ случаевъ, когда крестьянинъ находитъ болѣе выгоднымъ заниматься промысломъ, чѣмъ хлѣбопашествомъ.—Продать послѣднюю корову значитъ въ крестьянскомъ нарѣчіи впасть въ послѣднюю степень бѣдности; не имѣть лошади значитъ отказаться отъ полеводства.—Тѣ дворы, гдѣ имѣется на рабочаго мужика менѣе 1 лошади и коровы, могутъ быть признаны крайне нуждающимися; а тѣ, гдѣ не имѣется ни рабочаго, ни рогатаго скота, могутъ почти безошибочно быть отнесены къ разореннымъ хозяйствамъ.

Послѣдній признакъ бѣдности есть отказъ отъ земли;

онъ обыкновенно является послѣдствіемъ первыхъ двухъ невзгодъ: рабочія силы слабѣютъ, семейство умножается, производительный трудъ не покрываетъ потребленія—хозяинъ изнемогаетъ отъ натуги, продаетъ хлѣбъ на корню, сдаетъ односельцамъ одну и двѣ полосы въ полѣ, потомъ продаетъ овецъ, нетелей, корову, наконецъ и лошадь, а съ тѣмъ вмѣстѣ отказывается отъ земли, перестаетъ быть крестьяниномъ, переписывается изъ хозяина въ бобыли, и обращается въ сельскаго пролетарія.

Это обыкновенный ходъ разстройства, и мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что изъ 100 случаевъ раззоренія крестьянскихъ хозяйствъ 90 проистекаютъ изъ несоразмѣрности производительныхъ рабочихъ силъ съ семейными потребностями. Само собою разумѣется, что и многія другія причины могутъ повліять на обѣднѣніе жителей, какъ—малоземелье, тягость налоговъ, неурожай, падежъ скота; эти причины дѣйствуютъ на все населеніе, понижаютъ въ цѣлой мѣстности уровень благосостояяія, но прежде и болѣе всего поражаютъ вышеупомянутую категорію крестьянъ; прочіе перемогаются, стѣсняются, но выдерживаютъ кризисъ; слабые хозяева, одинокіе работники съ большимъ числомъ домочадцевъ, безлошадные или худоконные окончательно разоряются.

По этимъ соображеніямъ мы считаемъ необходимымъ привести въ извѣстность въ каждой волости число семействъ, находящихся въ такихъ крайнихъ условіяхъ, для того, чтобы имѣть ихъ въ виду и поставить на первую очередь при всякаго рода льготахъ и пособіяхъ.—Это будетъ скорбный листъ народнаго хозяйства, и онъ укажетъ вѣрнѣе всякихъ другихъ исчисленій дѣйствительныя нужды жителей и экономическое положеніе отдѣльныхъ мѣстностей.

V.

Изслѣдованіе народнаго хозяйства по подворнымъ описямъ.

Задача, которую мы предложили въ предъидущей главѣ, — вести изслѣдованія хозяйственнаго быта по дворамъ или семьямъ съ перваго взгляда кажется почти неразрѣшимой, по своей сложности и трудности.

Мы, однако, позволимъ себѣ указать, что порядокъ этотъ былъ введенъ въ прежнія времена во всѣхъ благоустроенныхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ и сохранился и доселѣ въ нѣкоторыхъ сельскихъ обществахъ.

Онъ состоялъ въ томъ, что по каждому селенію велась опись крестьянскихъ семействъ, гдѣ отмѣчалось число душъ ревизскихъ и наличныхъ, число скота, списокъ строеній и количество земли, состоящей въ дѣйствительномъ владѣніи домохозяина; противъ именъ членовъ семейства отмѣчались ихъ годы въ двухъ графахъ, по возрасту: въ одной—рабочія души отъ 18 до 60 лѣтъ, въ другой — малолѣтніе и старики; если между людьми полнаго возраста были нѣкоторые увѣчные, неизлечимо больные, то ихъ переписывали въ графу нерабочихъ. Въ спискѣ строеній отмѣчались также особо тѣ изъ нихъ, которыя оказывались совсѣмъ ветхими. Земля означалась не десятинами и саженями, а душами или тяглами, какъ ее измѣряютъ сами крестьяне, и семьи раздѣ-

лялись на разряды: тягловыхъ, которыя держатъ полный полевой надѣлъ, льготныхъ — съ меньшимъ надѣломъ, и, наконецъ, бобыльскихъ — съ одной усадьбой.

Это называлось подворною описью и служило: 1) помѣщику для распредѣленія оброка, барщины и другихъ повинностей; 2) сельскому обществу для разверстки земель, раскладки мірскихъ и казенныхъ тягостей и для отправленія рекрутской повинности, которая, какъ извѣстно, велась по очередямъ, т.-е. по числу рабочихъ взрослыхъ душъ въ семьѣ. Въ большихъ имѣніяхъ таковая опись велась въ одной книгѣ по всѣмъ селеніяхъ и хранилась въ конторѣ; она служила справочной книгой при всякихъ разбирательствахъ и главное при просьбахъ крестьянъ о пособіяхъ, и обложеніи и уравненіи ихъ повинностей.

Я самъ, управляя имѣніемъ, въ моей молодости, при крѣпостномъ правѣ, руководствовался этими описями и убѣдился, что они даютъ очень вѣрное понятіе о состояніи крестьянскихъ хозяйствъ. Веденіе подобныхъ книгъ даже и въ большихъ имѣніяхъ, въ нѣсколько тысячъ душъ, не представляетъ большихъ трудностей, такъ какъ въ описи, однажды заведенной, приходится дѣлать только помѣтки объ измѣненіяхъ въ составѣ семействъ и имущества. По нимъ также очень удобно дѣлать разныя хозяйственныя распоряженія, которыя прежде производились помѣщиками, а нынѣ возлагаются на сельскихъ начальниковъ и управы. Такъ, напримѣръ, можно составить выписки изъ подворныхъ описей о дворахъ не имѣющихъ рабочихъ, или рабочаго скота, о домохозяевахъ, отказавшихся отъ земли, о бобыляхъ, проживающихъ на однихъ усадьбахъ, и имѣть такимъ образомъ въ каждой волости, подъ рукой, готовые списки для распредѣленія ссудъ, пособій и для облегченія одинокихъ и бѣднѣйшихъ крестьянъ.

Мы сказали, что въ прежнихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ подворныя описи велись въ господскихъ конторахъ, но это не надо разумѣть такъ, какъ будто они составлялись вездѣ по произволу владѣльцевъ и управляющихъ. Мы знали много такихъ селеній, въ особенности въ сѣверныхъ и восточныхъ губерніяхъ, гдѣ помѣщичье управленіе было только номинальное, гдѣ всѣ разверстки и раскладки производились совершенно самостоятельно выборными людьми и міромъ и гдѣ подворныя описи составляли, можно сказать, единственный документъ, на основаніи коего производилась внутренняя расправа между крестьянами.

Въ особенности строго разбирались по этимъ описямъ рекрутскія очереди, которыя, по коренному русскому обычаю, установлялись по числу рабочихъ душъ въ семьѣ, и намъ случалось видѣть въ самыхъ глухихъ мѣстностяхъ сѣверныхъ губерній, что эти очереди велись очень исправно самими крестьянами съ помощью малограмотнаго писаря.

Но, разумѣется, что въ томъ видѣ, какъ эти описи велись въ прежнее время, онѣ были бы еще недостаточны для той цѣли, которую мы предполагаемъ,—для справокъ объ экономическомъ состояніи сельскихъ сословій.

Главный ихъ недостатокъ состоитъ въ томъ, что не выработаны общія нормы для нихъ, и что каждое частное лицо или вѣдомство принимаетъ свои правила для исчисленій и классафикаціи собираемыхъ свѣдѣній, такъ что сравненіе между ними и общіе выводы дѣлаются совершенно невозможными.

Съ какого возраста и при какихъ условіяхъ признается человѣкъ полнымъ рабочимъ?

Совершеннолѣтіе по гражданскимъ законамъ наступаетъ съ 21 года; но въ дѣйствительности въ народномъ быту оно считается гораздо раньше, съ 16—18 лѣтъ, и во вся-

комъ случаѣ со времени женитьбы; крестьянинъ женатый считается полноправнымъ членомъ общества, т.-е. онъ имѣетъ право на полученіе причитающейся на него доли изъ мірского надѣла, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже принуждается міромъ держать землю и исправлять повинности, падающія на его душевой надѣлъ.

Возрастъ полурабочихъ нужно также опредѣлять съ нѣкоторою точностію, чтобы судить о сравнительной рабочей силѣ домохозяевъ. Подростки и дѣвушки составляютъ огромное подспорье въ хозяйствѣ земледѣльца. Если мы представимъ себѣ двѣ семьи съ одинаковымъ числомъ взрослыхъ людей, но въ одной мальчика 11 лѣтъ и дѣвицу 14, а въ другой 2-хъ малолѣтнихъ дѣтей, то положеніе первой семьи при всѣхъ прочихъ равныхъ условіяхъ будетъ несравненно лучше, чѣмъ второй.

Но для такихъ именно сравненій необходимо, чтобы свѣдѣнія собирались по установленнымъ, однообразнымъ формамъ и нормамъ; если же въ одномъ селеніи рабочими считаются люди отъ 18 до 60 лѣтъ,—въ другомъ отъ 16 до 50,—въ третьемъ одни женатые крестьяне; если въ одной губерніи вовсе не исчисляются полурабочіе, а въ другой они показываются,— то, спрашивается, какіе могутъ быть сдѣланы выводы изъ такихъ разнорѣчивыхъ и многосложныхъ таблицъ и вѣдомостей.

Итакъ, мы, полагаемъ, что въ основаніе всякихъ хозяйственныхъ распоряженій, должны быть приняты подворные или семейные списки въ родѣ тѣхъ, которые установлены для воинской повинности; они должны быть обязательно введены по волостямъ и контролированы земскими управами, и вестись по однообразной формѣ съ немногими и несложными графами, которыя были бы ясны и понятны крестьянамъ.

Списки такіе должны заключать въ себѣ слѣдующія свѣдѣнія:

1) Число душъ въ семействѣ съ подраздѣленіемъ по полу и на возрасты—рабочій и полурабочій. Если между людьми рабочаго возраста оказываются увѣчные, дряхлые, неспособные къ работѣ, то таковые, по освидѣтельствованіи земскимъ врачомъ, переносятся въ графу нерабочихъ съ особой отмѣткой. Въ этой графѣ пишутся только наличныя души и исключаются члены семейства, находящіеся въ отсутствіи, наприм. на службѣ или въ заключеніи;

2) Число рабочаго скота, лошадей и воловъ, дойныхъ коровъ и мелкаго скота. Послѣдняя статья, мелкій скотъ, имѣетъ нѣкоторое значеніе только въ степныхъ губерніяхъ, гдѣ овцеводство болѣе или менѣе развито;

3) Количество земли, т.-е. душевыхъ надѣловъ, состоящихъ въ дѣйствительномъ владѣніи домохозяина. Здѣсь всего нужнѣе узнать—держитъ ли онъ всю землю, сколько на него по мірской разверсткѣ причитается, или сдаетъ часть своего надѣла, или вовсе отъ него отказался, или, наоборотъ, снимаетъ чужія полосы сверхъ своей надѣльной земли. Крестьяне очень рѣдко могутъ показать въ точности число десятинъ ихъ владѣнія, но всегда знаютъ, сколько они держатъ надѣловъ, которые они и называютъ душами; это и составляетъ главный масштабъ большаго или меньшаго достатка домохозяевъ;

4) Опись строеній и оцѣнка ихъ по взаимному страхованію. Если въ строеніи помѣщается какое либо промышленное или торговое заведеніе, то это отмѣчается особо.

Такихъ свѣдѣній совершенно достаточно, чтобы судить объ относительной состоятельности или бѣдности отдѣльныхъ семействъ, и такіе списки могутъ служить очень удобнымъ документомъ для справокъ о хозяйственномъ положеніи сельскихъ сословій.

Если мы по нимъ узнаемъ, что въ такомъ-то обществѣ

или волости накопилось значительное число крестьянъ безлошадныхъ, что многіе изъ нихъ отказались отъ земли, что полевыя полосы, сданныя въ міръ, не разбираются и лежатъ въ пустѣ, то намъ не нужно никакихъ другихъ статистическихъ разсчетовъ, чтобы заключить о стѣсненіи сельскаго быта въ такой мѣстности.

Но если, наоборотъ, мы удостовѣримся, что большинство крестьянъ имѣетъ по нѣсколько лошадей и коровъ, что они воздѣлываютъ всѣ свои земли и арендуютъ чужія, что случаевъ отказа отъ земли не бываетъ, то мы не повѣримъ, хотя бы они о томъ и заявляли, что они разорены; ихъ хозяйственный бытъ, можетъ быть, стѣсняется временными и случайными причинами, которыя нужно въ такомъ случаѣ изслѣдовать, но нельзя принимать на вѣру такія голословныя, часто притворныя жалобы.

Весь вопросъ въ томъ, что для распоряженій по хозяйственному управленію ни администрація, ни земство не имѣютъ никакихъ основаній, никакого руководства; они должны вѣрить на̀слово болѣе или менѣе правдивымъ заявленіямъ самихъ заинтересованныхъ лицъ, или слухамъ и журнальнымъ статьямъ. Когда до правительства или земскихъ учрежденій доходятъ извѣстія о несчастіяхъ, постигшихъ ту или другую мѣстность, то пособія назначаются огуломъ по числу душъ и распредѣленіе ихъ предоставляется распоряженію крестьянъ внутри обществъ; если при этомъ и стараются собрать свѣдѣнія о сельскихъ обществахъ и семействахъ наиболѣе нуждающихся, то такія свѣдѣнія представляются обыкновенно сбивчиво, иногда и пристрастно по ходатайству вліятельныхъ крестьянъ и другихъ сельскихъ жителей. Кромѣ того, и сомнительно, чтобы свѣдѣнія эти могли быть собраны въ короткое время и на всякій отдѣльный случай.

Поэтому предположенію подворные и семейные списки могутъ служить лучшимъ основаніемъ для хозяйственныхъ распоряженій; они дадутъ возможность какъ земству, такъ и правительственнымъ органамъ распознавать недостатки и нужды мѣстнаго населенія и принимать соотвѣтствующія мѣры, а это и составляетъ слабую сторону нашего современнаго внутренняго управленія.

Для поясненія нашей мысли мы представляемъ слѣдующій образецъ подворной описи.

Подворная опись деревни №№.

№№	Число душъ.	Возрастъ.		Число скота.			Оцѣнка строеній по страхованію.		Число душевыхъ надѣловъ.
		Мужчинъ.	Женщинъ.	Лошадей или быковъ.	Коровъ.	Мелкаго.			
1	Семенъ Авдѣевъ. . . .	25	—	1	2	10	120	—	1
	Его жена Авдотья . . .	—	20						
	Дѣти: Иванъ	3	—						
	Прасковья. . . .	—	1						
2	Егоръ Ивановъ	40	—	1	1	3	75	—	1
	Дѣти: Степанъ	10	—						
	Өекла	—	12						
	Федосья	—	5						
	Петръ	2	—						
	Тетка Степанида. . . .	—	70						
3	Андрей Петровъ. . . .	40	—	3	4	11	150	—	3
	Его жена Федосья . . .	—	37						
	Дѣти: Петръ	20	—						
	Илья	17	—						
	Братъ Степанъ Петровъ .	35	—						
	Его жена Татьяна . . .	—	30						
	Дѣти: Павелъ	12	—						
	Иванъ	9	—						
	Ольга	—	3						
4	Вдова Анисья	—	26	1	—	2	30	—	1/2
	Дѣти: Михаилъ	10	—						
	Прасковья . . .	—	8						
	Ульяна	—	1						

Изъ взятыхъ нами 4-хъ семействъ въ самомъ худшемъ положеніи № 4; въ немъ нѣтъ рабочаго мужика: вдова прокармливаетъ 4 души, держитъ еще лошадь; корову-телку продала для покупки хлѣба; послѣ смерти хозяина сдала половину душевого надѣла и выпросила у міра другую половину на прокормленіе дѣтей; избушка у ней, какъ видно изъ страховой оцѣнки, ветхая, тѣсная.

Немного лучше и положеніе семьи № 2, гдѣ одинъ мужикъ содержитъ 4-хъ дѣтей и старуху на одномъ душевомъ надѣлѣ; онъ охотно бы взялъ и другую душу, но ему одинокому не осилить ее. Состояніе его однако не безнадежное; онъ еще сохранилъ лошадь и корову; дѣти подростки уже могутъ помогать ему въ полевыхъ работахъ: десятилѣтній мальчикъ правитъ лошадью при возкѣ навоза или дровъ; старшая дочь (12 лѣтъ) кое-какъ ворочаетъ сѣно на прокосахъ, няньчитъ младшихъ; старуха тетка служитъ въ домѣ стряпухой. Какъ трудолюбивому и трезвому мужику односельцы ему вѣрятъ, ссужаютъ хлѣбъ въ долгъ до новаго урожая; житье его скудное, тѣсное, но если ему будетъ оказана помощь отъ міра или земства, льгота въ платежахъ, ссуда изъ продовольственнаго капитала или изъ кредитнаго учрежденія, то онъ можетъ еще справиться и съ подростающими своими дѣтьми сдѣлаться опять исправнымъ хозяиномъ.

Остальные два семейства №№ 1 и 3 находятся сравнительно въ хорошемъ положеніи; на это указываютъ число скота во дворѣ и оцѣнка строеній; если они и терпятъ нѣкоторую нужду, то имѣютъ и запасъ въ лишнемъ скотѣ, который можетъ быть проданъ безъ разстройства хозяйства. Домохозяинъ № 3 можетъ быть признанъ зажиточнымъ; онъ располагаетъ такой рабочей силой, что можетъ, въ случаѣ надобности, отпустить 2-хъ работниковъ на посто-

ронніе промыслы или снять чужія земли въ аренду; 2 лошади, 4 коровы (не считая мелкаго скота), составляютъ капиталъ въ 200—300 руб., строенія, оцѣненныя въ 150 р. по взаимному страхованію, стоютъ навѣрно дороже; во всякомъ случаѣ такой хозяинъ не нуждается въ общественной или земской помощи, или, по крайней мѣрѣ, въ случаѣ общаго-мѣстнаго бѣдствія, какъ-то: неурожая, пожара, падежа, долженъ быть удовлетворяемъ послѣ другихъ. Изъ заведенныхъ по волостямъ подворныхъ описей могли бы легко составляться своды или выписки, которыя служили бы для распоряженія земства и правительства и для статистики вообще вѣрнымъ справочнымъ документомъ.

Изъ такихъ списковъ легко составлять по селеніямъ и волостямъ общія вѣдомости семействъ, болѣе или менѣе нуждающихся въ помощи, въ призрѣніи и продовольствіи къ случаѣ неурожая, и въ данномъ примѣрѣ, мы поставили бы на первую очередь №№ 4 и 2, а остальнымъ двумъ семействамъ, назначили бы меньшій размѣръ пособій, въ томъ предположеніи, что они могутъ заработать часть своего пропитанія, или продать излишекъ своего имущества.

Предполагая, что такіе списки могутъ быть введены безъ особыхъ затрудненій по волостямъ, на подобіе тѣхъ семейныхъ списковъ, которые ведутся по воинской повинности, предполагая также, что они будутъ контролироваться и повѣряться земскими управами, мы думаемъ, что изъ нихъ можно легко составить общія вѣдомости, съ классификаціей крестьянъ, по разрядамъ [1]).

Глава эта была уже совсѣмъ приготовлена къ печати, когда появилось въ названномъ „Сборникѣ" изслѣдованіе

[1]) Изъ такихъ подворныхъ списковъ, легко составлять общія выборки по волостямъ. Въ «Сборникѣ матеріаловъ, для изученія сельской поземельной общины» (Спб. 1880), гдѣ помѣщена статья г. Семенова, мы находимъ образецъ

произведенное г. Семеновымъ по Мураевенской волости. Этотъ замѣчательный трудъ нашего почтеннаго статистика такъ наглядно выражаетъ все то, что мы старались объяснить въ видѣ предположеній, что мы позволимъ себѣ выписать изъ этой статьи главные выводы, представляющіе въ положительныхъ цифрахъ состояніе мѣстнаго населенія.

Г. Семеновъ изслѣдовалъ волость въ тѣхъ же трехъ отношеніяхъ, которыя мы признаемъ главнѣйшими признаками благосостоянія или бѣдности крестьянъ, а именно въ отношеніи: числа рабочихъ душъ въ дворахъ; числа лошадей въ дворахъ и числа душевыхъ надѣловъ къ наличному числу душъ.

Выводы изъ изслѣдованія г. Семенова могутъ быть выражены въ слѣдующихъ главныхъ итогахъ:

Ревизскихъ душъ, по уставнымъ грамотамъ	2258
Наличныхъ въ 1878 году	2694
Приращенія въ 17 лѣтъ	17%
Дворовъ было въ 1861 г.	500
Дворовъ въ 1878 г.	830
Приращенія дворовъ	66%
Всего земли крестьянскаго владѣнія десятинъ	4946

такого списка, по Усть-Гаревской волости, Пермскаго уѣзда (стр. 26); въ волости считалось семействъ:

	1876 г.	1877 г.	1878 г.
1. Безземельныхъ	10	10	12
2. Пользующихся землей, но несостоящихъ въ податныхъ душахъ по бѣдности	10	6	8
3. Маломощныхъ и одинокихъ . .	179	180	198
4. Среднихъ	245	254	241
5. Болѣе сильныхъ въ экономическомъ отношеніи	82	78	79

Мы полагаемъ, что эта классификація, а равно и та, которая принята г. Семеновымъ (6 разрядовъ), могла бы быть упрощена, и приведена къ тремъ или четыремъ разрядамъ. Въ вышеприведенной вѣдомости, можно считать первые 2 разряда не имущими, третій—слабыми, четвертый—средними и пятый—зажиточными.

Изъ этого числа приходится на душу:

во 2 обществѣ десятинъ менѣе . . .	13
въ 4 „ „ „	1—2
„ 10 „ „ „	2—2—6

Затѣмъ по числу рабочихъ, оказывается слѣдующая пропорція:

Дворовъ вовсе безъ рабочихъ	46
„ съ 1 рабочимъ	374
„ „ 2 „	253
„ „ 3 „	113
„ „ 4 и болѣе	42

По числу лошадей:

Дворовъ безъ земли и безъ лошадей . .	77
„ съ землей, но безъ лошадей . .	210
„ „ 1 лошадью	159
„ „ 2 „	189
„ „ 3 „	197

Наконецъ, самый интересный выводъ — это пропорція душевыхъ надѣловъ, т.-е. земли, къ наличнымъ душамъ.

Изъ числа 830 дворовъ только 197 держатъ столько же земли, сколько имъ дѣйствительно причитается по числу душъ. Всѣ остальные пользуются землей не по разсчету душъ, а по своимъ рабочимъ силамъ, по своимъ достаткамъ и нуждамъ. Изъ нихъ 95 дворовъ держатъ земли болѣе, чѣмъ имъ причитается по числу душъ, а всѣ остальные менѣе; между послѣдними оказываются такіе дворы или семейства, которые на 4 и болѣе душъ берутъ только 1 душевой надѣлъ, и, наконецъ, 77 дворовъ вовсе безземельные.

На основаніи этихъ данныхъ, и разумѣется по бли-

жайшей повѣркѣ ихъ на мѣстахъ, г. Семеновъ, раздѣляетъ всѣ крестьянскіе дворы на 6 разрядовъ, и считаетъ:

богатыхъ семействъ	60
зажиточныхъ	135
достаточныхъ	307
недостаточныхъ	202
бѣдныхъ	102
неимущихъ	22

Мы не вполнѣ согласны съ такой классификаціей, которая намъ кажется слишкомъ сложной, и полагали бы свести всѣ шесть разрядовъ—въ три:

1—богатыхъ, зажиточныхъ и достаточныхъ домохозяевъ считать въ одномъ разрядѣ — высшемъ	502
2—недостаточныхъ—въ среднемъ . . .	202
3—бѣдныхъ и неимущихъ — въ нисшемъ .	124

Но дѣло не въ цифрахъ, а въ пріемахъ, и мнѣ кажется, что метода, принятая въ этомъ изслѣдованіи могла бы служить болѣе вѣрнымъ руководствомъ для изученія народнаго быта, чѣмъ общепринятые порядки собиранія статистическихъ свѣдѣній.

Изъ нихъ мы видимъ положительные факты: что 124 семейства находятся въ положеніи крайне стѣсненномъ: изъ нихъ 41 остаются вовсе безъ рабочихъ и 77 безъ земли и безъ лошадей; изъ этого и заключаемъ, что такимъ семействамъ должна быть оказана преимущественно передъ другими общественная помощь или льгота отъ правительства въ податяхъ и повинностяхъ.

Мы находимъ далѣе около 200 семействъ съ 3—4 рабочими, съ 3 и болѣе лошадьми, и полагаемъ, что такіе

дворы могутъ быть изъяты изъ мѣръ, принимаемыхъ для вспомоществованія нуждающимся, что они могутъ даже и въ неурожайный годъ прокормиться посторонними заработками, и что во всякомъ случаѣ, при раздачѣ пособій, они должны быть поставлены на послѣднюю очередь.

Такимъ образомъ, не придавая предлагаемымъ подворнымъ спискамъ значенія документа, удостовѣряющаго бѣдность и богатство, можно, я думаю, воспользоваться имъ для распредѣленія крестьянскихъ семействъ по разрядамъ, и руководствоваться ими какъ при хозяйственныхъ распоряженіяхъ, такъ и при исчисленіи всякаго рода обложеній, причемъ послѣднія будутъ болѣе надежны и уравнительны.

VI.

Народная помощь и народный кредитъ.

Въ предъидущихъ главахъ я уже старался объяснить, что въ сельскомъ крестьянскомъ быту разстройство, упадокъ хозяйства проявляются не такъ внезапно и быстро, какъ въ другихъ сословіяхъ, напр., въ городскихъ и фабричныхъ рабочихъ классахъ. Бѣдность и неимущество въ сельскихъ обществахъ наступаютъ и развиваются съ нѣкоторою постепенностію, и это даетъ возможность до извѣстной степени принимать мѣры къ вспомоществованію нуждающимся и къ предупрежденію окончательнаго разоренія ихъ.

Но тутъ надо разсмотрѣть два вида, два фазиса хозяйственнаго разстройства:

Первый—это временное и случайное стѣсненіе, причиняемое разными несчастными случаями, какъ-то: неурожаемъ, пожаромъ, падежомъ скота, случаями почти неизбѣжными въ сельскомъ быту и обходящими, можно сказать, по круговой очереди почти всѣ крестьянскіе дворы и селенія, то по винѣ самихъ жителей, то по законамъ природы.

Эти несчастія дѣйствуютъ различно на бытъ крестьянъ,

насколько различно и ихъ состоянiе; они проходятъ почти незамѣтно для домохозяевъ вполнѣ состоятельныхъ, болѣе или менѣе зажиточныхъ, и всякому изъ насъ приходилось видѣть и удивляться, какъ быстро справляются нѣкоторыя деревни послѣ пожаровъ и другихъ бѣдствiй, ихъ постигающихъ. Но на большинство крестьянъ средняго состоянiя несчастные случаи влiяютъ пагубно, и при каждомъ изъ нихъ и въ каждомъ селенiи оказывается нѣсколько дворовъ или семействъ, которые послѣ неурожайнаго года, пожара или падежа, впадаютъ въ крайнюю бѣдность, терпятъ страшныя лишенiя и неминуемо и окончательно разоряются, если въ такiя критическiя минуты не находятъ своевременной помощи. Для предупрежденiя подобныхъ-то случайностей для этого разряда хозяевъ необходима организацiя кредита, т.-е. заимообразныхъ пособiй въ видѣ денежныхъ или хлѣбныхъ ссудъ или страхованiя ихъ имуществъ, и эти мѣры принесутъ несомнѣнную пользу, предупреждая въ большей части случаевъ окончательное разоренiе такихъ хозяевъ.

Если крестьянинъ въ нуждѣ можетъ занять изъ кредитнаго учрежденiя нѣсколько десятковъ рублей для прикупки хлѣба на посѣвъ или продовольствiе, или для прiобрѣтенiя лошади, коровы, или получить небольшую сумму изъ страхового капитала послѣ пожара, градобитiя, повальнаго падежа, то въ большей части случаевъ онъ будетъ спасенъ отъ разоренiя. Общее состоянiе его хозяйства, разумѣется, отъ этого не улучшится; если передъ тѣмъ бытъ его былъ скудный, то отъ такихъ незначительныхъ вспомоществованiй онъ не поправится, бѣднякъ не сдѣлается богачомъ; но онъ останется хозяиномъ, не будетъ вынужденъ отказаться отъ своей надѣльной земли и распродать послѣднюю свою движимость.

Итакъ, польза и дѣйствіе кредита, страхованія и тому подобныхъ мѣръ въ крестьянскомъ быту состоитъ въ томъ, что они предупреждаютъ до извѣстной степени полное разореніе и упраздненіе хозяйствъ, сохраняютъ многія изъ нихъ, которыя безъ этого пришли бы въ совершенный упадокъ, и такимъ образомъ уменьшаютъ на извѣстный процентъ приростъ безземельныхъ крестьянъ, сельскаго пролетаріата.

Коренное улучшеніе быта дѣло другое, еще болѣе существенное; но въ этомъ случаѣ указанныя мѣры не могутъ имѣть прямого вліянія. Прежде чѣмъ улучшать, надо упрочить поземельное хозяйственное состояніе народныхъ массъ и противодѣйствовать по возможности тѣмъ причинамъ, тѣмъ печальнымъ случайностямъ, которыя заставляютъ ежегодно нѣсколько тысячъ крестьянъ бросать свои земли и свой земледѣльческій промыселъ.

Другой видъ, другой моментъ бѣдности это—то состояніе, которое въ простонародьѣ называется бобыльщиной, сиротствомъ, когда крестьянинъ не держитъ земли, не имѣетъ своего хозяйства и существуетъ заработками, наемнымъ трудомъ или подаяніями, нищенствомъ.

Большая часть такихъ семействъ приходитъ въ отчаянное положеніе оттого собственно, какъ мы выше сказали, что въ критическія минуты, когда ихъ поразило какое либо несчастіе, они не могли найти поддержки, вспомоществованія. Въ ряду такихъ причинъ, вызывающихъ бѣдствіе, есть и естественныя — неотразимыя случайности, которыя приводятъ извѣстное число крестьянскихъ семействъ въ безпомощное положеніе.

Если въ семьѣ, хотя бы и средняго состоянія, умираетъ или отлучается на службу единственный работникъ, или по болѣзни дѣлается неспособнымъ къ работѣ, то хлѣбопаше-

ство и хозяйство, долго продержаться не можетъ. Семья, истративъ послѣдніе средства на наемъ батрака, сдаетъ свои покосы и прекращаетъ свой промыселъ.

Для такихъ крестьянъ мѣры, о коихъ мы выше упомянули, какъ временныя заимообразныя пособія, окажутся большею частію непримѣнимыми, недѣйствительными.

Возстановить разоренное, упраздненное хозяйство совсѣмъ другое дѣло, чѣмъ поддержать и исправить разстроенное, и дѣло это такъ трудно, что даже и при большихъ затратахъ рѣдко удается. Для тѣхъ семействъ, гдѣ нѣтъ рабочаго взрослаго мужика, правильное веденіе земледѣльческаго промысла немыслимо, и большая часть такихъ вдовьихъ и сиротскихъ крестьянскихъ дворовъ обречены судьбой къ крайней бѣдности; во всякомъ случаѣ къ нимъ нельзя примѣнить ни одной изъ тѣхъ мѣръ, которыя основаны на взаимности, складчинѣ и условіи возвращенія ссудъ, потому что взыскивать съ нихъ нечего и такія взысканія, обыкновенно безнадежныя, обременяютъ только счеты и вызываютъ безполезные расходы взиманія.

Для этого разряда крестьянскихъ семействъ нужна помощь другого рода, не въ видѣ временныхъ вспомоществованій, а постоянное содержаніе, по крайней мѣрѣ до того времени, когда малолѣтніе достигнутъ полнаго возраста или рабочій мужикъ возвратится изъ отлучки; нуженъ не кредитъ, не заимообразныя пособія, а призрѣніе и продовольствіе на счетъ обществъ, земствъ или государства, и притомъ—призрѣніе безплатное, безвозвратное.

По этимъ соображеніямъ мы раздѣляемъ мѣры, имѣющія въ виду благоустройство сельскаго быта, на двѣ главныя категоріи:

Народный кредитъ и народная помощь.

Подъ словами „народный кредитъ“, которыя, впрочемъ

не совсѣмъ точно выражаютъ нашу мысль, мы разумѣемъ совокупность тѣхъ учрежденій и мѣропріятій, которыя имѣютъ въ виду поддержать крестьянскія хозяйства въ первый моментъ ихъ разстройства посредствомъ денежныхъ или вещевыхъ пособій, съ условіемъ возврата ссудъ при участіи въ составленіи складочнаго капитала. Сюда относятся разныя кредитныя учрежденія: сельскіе банки, кассы, ссудосберегательныя товарищества, поземельные и колоніальные банки, общества взаимнаго кредита. Къ этому же разряду можно отнести взаимное страхованіе отъ пожаровъ, падежей скота, градобитія и страхованіе жизни.

„Народной помощью" мы называемъ тѣ мѣры, которыя даютъ или должны бы давать безплатное и безвозвратное пособіе неимущимъ, безземельнымъ семьямъ, не имѣющимъ своего собственнаго хозяйства и уже впавшимъ въ крайнюю, безпомощную бѣдность, и сюда мы относимъ общественное призрѣніе, народное продовольствіе и благотворительныя учрежденія вообще

Эти двѣ категоріи мѣръ должны быть точно различены и разсмотрѣны особо, потому что каждая изъ нихъ имѣетъ совершенно отдѣльный кругъ дѣйствій и особый предметъ. Но, къ сожалѣнію, это-то различіе и не соблюдается ни въ разсужденіяхъ объ устройствѣ и улучшеніи сельскаго хозяйства, ни въ проведеніи мѣропріятій и распоряженій по этимъ предметамъ, и отъ такого смѣшенія происходятъ безконечныя недоразумѣнія, неблагопріятно отражающіяся на самомъ дѣлѣ.

Мы постараемся объяснить въ чемъ, по нашему мнѣнію, состоятъ недоразумѣнія.

Съ одной стороны, многіе писатели и общественные дѣятели, придерживающіеся болѣе или менѣе гуманныхъ и либеральныхъ мнѣній, оспариваютъ пользу и цѣлесообраз-

ность кредитныхъ учрежденій для простого народа, указывая на то, что кредитъ, минуя бѣднѣйшій классъ жителей, оставляетъ безъ помощи тотъ разрядъ крестьянъ, который всего болѣе нуждается въ пособіи и такимъ образомъ поддерживая средній классъ, обходя нисшій, способствуетъ развитію неравенства въ сельскихъ обществахъ.

На этомъ основаніи даже такія общедоступныя учрежденія, какъ ссудныя товарищества или общества мелкаго земельнаго кредита, признаются съ этой высокой точки зрѣнія безполезными и даже вредными, какъ пальятивныя мѣры, не искореняющія бѣдности, какъ заплатки на рубищѣ не имущихъ.

Возраженіе это отчасти справедливо; дѣйствительно въ каждой группѣ населенія, въ каждомъ сельскомъ обществѣ найдется нѣсколько несостоятельныхъ крестьянъ, которые своими же односельцами исключаются изъ общихъ сдѣлокъ. Опытъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ указываетъ, что, по понятію самихъ крестьянъ, есть извѣстная норма состоянія, ниже которой довѣріе общества къ своему члену прекращается; если у домохозяина нѣтъ лошади или коровы, если онъ сдалъ большую часть своихъ полевыхъ угодій, если въ домѣ нѣтъ рабочаго, то такой крестьянинъ не принимается въ члены товарищества. То же самое вѣроятно окажется и при учрежденіи проектируемыхъ банковъ или товариществъ для пріобрѣтенія земель или переселеній; какими бы внѣшними узами ни была связана крестьянская община, какими бы строгими правилами ни была обставлена равноправность ея членовъ, внутри сельскихъ обществъ, всегда окажется неравенство состояній и участіе всѣхъ крестьянъ въ общихъ сдѣлкахъ все-таки будетъ обусловливаться ихъ имуществомъ и рабочими силами.

Итакъ, мы должны согласиться, что ссудныя товарище-

ства, земскіе банки и всякія другія кредитныя учрежденія въ этомъ отношеніи не достигаютъ цѣли, если цѣлью полагается помощь неимущимъ; этотъ разрядъ крестьянъ, именно неимущихъ, остается внѣ круга ихъ дѣйствія, и кредитъ по самому существу дѣла не можетъ на нихъ распространяться, потому что кредитъ значитъ довѣріе, а довѣрять суммы людямъ несостоятельнымъ, требовать возврата ссудъ отъ неимущихъ—значитъ искажать самое понятіе о кредитѣ.

Изъ этого слѣдуетъ, что для бѣднѣйшей категоріи сельскихъ жителей нужны другія мѣры, о коихъ мы выше упомянули; тѣмъ не менѣе кредитныя учрежденія несомнѣнно полезны въ томъ смыслѣ, что посредствомъ ихъ предупреждается разореніе многихъ крестьянъ, уменьшается приростъ неимущества. Пока эти два вопроса будутъ смѣшиваться и эти разныя цѣли преслѣдоваться вмѣстѣ, пока будетъ продолжаться смутное стремленіе обнять однимъ разомъ всѣ различныя нужды и пользы народа, до тѣхъ поръ продолжится и замѣшательство по всѣмъ таковымъ вопросамъ, изъ коихъ одни парализуютъ и подрываютъ другіе, приводя дѣло къ полному застою.

Другое недоразумѣніе существующее въ сужденіяхъ о разныхъ сторонахъ сельскаго быта составляетъ, можно сказать, противоположную сторону того же вопроса: между тѣмъ какъ съ одной стороны заявляются требованія о распространеніи дѣйствій кредитныхъ учрежденій на всѣхъ жителей, въ полномъ составѣ сельскихъ обществъ, съ другой—раздача пособій, назначаемыхъ для бѣдныхъ, по тому же принципу—равной раскладки, распредѣляется тоже поголовно между всѣми членами общества, доставаясь отчасти такимъ домохозяевамъ, которые вовсе не нуждаются въ пособіи. Это правило проникло безсознательно въ наше законодательство, въ разныя отрасли внутренняго управленія, какъ напримѣръ,

по общественному призрѣнію, по народному продовольствію и проч. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, установились такіе порядки, что пособіями пользуются безразлично всѣ лица, причисленныя къ обществамъ, волостямъ или вообще къ крестьянскому сословію, такъ что тутъ открываются задачи почти неразрѣшимыя: въ случаѣ неурожая—обезпечить пропитаніе цѣлыхъ селеній, волостей, уѣздовъ и губерній, въ случаѣ болѣзни или дряхлости—лечить и призрѣвать безплатно цѣлое населеніе, не различая богатаго отъ бѣднаго, собственника отъ неимущаго,—задачи не разрѣшимыя по своей громадности и сложности.

Поэтому, мы думаемъ, что надо поставить эти два вопроса отдѣльно. Устраивая кредитъ, имѣть въ виду, что имъ воспользуются не всѣ жители, и для бѣднѣйшаго разряда крестьянъ принять другія мѣры — устроить безплатное попечительство и призрѣніе; наблюдая при томъ, чтобы капиталы общественнаго призрѣнія, народнаго продовольствія и благотворительныхъ учрежденій были употребляемы исключительно съ цѣлью вспомоществованія неимущимъ.

Если мы довольно ясно выразили нашу мысль, то изъ вышесказаннаго явствуетъ, что народный кредитъ и народная помощь должны быть различны и по предмету ихъ дѣйствій, и по цѣли преслѣдуемой ими, и по порядку ихъ операцій и, наконецъ, по капиталамъ, коими въ томъ и другомъ случаѣ приходится дѣлать обороты.

Народный кредитъ долженъ быть организованъ для средняго разряда крестьянъ и главная его цѣль—предупрежденіе отъ полнаго разоренія посредствомъ заимообразныхъ ссудъ и авансовъ, платежей изъ складочнаго капитала, или выдачъ изъ общественныхъ запасовъ.

Народная же помощь должна имѣть въ виду неимущихъ или неспособныхъ къ работѣ людей и поддерживать ихъ

существованіе посредствомъ даровыхъ и безвозвратныхъ пособій, ассигнуемыхъ изъ общественныхъ капиталовъ, или— выдачи такихъ пособій натурой, продуктами по удешевленной цѣнѣ.

На этомъ основаніи должны быть распредѣлены и суммы, ассигнуемыя на устройство сельскаго быта. Всякаго рода кредитныя учрежденія требуютъ только основного капитала и затѣмъ поддерживаются сами собой —своими оборотами. Но призрѣніе и содержаніе неимущихъ составляетъ бо̀льшею частію безвозвратный расходъ, на пополненіе коего нельзя и не слѣдуетъ разсчитывать, и который поэтому требуетъ особой разборчивости при распредѣленіи пособій, особой бережливости въ расходованіи. Смѣшеніе указанныхъ мѣръ и объединеніе ихъ въ виду того, что ими преслѣдуется одна цѣль, усложняетъ вопросъ до такой степени, что ни одна изъ преслѣдуемыхъ благихъ цѣлей не достигается: громадныя суммы растрачиваются безъ существенной пользы для народнаго хозяйства.

VII.

Общественное призрѣніе и народное продовольствіе.

Общественное призрѣніе и народное продовольствіе составляютъ у насъ, въ Россіи, двѣ отдѣльныя вѣтви управленія, располагающія отдѣльными капиталами и имѣющія каждая особый кругъ дѣйствій.

Къ сожалѣнію, эти круги очерчены въ нашемъ законодательствѣ такъ неопредѣленно, что очень трудно сказать, въ чемъ состоитъ предметъ этихъ вѣдомствъ. Общественное призрѣніе завѣдывалось прежде приказами, а народное продовольствіе особыми губернскими коммиссіями; къ каждому изъ этихъ вѣдомствъ были приписаны значительные капиталы, простирающіеся на нѣсколько милліоновъ. Въ настоящее время они всѣ вмѣстѣ поручены земскимъ учрежденіямъ, но предметы вѣдомства и порядокъ дѣйствій остались въ прежнемъ неопредѣленномъ видѣ, и въ новыхъ законоположеніяхъ недоразумѣнія прежнихъ уставовъ нисколько не разъяснены.

Общественное призрѣніе по смыслу закона имѣетъ

цѣлью—помощь „неимущимъ“, для которыхъ устраиваются и содержатся богадѣльни, дома умалишенныхъ; кромѣ того, выдаются пособія бѣднымъ на дому. Терминъ „неимущіе“ повторяется безконечно во всѣхъ статьяхъ устава обществ. призрѣнія и составляетъ, можно сказать, единственное указаніе предмета вѣдомства этого учрежденія; но что разумѣть подъ словомъ неимущества—этого нигдѣ въ законѣ не разъяснено. Между тѣмъ отъ этого и самое дѣло призрѣнія всегда было и до сихъ поръ остается въ Россіи въ самомъ шаткомъ положеніи, не имѣя никакого руководства для распредѣленія пособій, никакихъ основаній для пріема или отказа въ нихъ. Правомъ на общественное призрѣніе въ дѣйствительности пользуются всѣ сословія; неимущими признаются всѣ лица, получившія отъ сельскаго или полицейскаго начальства свидѣтельство о бѣдности; но такъ какъ понятіе о бѣдности совершенно относительное, то на практикѣ выходитъ, что свидѣтельства выдаются безъ всякаго разбирательства, и призрѣніе на счетъ общественныхъ суммъ дается большею частію такимъ людямъ, которые находятъ за себя ходатаевъ и покровителей, между тѣмъ какъ настоящіе бѣдные въ глуши дальнихъ селеній остаются безъ всякой помощи.

Очевидно, что общественное призрѣніе требуетъ прежде всего строгаго опредѣленія и ограниченія своего круга дѣйствія, т.-е самаго понятія о неимуществѣ, дающемъ право на призрѣніе, и что покуда продолжатся нынѣшніе порядки, пользы отъ него будетъ мало.

Народное продовольствіе имѣетъ у насъ еще болѣе широкое значеніе чѣмъ общественное призрѣніе, и самое слово „народное“ придаетъ ему тотъ особый смыслъ, какъ-будто правительство принимаетъ на себя попеченіе о продовольствіи всего народа, или по крайней мѣрѣ всего населенія

тѣхъ мѣстностей, гдѣ продовольствіе стѣсняется отъ неурожая или другихъ причинъ.

Въ этомъ смыслѣ и были устроены въ прежнее время хлѣбные магазины, и въ тѣхъ селеніяхъ гдѣ надъ ними былъ строгій надзоръ крестьяне привыкли разсчитывать на запасный хлѣбъ для посѣва и отчасти для прокормленія. Но въ скоромъ времени послѣ освобожденія крестьянъ, эти запасы истощились, и сельскія общества, за недостаткомъ своихъ общественныхъ запасовъ, стали обращаться непосредственно къ земству за денежными пособіями изъ продовольственнаго капитала.

Въ послѣднее время эти требованія и ходатайства земствъ начали повторяться все чаще и чаще, и продовольственныя мѣры принимаютъ все болѣе широкіе размѣры; ежегодно возникаютъ вопросы о прокормленіи цѣлыхъ уѣздовъ и губерній, заявляются просьбы объ ассигнованіи громадныхъ суммъ. Просьбы эти удовлетворяются по мѣрѣ возможности и почти всегда въ размѣрахъ несравненно нисшихъ чѣмъ нужно, и, въ концѣ концовъ, пособія оказываются совершенно недостаточными для покрытія нуждъ.

Такой результатъ, какъ намъ кажется, неизбѣженъ и могъ быть заранѣе предвидѣнъ. Полное обезпеченіе продовольствіемъ цѣлаго населенія, даже въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, требуетъ такихъ громадныхъ затратъ, что капиталы—какъ бы велики нибыли—быстро истощаются, если въ распредѣленіи пособій не соблюдается нѣкоторая соразмѣрность, а эта соразмѣрность зависитъ отъ двухъ условій: во-первыхъ, чтобы степень нужды, недостатокъ въ продовольствіи были освидѣтельствованы и разсчитаны основательно, и во-вторыхъ, чтобы сдѣлано было различіе между нуждающимися, между лицами и семействами болѣе или

менѣе стѣсненными въ своихъ средствахъ и такими, которые не имѣютъ никакихъ средствъ пропитанія.

Эти два условія надо разсмотрѣть отдѣльно.

Для опредѣленія урожая и недостатка продовольствія у насъ не имѣется, при настоящихъ порядкахъ собиранія свѣдѣній, положительно никакихъ данныхъ, о чемъ мы уже нѣсколько разъ упоминали, и это составляетъ главный недостатокъ всѣхъ сужденій о народномъ продовольствіи; но, кромѣ того, вопросъ этотъ и по самому существу до крайности затруднителенъ и почти не разрѣшимъ. Свойства почвы и атмосферическія явленія имѣютъ такое вліяніе на урожаи, что опредѣлить ихъ можно только самымъ внимательнымъ осмотромъ полей въ разныхъ селеніяхъ, объѣздомъ цѣлыхъ волостей и уѣздовъ, а это такой трудъ, который едва ли можетъ быть возложенъ на должностныхъ лицъ, имѣющихъ другія и разнообразныя служебныя занятія.

Поэтому, мы думаемъ, что на теперешнихъ разсчетахъ объ урожаяхъ никакъ не слѣдуетъ основываться и что главное соображеніе должно состоять въ томъ, чтобы посредствомъ ссудъ изъ хлѣбныхъ магазиновъ или продовольственнаго капитала придти на помощь той части населенія, которая наиболѣе нуждается въ помощи, по невозможности заработывать на сторонѣ свое пропитаніе.

Это довольно вѣрно опредѣляется составомъ семейства, и можно почти положительно признать, что стѣсненіе продовольствія наиболѣе чувствительно и пагубно для тѣхъ крестьянскихъ дворовъ, гдѣ менѣе рабочихъ душъ и болѣе не рабочихъ. Пропорціонально этому отношенію и должны бы распредѣляться пособія, такъ чтобы на первую очередь и съ правомъ пользованія наибольшимъ размѣромъ ссудъ были ставлены семейства безъ работниковъ, затѣмъ одинокіе домохозяева съ большимъ числомъ домочадцевъ и т. д.

Итакъ, по нашему предположенію, общественное призрѣніе и народное продовольствіе должны бы имѣть одну цѣль и одинъ предметъ вѣдомства, нѣсколько ограниченный противъ настоящаго ихъ круга дѣйствій, но болѣе опредѣленный, а потому и болѣе дѣйствительный—именно помощь неимущимъ. Стремиться къ тому, чтобы обезпечить продовольствіе народныхъ массъ, цѣлыхъ сословій или даже цѣлыхъ селеній, закупать и подвозить хлѣбъ для прокормленія уѣздовъ и губерній, постигнутыхъ неурожаемъ—это несбыточныя мечты, которыя доставляютъ нѣкоторую популярность администраторамъ и общественнымъ дѣятелямъ, распоряжающимся пособіями, но цѣли не достигаютъ и достигнуть не могутъ, по причинамъ независящимъ отъ распорядительности земскихъ и правительственныхъ учрежденій, а прямо истекающимъ изъ обыкновеннаго и естественнаго хода дѣлъ.

Въ принятіи мѣръ по народному продовольствію слѣдуютъ обыкновенно слѣдующему порядку.

Если съ ранней весны всходы озимыхъ или яровыхъ полей совершенно дурны, то мѣры къ закупкѣ и подвозу хлѣба могутъ быть приняты своевременно; но эти случаи довольно рѣдки; весенніе всходы на черноземѣ и на удобренныхъ почвахъ нечерноземной полосы обыкновенно благополучны; взаимное дѣйствіе зимней влаги и солнечныхъ лучей въ нашихъ сѣверныхъ климатахъ имѣютъ такую животворную силу, что вскрытіе весны обыкновенно подаетъ свѣтлыя надежды.—Опасность наступаетъ позже, въ началѣ лѣта. Тутъ наше земледѣліе подвергается такимъ случайностямъ, какихъ не знаютъ жители умѣренныхъ климатовъ: хлѣбъ уже выколосившійся, греча въ полномъ цвѣту, побиваются морозами, засуха задерживаетъ и губитъ лучшіе всходы; палящій зной, а въ степныхъ губерніяхъ жгучіе

вѣтры мѣшаютъ наливу, или продолжительные ливни препятствуютъ созрѣванію и уборкѣ хлѣбовъ. Тогда въ половинѣ лѣта начинаютъ поступать скорбныя извѣстія о пропажѣ урожаевъ въ разныхъ мѣстностяхъ; земство и губернское начальство совѣщаются о предстоящихъ нуждахъ по принятію мѣръ къ пополненію недостатковъ. Самая поспѣшность такихъ мѣропріятій дѣлаетъ ихъ крайне затруднительными въ такое позднее время года; покуда не окончена уборка хлѣбовъ и молотьба цѣны не устанавливаются, заготовка и доставка большихъ запасовъ къ пристанямъ и желѣзнымъ дорогамъ затруднительна,— сначала потому, что крестьяне заняты полевыми работами, а въ глухую осень— по случаю распутицы; такимъ образомъ, большія оптовыя хлѣбныя операціи, предпринимаемыя земствомъ или правительствомъ, обыкновенно опаздываютъ, имѣютъ прямымъ послѣдствіемъ вздорожаніе сельскихъ продуктовъ, и очень часто не достигаютъ мѣстъ назначенія.

Но предполагая даже, что заготовленный хлѣбъ успѣлъ дойти до тѣхъ губерній и уѣздовъ, куда онъ назначенъ, онъ все-таки останавливается на пристаняхъ и станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, и далѣе уже долженъ быть развезенъ самими обывателями, по распоряженію сельскихъ обществъ. Тутъ обыкновенно происходитъ слѣдующее: ближайшія селенія разбираютъ свою часть очень скоро и легко; но для дальнихъ деревень перевозка въ осеннюю распутицу, или по неустановившемуся первопутку бываетъ тяжела; наиболѣе исправные и доброконные хозяева осиливаютъ эту работу и запасаются хлѣбомъ; одинокіе и слабые крестьяне начинаютъ еще подкармливать лошадь, или справлять телѣгу и сбрую для дальнаго пути и часто опаздываютъ; а бѣднѣйшія безлошадныя семьи вовсе и не помышляютъ о доставкѣ хлѣба, который имъ пришлось бы переносить на

своихъ плечахъ, и по неволѣ лишаются причитающейся имъ части.

Такимъ образомъ мѣры, принимаемыя съ большою торжественностію и оглашаемыя какъ подвиги человѣколюбія, очень часто, мы не смѣемъ сказать всегда, уклоняются отъ своей благой цѣли; постановленія и представленія земскихъ учрежденій о неурожаѣ и предстоящихъ нуждахъ, корреспонденціи журнальныхъ репортеровъ, и слухи, очень часто преувеличенные, о недостаткѣ хлѣба для продовольствія — производятъ несомнѣнно нѣкоторую панику, которая вліяетъ на возвышеніе цѣнъ едвали не столько же, какъ и стачка хлѣбныхъ торговцевъ.

Хлѣбные запасы, доставляемые по распоряженію начальства и учрежденій, не доходятъ до жителей наиболѣе въ томъ нуждающихся; подгородныя или приpѣчныя селенія пользуются ими преимущественно, между тѣмъ какъ жители этихъ селеній, имѣя обыкновенно обильные заработки и промыслы, менѣе другихъ нуждаются въ пособіи; для деревень, отдаленныхъ отъ рѣкъ и желѣзныхъ дорогъ, помощь эта почти не дѣйствительна, и въ такихъ деревняхъ, гдѣ земледѣліе составляетъ большею частію единственный промыселъ, гдѣ уровень народнаго благосостоянія ниже, чѣмъ въ промышленныхъ мѣстностяхъ, въ такихъ деревняхъ зажиточные хозяева получаютъ львиную часть изъ продовольственныхъ запасовъ, а бѣднѣйшіе очень часто не пользуются ими вовсе.

Таковъ обыкновенный ходъ этихъ благонамѣренныхъ, но мало полезныхъ дѣлъ, поглощающихъ однако громадныя суммы.

Нѣкоторыя изъ упомянутыхъ затрудненій могутъ быть отстранены энергичными распоряженіями мѣстныхъ начальствъ, предполагая, что и всѣ второстепенные агенты,

употребляемые при такихъ операціяхъ, дѣйствуютъ добросовѣстно и благоразумно; но есть много и такихъ препятствій къ правильному распредѣленію хлѣбныхъ, а равно и денежныхъ пособій, которыя никакими частными усиліями не могутъ быть преодолимы, если не будутъ установлены законодательнымъ порядкомъ главныя условія, дающія право на вспомоществованіе.

По коренному обычаю нашихъ мірскихъ обществъ, какъ извѣстно, всякія пособія и льготы, точно такъ какъ и повинности, разверстываются между всѣми членами равномѣрно, по извѣстной пропорціи, обыкновенно по душамъ или тягламъ; также извѣстно, что выраженіе *душа* означаетъ не ревизскую душу, а полевой надѣлъ, соотвѣтствующій ревизскому счету душъ, а тя́гла полагаются по числу рабочихъ крестьянъ въ семьѣ. По этой же пропорціи распредѣляются пособія изъ продовольственныхъ запасовъ и капиталовъ, т.-е. — чѣмъ болѣе на крестьянскій дворъ приходится полевыхъ душевыхъ надѣловъ или рабочихъ мужиковъ, тѣмъ болѣе приходится ему и долей изъ хлѣба или денегъ; а такъ какъ такія семьи въ общей сложности и зажиточнѣе и самостоятельнѣе другихъ, то выходитъ, что пособія распредѣляются въ обратной пропорціи къ нуждамъ семействъ, и одинокимъ крестьянамъ, вдовамъ и сиротамъ достается изъ нихъ всего менѣе.

Это одна изъ главныхъ причинъ, почему мѣры общественнаго призрѣнія и народнаго продовольствія не достигаютъ своей цѣли. Покуда распредѣленіе вспомоществованій будетъ предоставлено безъ всякаго ограниченія и руководства распоряженію сельскихъ сходовъ вышеописанные порядки будутъ неуклонно соблюдаться; крестьянинъ зажиточный непремѣнно выбираетъ свою часть изъ магазина или денежнаго пособія, хотя бы и не нуждался въ этомъ, и

скорѣе согласится, послѣ раздачи, уступить свою долю бѣдному родственнику или сосѣду, чѣмъ откажется отъ своего права. Семейство съ тремя рабочими мужиками, изъ коихъ одинъ или двое могли бы быть отпущены на заработки, получаетъ при раздачѣ пособій втрое больше, чѣмъ одинокій крестьянинъ, хотя бы у обоихъ въ домѣ было одинаковое число наличныхъ душъ. Такимъ образомъ изъ громадныхъ суммъ, затрачиваемыхъ на продовольствіе, бѣднымъ достаются одни крохи и гуманныя стремленія помочь всѣмъ жителямъ поголовно приводятъ къ тому результату, что наиболѣе нуждающіеся получаютъ менѣе всѣхъ.

VIII.

Безземельные крестьяне.

Обезземеленіе крестьянскаго сословія было, какъ извѣстно, главнымъ зародышемъ пролетаріата въ Западной Европѣ, и поэтому понятно, что въ Россіи, гдѣ по сіе время огромнѣйшее большинство сельскаго населенія живетъ осѣдло, хозяйственно на своихъ земляхъ, предупрежденіе такого печальнаго явленія, какъ экспропріація крестьянъ, составляютъ одну изъ главнѣйшихъ заботъ и задачъ государственнаго управленія.

Въ пылу первыхъ нашихъ прогрессивныхъ порывовъ многіе ошиблись въ отношеніи крестьянскаго положенія 1861 года, приписывая ему, во-первыхъ, значеніе окончательнаго поземельнаго устава, не нуждающагося ни въ какихъ поправкахъ и дополненіяхъ, и, во-вторыхъ, ожидая отъ общиннаго начала, принятаго въ основаніе крестьянскаго быта, что оно само собой будетъ регулировать аграрныя отношенія и предупредитъ безусловно обезземеленіе крестьянъ. Вышло же такъ, какъ всегда и выходитъ изъ экономическихъ доктринъ, когда ихъ хотятъ примѣнить безусловно къ жи-

тейскимъ отношеніямъ; оказалось (какъ и можно было предвидѣть), что отъ приращенія населенія, распашки новыхъ земель, расчистки лѣсовъ, переселенія изъ однихъ мѣстностей въ другія, поземельныя отношенія въ первыя два десятилѣтія уже сильно измѣнились; обнаружилось (что еще легче можно было предсказать), что никакіе уставы не могутъ предупредить болѣзнь, дряхлость, смерть, исправить лѣнь и безпечность, и что извѣстный процентъ неимущихъ зарождается въ каждомъ обществѣ.

Онъ зародился и началъ рости и въ русскихъ селеніяхъ. Не смотря на то, что всѣмъ крестьянамъ надѣлены были земли и что приняты были всякія мѣры противъ легкомысленныхъ отказовъ отъ земли, уже нынѣ, черезъ 20 лѣтъ послѣ освобожденія, сельскій пролетаріатъ достигъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ значительныхъ размѣровъ.

Къ сожалѣнію мы не имѣемъ вѣрныхъ свѣдѣній объ этой важнѣйшей сторонѣ народнаго быта; среди массы мелочныхъ статистическихъ свѣдѣній, публикуемыхъ разными вѣдомствами, мы не находимъ никакихъ показаній о прибыли, убыли и числѣ безземельныхъ крестьянъ; если они и встрѣчаются въ отдѣльныхъ описаніяхъ и изслѣдованіяхъ, то всегда въ такомъ сбивчивомъ видѣ, что изъ нихъ нельзя дѣлать никакихъ правильныхъ выводовъ.

Въ сочиненіи „Землевладѣніе и Земледѣліе“ я привелъ нѣсколько фактовъ, свидѣтельствующихъ о значительномъ процентѣ безземельныхъ крестьянъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ (томъ I глава 9). По этимъ свѣдѣніямъ процентъ ихъ доходитъ въ Тамбовской губерніи до 5% всѣхъ жителей, въ Курской до 10, въ Костромской даже до 15; но я долженъ сознаться, что былъ введенъ въ заблужденіе сбивчивыми исчисленіями, впрочемъ заимствованными изъ офиціальныхъ источниковъ.

Дѣло въ томъ, что и въ этомъ случаѣ свѣдѣнія собирались совершенно различными способами, безъ всякаго соглашенія или общей программы: въ одной губерніи показывались только крестьяне въ тѣсномъ смыслѣ слова, отказавшіеся отъ надѣла, въ другой—къ нимъ причислялись бобыли, проживающіе на усадьбахъ, въ третьихъ—разночинцы, дворовые, мѣщане, приписанные къ волостямъ; въ разныхъ уѣздахъ той же губерніи принимались для исчисленій тоже совершенно разныя основанія. Можно себѣ представить, что выходитъ изъ подобныхъ статистическихъ изслѣдованій.

Такъ, напримѣръ, въ Курской губерніи изъ 10% всѣхъ безземельныхъ сельскихъ жителей приходится собственно крестьянъ, отказавшихся отъ надѣла только 2%. Въ Вятской показано всѣхъ безземельныхъ жителей безъ различія состоянія 2,458. Въ Симбирской крестьянъ безъ земли вовсе не полагается (?), а считается только 8,098 разночинцевъ безъ надѣла и т. д.

Въ изданномъ министерствомъ государственныхъ имуществъ, первомъ выпускѣ „Матеріаловъ для изученія современнаго положенія землевладѣнія“ (Спб. 1880 г. стр. 64), о коихъ мы выше упомянули, приведены очень интересныя данныя о безземельныхъ крестьянахъ по нѣкоторымъ мѣстностямъ, причемъ число ихъ выведено по волостямъ и уѣздамъ и представляетъ нѣкоторыя очень замѣчательныя комбинаціи, а именно:

	Число безземельныхъ крестьянъ.
1) Въ Петербургской губерніи:	
въ Югостицкой волости Лужскаго уѣзда	22
» Кологородской волости того же уѣзда	77
» Ямбургскомъ уѣздѣ	451
2) Въ Новгородской губерніи:	
въ Марьинской волости Новгородскаго уѣзда	52
3) Въ Тверской губерніи	9,966

	Число безземельныхъ крестьянъ.
4) Въ Калужской губерніи:	
въ Адуевской волости Медынскаго уѣзда	27
5) Въ Московской губерніи:	
въ Новинской волости Клинскаго уѣзда	4
6) Въ Костромской губерніи:	
въ уѣздахъ: Кинешемскомъ	933
» Галичскомъ	1,247
» Юрьевецкомъ	474
7) Въ Самарской губерніи:	
въ Булгаковской волости Бузулукскаго уѣзда	166
» Липовской волости Николаевскаго уѣзда	399
8) Въ Саратовской губерніи:	
въ Суздальской волости Балашовскаго уѣзда	30
» Ерзовской волости Царицынскаго уѣзда	10
» Отрадинской волости того же уѣзда	4
» Голицынской и Сокурской волостяхъ Саратовскаго уѣзда.	26
» Тепловской и Сухокорбулакской волостяхъ того же уѣзда.	60
9) Въ Пензенской губерніи:	
въ Титовской волости Нижнеломовскаго уѣзда	80
10) Въ Тамбовской губерніи:	
въ Мокринской волости Елатомскаго уѣзда	52
11) Въ Рязанской губерніи:	
въ Инякинской волости Спасскаго уѣзда	208
» Березовской волости того же уѣзда	114
» Путятинской волости Сапожковскаго уѣзда	148
12) Въ Орловской губерніи.	10,858
13) Въ Черниговской губерніи:	
въ Новозыбковскомъ уѣздѣ	506
14) Въ Екатеринославской губерніи:	
въ Ростовскомъ уѣздѣ и Таганрогскомъ Градоначальствѣ .	2,489
» Андреевской волости Александровскаго уѣзда, Елисаветовской и Хорошевской Новомосковскаго уѣзда и Васильевской-Павлоградскаго уѣзда	140
15) Въ Таврической губерніи:	
въ уѣздахъ: Бердянскомъ	1,507
» Днѣпровскомъ	222
» Перекопскомъ	1,120
» Мелитопольскомъ	1,137
» Евпаторійскомъ	3,912
» Симферопольскомъ	965
» Ѳеодосійскомъ	4,887
Въ губерніи . . .	13,750

	Число безземельныхъ крестьянъ.
16) Въ Херсонской губерніи:	
въ уѣздахъ: Херсонскомъ	884
» Ананьевскомъ	3,424
» Елисаветградскомъ	3,809
» Тираспольскомъ	2,527
» Одесскомъ	3,932
» Александровскомъ	2,109
Въ губерніи	16,685
17) Въ Подольской губерніи:	
въ Чернянской волости Балтскаго уѣзда	317
18) Въ Могилевской губерніи:	
въ Вилевской волости Гомельскаго уѣзда	126
19) Въ Уфимской губерніи:	
въ Белебеевскомъ уѣздѣ	3,302
Всего	62,939

Изъ объясненій, приведенныхъ въ вышеназванныхъ „Матеріалахъ" видно, что въ одной волости Петербургской губерніи (Югостицкой) показано 77 безземельныхъ, но изъ нихъ только 15 крестьянъ, прочіе дворовые и мѣщане.

Въ Ямбургскомъ цѣломъ уѣздѣ считается безъ земли 451 крестьянинъ, изъ нихъ 249 не пользующихся надѣломъ; отказались ли они отъ надѣла добровольно при утвержденіи уставныхъ грамотъ, или впослѣдствіи по нуждѣ и бѣдности—это необъяснено.

Въ Инякинской волости (Спасскаго уѣзда) число безземельныхъ жителей возрасло разомъ отъ 40 до 280 потому, что у 240 душъ были отняты надѣлы за недоимки, и при томъ по приговору одного сельскаго общества.

Въ Новозыбковскомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи, гдѣ находится 119,545 лицъ всѣхъ сельскихъ жителей, числилось въ 1868 году безземельныхъ крестьянъ 896; въ 1878 году число ихъ уменьшилось до 650, или на 27%.

Въ пяти волостяхъ Александровскаго уѣзда, при 3,499

ревизскихъ душахъ, и 1722 дворахъ, было безземельныхъ 140 душъ, или 4% *).

Въ Вилевской волости, Гомельскаго уѣзда, въ 17 селахъ съ 3,808 душами было прежде безземельныхъ 79, теперь 126, что составляетъ 3% всѣхъ жителей.

Въ Таврической губерніи, гдѣ всего 546,345 жителей сельскихъ сословій, насчитано въ семи уѣздахъ 13,750 безземельныхъ. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ пропорція громадная: изъ 3,912 во всемъ Евпаторійскомъ уѣздѣ приходится на Курматъ-Аджинскую болѣе 2000. Тутъ должны быть особенно неблагопріятныя условія; наоборотъ въ нѣкоторыхъ волостяхъ другихъ губерній число безземельныхъ ничтожное: въ Новинской волости, Клинскаго уѣзда (Москов. губ.), только 4 души, въ Отрадинской — Царицынскаго уѣзда тоже 4, въ Ерзовской того же уѣзда 10.

Изъ этихъ отрывочныхъ, неполныхъ, сбивчивыхъ и случайныхъ данныхъ, можно только убѣдиться, что мы ничего не знаемъ объ одной изъ важнѣйшихъ сторонъ нашего народнаго быта, и ничего не узнаемъ, покуда изслѣдованія будутъ производиться безъ всякаго порядка, безъ общей системы и правильно выработанной программы.

Изъ вышеприведенныхъ свѣдѣній, можно только видѣть —какъ они различны и противоположны, и какъ легко могутъ придти разныя лица и даже учрежденія къ фальшивымъ заключеніямъ объ общемъ положеніи народнаго хозяйства, основываясь на мѣстныхъ наблюденіяхъ. Земскія управы Евпаторійскаго и Ѳеодосійскаго уѣздовъ, гдѣ число безземельныхъ дошло до 9,912 и 4,887 могутъ по справедливости признать, что сельскій пролетаріатъ достигъ опасныхъ размѣровъ; житель новинской волости или отра-

*) Эта цифра 3,499 въ 5 волостяхъ намъ кажется однако сомнительной; такія мелкія волости рѣдки въ великороссійскихъ губерніяхъ.

динской, гдѣ всего показано по 4 души безъ земли, вовсе не замѣтить этого факта, а изслѣдователь Новозыбковскаго уѣзда, гдѣ число безземельныхъ уменьшилось на 27%, можетъ придти къ заключеніямъ совершенно противнымъ.

Но въ дѣйствительности всѣ они можетъ быть ошибутся; весьма вѣроятно, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ показано наименьшее число, не считаны бобыли, проживающіе на однихъ усадьбахъ, или разночинцы приписанные къ обществамъ, въ другихъ, наоборотъ, смѣшаны всѣ категоріи; въ третьихъ показаны только лица приписанныя къ волостямъ и упущены тѣ, которыя числятся при сельскихъ обществахъ.

Такимъ образомъ получается много свѣдѣній, изъ коихъ ни правительство, ни общество не могутъ составить себѣ правильнаго понятія ни объ упадкѣ или усиленіи крестьянскаго землевладѣнія, ни о причинахъ этихъ явленій. Мы видимъ, напримѣръ, что въ одной волости были отобраны надѣлы, за недоимки, у 240 крестьянъ. Это совершенно частное и случайное явленіе; но еслибъ подобныя свѣдѣнія были собраны по всѣмъ волостямъ и оказалось бы, что такіе случаи повторяются часто, то мы бы имѣли возможность узнать, насколько и въ какихъ мѣстностяхъ податная система оказывается обременительной.

Еслибъ были указаны нѣкоторыя правила для собиранія свѣдѣній, напримѣръ, что противъ числа безземельныхъ надо выставлять общее число жителей, различать собственно крестьянъ отъ разночинцевъ, указывать уменьшеніе или увеличеніе числа безземельныхъ, то можно было бы изъ этого дѣлать общіе и очень важные выводы о крестьянскомъ землевладѣніи. Въ настоящемъ же видѣ вышеуказанный сырой матеріалъ не даетъ возможности дѣлать никакого сравненія между разными мѣстностями.

Для правильнаго сужденія о важнѣйшемъ предметѣ—упадкѣ или развитіи крестьянскаго землевладѣнія, нужно прежде всего отдѣлить собственно крестьянъ-домохозяевъ отъ прочихъ сельскихъ жителей и считать только тѣхъ, которые получили душевой надѣлъ при утвержденіи уставныхъ грамотъ, а впослѣдствіи по какимъ-либо причинамъ отказались отъ земли. Если смѣшивать ихъ съ другими разрядами, то заключенія выйдутъ обманчивыя: дворовые люди, приписывающіеся къ волостямъ, мѣщане поселившіеся въ селеніяхъ, имѣютъ большею частію другіе промыслы и источники дохода, и, хотя и безъ земли, пользуются вообще бо́льшимъ достаткомъ, чѣмъ крестьяне-хлѣбопашцы.

Бобыли, кутники, огородники, проживающіе въ усадьбахъ безъ полевого надѣла, должны быть тоже различены отъ полныхъ хозяевъ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, въ селеніяхъ лежащихъ около столицъ, большихъ городовъ и на линіяхъ желѣзныхъ дорогъ, усадебная осѣдлость пріобрѣла въ новѣйшее время такую цѣнность, что крестьяне бросаютъ хлѣбопашество не по нуждѣ, а по прямому разсчету, что торговля или наемъ помѣщенія выгоднѣе земледѣлія.

Поэтому собственно къ безземельнымъ должны быть отнесены только крестьяне отказавшіеся отъ надѣла и поселившіеся въ чужихъ домахъ или на чужихъ усадьбахъ. Они составляютъ главный контингентъ неимущихъ, первый разрядъ бѣднѣйшихъ жителей, и если въ какой-либо мѣстности оказывается значительное приращеніе таковыхъ безземельныхъ, то можно прямо заключить, что тутъ дѣйствуютъ гибельныя причины.

Другіе разряды, о коихъ мы выше упомянули, могутъ быть тоже исчислены, но должны быть разсмотрѣны съ

другой точки зрѣнія: напримѣръ, большое число мѣщанъ и разночинцевъ, приписавшихся къ обществу или волости, часто означаетъ, что мѣстность эта пользуется нѣкоторыми экономическими выгодами; какъ бывшіе дворовые, такъ и городскіе обыватели выбираютъ преимущественно для поселенія или приписки наиболѣе состоятельныя общества, гдѣ имъ не угрожаетъ круговая порука за недоимку и потому значительное число такихъ приписанныхъ людей обыкновенно указываетъ на положеніе противное тому, что́ обозначаетъ обезземеленіе крестьянъ, т.-е. не разстройство хозяйственнаго быта, а, напротивъ, оживленіе и процвѣтаніе его. Изъ этого можно видѣть, что когда такія явленія смѣшиваются и разнообразныя данныя, добытыя изслѣдованіемъ, строго систематично не классифицируются, а сбиваются въ одну массу, въ одни итоги, когда въ число безземельныхъ крестьянъ включаются безъ разбора ремесленники, торговцы, прямо по спискамъ ревизскихъ душъ и по разумѣнію волостныхъ старшинъ и писарей, то изъ этого выходитъ картина народнаго быта, нисколько не похожая на подлинникъ.

Изъ этого видно, какъ трудно при настоящемъ положеніи нашихъ статистическихъ и экономическихъ свѣдѣній дѣлать какіе-либо выводы даже о такихъ крупныхъ и наглядныхъ фактахъ, какъ обезземеленье крестьянъ. Казалось бы, что легче счесть число семействъ отказавшихся отъ земли, число упразднившихся дворовъ и запущенныхъ полосъ, чѣмъ исчислять милліоны четвертей и пудовъ посѣвовъ и урожаевъ или сочинять таблицы о прибыляхъ и убыткахъ крестьянскихъ хозяйствъ, а между тѣмъ эти-то важнѣйшія стороны сельскаго быта остаются у насъ неизслѣдованными—въ то время, какъ набираются со всѣхъ сторонъ голословныя свѣ-

дѣнія и слухи объ упадкѣ сельскаго хозяйства и производятся изслѣдованія о причинахъ этого упадка. Одинъ изъ главнѣйшихъ несомнѣнныхъ признаковъ экономическаго разстройства есть отказъ отъ земли, обезземеленье крестьянъ, и если въ данной мѣстности факты эти повторяются часто, то изъ этого можно заключить вѣрнѣе, чѣмъ изъ всякихъ описаній и изслѣдованій, что сельскій бытъ находится въ неблагопріятныхъ, стѣсненныхъ условіяхъ.

На такія мѣстности и надо прежде всего обратить вниманіе, изслѣдовать причины такихъ частыхъ отказовъ и по нимъ уже выводить заключенія объ условіяхъ, вліяющихъ на мѣстное хозяйство. Причины эти разнородны, но они могутъ быть подведены подъ двѣ главныя категоріи, которыя сами собой и обнаружатся при внимательномъ изслѣдованіи:

Первая причина — это несоразмѣрность поземельныхъ окладовъ съ производительностью и доходностью земель; если при отказѣ отъ земли, упраздненныя полосы неохотно разбираются односельцами и обществомъ, если при передачѣ надѣла крестьянинъ уступаетъ его безъ всякой придачи, за одни подати, на немъ лежащія, то изъ этого, безъ всякихъ другихъ болѣе или менѣе глубокомысленныхъ сужденій, можно заключить, что доходность земли не покрываетъ сборовъ, коими она обложена, и этотъ фактъ, почти повсемѣстно обнаруживающійся въ земледѣльческомъ сословіи сѣверной полосы, указываетъ ясно на причину упадка крестьянскихъ хозяйствъ.

Вторая причина—это недостатокъ земли; въ хлѣбородныхъ и густонаселенныхъ губерніяхъ отказы и уступки земель представляются также часто, но при другихъ условіяхъ; зажиточные хозяева и мірскія общества не только не противятся такимъ сдѣлкамъ, но всѣми силами ихъ

поощряютъ, соблазняютъ бѣдныхъ крестьянъ высокой платой за душевой надѣлъ, притѣсняютъ ихъ строгими взысканіями недоимокъ и такимъ образомъ вытѣсняютъ ихъ изъ общиннаго владѣнія.

Эти обстоятельства могутъ быть очень легко изслѣдованы; они настолько извѣстны мѣстнымъ жителямъ, что не потребуютъ даже особыхъ изысканій. Еслибъ, напримѣръ, земскія управы наводили справки—на какихъ условіяхъ производятся отказы и передача земель и много-ли бываетъ случаевъ отказовъ, то изъ этихъ справокъ открылись бы два соображенія, важнѣйшія для народнаго хозяйства: 1) бо́льшій или меньшій приростъ сельскаго пролетаріата въ той или другой мѣстности и 2) главныя причины, вліяющія на обезземеленье крестьянъ.

Соотвѣтственно этимъ даннымъ можно было бы и принять мѣры противъ дальнѣйшаго разстройства: 1) по облегченію поземельныхъ сборовъ въ одной полосѣ и 2) по содѣйствію къ пріобрѣтенію земель крестьянами или къ переселенію—въ другой.

IX.

Малоземелье въ крестьянскомъ быту.

Постепенное стѣсненіе сельскаго хозяйства вслѣдствіе измельченія поземельной собственности есть общій законъ всѣхъ населенныхъ странъ, и такъ какъ это явленіе неизбѣжно представляется при естественномъ приращеніи народонаселенія, то его надо заранѣе предусматривать и принимать такія мѣры, которыя бы также постоянно ему противодѣйствовали или, по крайней мѣрѣ, по возможности оослабляли бы вредное его вліяніе на благосостояніе народа.

Изъ этого слѣдуетъ, что всякія попытки устроить землевладѣніе посредствомъ единовременныхъ мѣропріятій, положеній и уставовъ, какъ бы они ни были гуманны и либеральны, не достигаютъ своей цѣли, если цѣлью предполагается прочное обезпеченіе и улучшеніе народнаго быта. Рядомъ съ ними надо еще установить такіе законы или правила, которые служили бы регуляторами землевладѣнія и исправляли постепенно тѣ неровности, которыя неминуемо оказываются въ отношеніяхъ людей къ землѣ.

Въ этомъ отношеніи, какъ намъ кажется, ошибаются и тѣ строгіе судьи, которые упрекаютъ крестьянскія положенія

1861 г. въ несоблюденіи выгодъ крестьянъ, и тѣ устроители народнаго быта, которые предлагаютъ свои соображенія для упроченія ихъ быта. Предположенія ихъ, еслибъ и осуществились, оказались бы вѣроятно чрезъ 20 лѣтъ такъ же неудовлетворительными и несоразмѣрными съ народными нуждами, по той простой причинѣ, что никакое законоположеніе не можетъ слѣдить за развитіемъ и постояннымъ измѣненіемъ этихъ нуждъ. Но главный порокъ всѣхъ сужденій объ этомъ предметѣ состоитъ въ томъ, что они отправляются для опредѣленія достаточности или недостатка земли отъ такого исходнаго предположенія, которое не имѣетъ точнаго смысла и опредѣляется только общими выраженіями, что крестьянскіе надѣлы должны служить для обезпеченія быта и исправленія повинностей сельскихъ сословій.

Эти слова, какъ извѣстно, вошли во всѣ положенія и уставы о крестьянскомъ землевладѣніи до положеній 1861 года включительно, и многіе современные экономисты принимаютъ ихъ тоже въ основаніе своихъ соображеній; но что̀ разумѣется подъ словами—крестьянинъ—крестьянскій надѣлъ—обезпеченіе быта—исправленіе повинностей, это остается открытымъ вопросомъ, который разрѣшается каждымъ по-своему и бо̀льшею частію по предвзятымъ идеямъ и тенденціямъ.

Съ этой точки зрѣнія вопросъ намъ кажется положительно неразрѣшимымъ: если задача состоитъ въ томъ, чтобы земледѣлецъ изъ собственной запашки покрывалъ не только свои домашніе расходы, что̀ отчасти еще зависитъ отъ его распоряженія, но и подати или повинности, которыя налагаются на него безъ его вѣдома, то размѣръ надѣла останется всегда загадочной, неуловимой величиной.

Бытъ всякаго народа усложняется по мѣрѣ его просвѣ-

щенія, налоги также возвышаются по той же прогрессіи. Какъ не грубъ и простъ образъ жизни нашего простолюдина, но въ одеждѣ, обуви, въ домашней обстановкѣ происходитъ постоянное улучшеніе, которое отзывается въ хозяйствѣ излишними противъ прежняго расходами. Такимъ образомъ, принимая въ основаніе крестьянскихъ надѣловъ обезпеченіе быта и исправленіе повинностей, мы принимаемъ двѣ мѣры постоянно увеличивающіяся, и чтобы слѣдить за ними надо предположить, что въ данной мѣстности будетъ всегда достаточно земли для покрытія возростающихъ нуждъ приростающаго населенія.

Но аргументація эта приводитъ къ другому еще болѣе несообразному заключенію: такъ какъ доходность земли уменьшается по мѣрѣ суровости климата и недоброкачественности почвы, то въ сѣверной полосѣ и нехлѣбородныхъ мѣстностяхъ надо полагать и наибольшіе надѣлы, и, доходя такимъ образомъ до тощихъ почвъ сѣверной и западной полосы, пришлось бы отводить земледѣльцамъ большія пространства безплодныхъ земель, которыя негодны для хлѣбопашества. Такъ оно и вышло по положенію 1861 г.; въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ губерніяхъ съ цѣлью обезпеченія быта отведены крестьянамъ широкіе надѣлы изъ неудобныхъ земель, гдѣ трудъ земледѣльца непроизводителенъ.

Поэтому мы думаемъ, что для сужденія о бо́льшемъ или меньшемъ достаткѣ земель нужно искать другое основаніе, и такое, которое хотя бы приблизительно представляло какую-либо опредѣленную величину, ибо дѣлать такія измѣренія посредствомъ произвольно взятой мѣры—значитъ вводить въ область народнаго хозяйства смуту и недоразумѣнія.

Крестьянство, по общепринятому понятію, означаетъ на Руси состояніе земледѣльца, самостоятельно живущаго на

своемъ хозяйствѣ, и типомъ крестьянскаго владѣнія можно признать такое хозяйство, гдѣ домохозяинъ съ своими домочадцами самъ обработываетъ свои земли. При этомъ, разумѣется, желательно, чтобы земли было въ его распоряженіи столько, сколько нужно для его пропитанія; но такое полное соотношеніе между рабочими силами и размѣромъ владѣнія рѣдко осуществляется и никогда не можетъ быть установлено совершенно прочно даже для отдѣльнаго хозяйства, потому что въ одной и той же семьѣ рабочая сила измѣняется по возрасту родителей и дѣтей; при большомъ числѣ малолѣтнихъ нерабочихъ душъ крестьянинъ нуждается для пропитанія въ бóльшемъ количествѣ земли, чѣмъ можетъ обработать, и, наоборотъ, когда дѣти подростаютъ, отецъ семейства располагаетъ бóльшими рабочими силами, чѣмъ можетъ употребить ихъ въ своемъ хозяйствѣ.

Эти-то колебанія, независимо отъ другихъ причинъ, составляютъ главную заботу въ крестьянскомъ быту; пропорція между рабочей силой и размѣромъ владѣнія постоянно измѣняется и рѣдко достигаетъ желанной соразмѣрности. Но если вышеприведенное положеніе вѣрно, если отличительный признакъ крестьянскаго хозяйства тотъ, что хозяинъ самъ обработываетъ свою землю, то долженъ быть и предѣлъ такого владѣнія, выше коего земледѣлецъ не осиливаетъ работу и обращается къ другимъ средствамъ эксплоатаціи, нанимаетъ рабочихъ или сдаетъ излишекъ земли въ аренду. Въ такомъ случаѣ крестьянское владѣніе болѣе или менѣе утрачиваетъ свой характеръ, владѣлецъ является нанимателемъ, распорядителемъ работъ или сдатчикомъ земли, которая эксплоатируется другими.

Такъ, мы видимъ, что во многихъ европейскихъ странахъ и на западныхъ окраинахъ Россіи бóльшая часть

крестьянскихъ хозяйствъ приняла уже характеръ наемной эксплоатаціи.

Voll-Bauern въ Германіи и остъ-зейскихъ провинціяхъ, такъ-называемые тяглые хозяева въ нашихъ западныхъ губерніяхъ составляютъ особый, высшій слой крестьянства, который отличается тѣмъ, что, по размѣрамъ своего владѣнія, не успѣваетъ обработать свои земли собственными силами, держитъ батраковъ, нанимаетъ поденьщиковъ или принимаетъ бобылей, огородниковъ (въ Литвѣ кутниковъ), которые платятъ имъ аренду или отработываютъ нѣсколько дней въ году въ видѣ барщины.

Такого рода хозяйства имѣютъ несомнѣнно большія преимущества передъ нашимъ великороссійскимъ надѣломъ въ отношеніи культуры, земледѣлія; но при этомъ надо непремѣнно предположить, что въ странѣ имѣется, кромѣ крестьянъ-собственниковъ, другой разрядъ сельскихъ жителей—безземельныхъ, предлагающихъ свои услуги; во всякомъ случаѣ крупные надѣлы могутъ быть воздѣлываемы только семьянистыми крестьянами, имѣющими во дворѣ нѣсколько полныхъ рабочихъ.

Какую же норму принять для высшаго предѣла крестьянскаго надѣла?

На этотъ вопросъ можно отвѣчать только по опыту и по указанію на факты. Въ сочиненіи моемъ „о землевладѣніи“ (Глава XIII) я привелъ примѣры изъ Германіи, гдѣ такъ-называемыя полныя хозяйства (Spannfahige Bauernstellen) считаются около 10—15 дес., въ остъ-зейскихъ губерніяхъ профессоръ Миттендорфъ, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ прибалтійскаго хозяйства, показываетъ, что фермы въ 8—12 дес. обработываются обыкновенно самими хозяевами, но что при большомъ размѣрѣ—15—20 и до 30 десят. нужна помощь одного или двухъ батраковъ. Въ Литвѣ и сѣверо-западномъ краѣ

полный надѣлъ въ имѣніяхъ, гдѣ была произведена такъ-называемая люстрація, въ сороковыхъ годахъ, тяглые хозяева надѣлены бóльшею частію одной уволокой, около 20 десят., и большая часть такихъ хозяевъ держитъ по 1 батраку въ домѣ на годовомъ жалованьи или принимаетъ на свой участокъ односельцевъ, обязывая ихъ работать на него по нѣсколько дней въ году; сами домохозяева рѣдко выходятъ на полевыя работы, развѣ только на посѣвъ, сѣнокосъ, уборку хлѣба; старшая баба-хозяйка никогда не работаетъ въ полѣ и справляетъ только домашнія работы.

Всѣ эти указанія приводятъ насъ къ заключенію, что и въ великороссійскихъ губерніяхъ можетъ быть опредѣлена норма крестьянскихъ надѣловъ и найденъ критерій для сужденій о малоземельи.

Въ русскомъ крестьянскомъ быту мѣриломъ и регуляторомъ землевладѣнія служитъ искони рабочая сила; она называется тягломъ и означаетъ ту единицу, по которой разверстываются земли и оклады между односельцами; такой единицей признается крестьянинъ рабочаго возраста съ своей бабой.

Вмѣсто „тягла“ крестьяне принимаютъ иногда другой счетъ „по душамъ“, и въ новѣйшее время, послѣ положенія 1861 г., это послѣднее выраженіе стало болѣе употребительно; но подъ нимъ разумѣется не ревизская душа, не наличное число лицъ въ семействѣ, а тоже, какъ и тягло, мѣра для означенія долей, причитающихся одному рабочему мужику изъ общихъ угодій.

Такимъ образомъ простой, но здравый смыслъ народа уже издавна признаетъ, что рабочая сила — единственный признакъ, по которому можно измѣрять владѣніе крестьянина.

Сельское общество, при мірскихъ своихъ раскладкахъ, не спрашиваетъ—сколько душъ въ семьѣ, сколько требуется земли для пропитанія, но справляется только о числѣ рабочихъ, потому что отъ этого зависитъ дѣйствительное владѣніе, эксплоатація, и сколько бы ни было отведено земли на дворъ, она не принесетъ пользы, если не соотвѣтствуетъ числу рабочихъ душъ во дворѣ.

Этотъ же народный, общепринятый счетъ можетъ, какъ намъ кажется, служить руководствомъ для опредѣленія достаточности или недостатка земли; но выводы изъ него будутъ совершенно противоположные тѣмъ, которые выходятъ изъ соображеній объ обеспеченіи быта: пропорція надѣла будетъ обратная. Въ южныхъ и черноземныхъ губерніяхъ при умѣренномъ климатѣ и на легкихъ почвахъ крестьянинъ успѣваетъ посѣять и убрать болѣе, чѣмъ нужно на пропитаніе; въ сѣверныхъ, нехлѣбородныхъ, гдѣ рабочая пора короче, гдѣ почва грубѣе, для продовольствія и содержанія требуется болѣе земли, чѣмъ рабочій можетъ обработать. Это различіе отношеній становится все болѣе чувствительно, чѣмъ дальше расходятся мѣстности—однѣ на югъ, другія—на сѣверъ.

Житель тверской, новгородской, псковской губерній (не говоря о крайнемъ сѣверѣ), прикованъ во все лѣто къ полевымъ работамъ на своей землѣ, работы эти слѣдуютъ одна за другой безъ перерыва, безъ отдыха съ ранней весны до осеннихъ заморозковъ: начиная посѣвъ раннихъ яровыхъ (гороха, овса) въ концѣ апрѣля, онъ оканчиваетъ обработку ярового поля не ранѣе половины мая; затѣмъ приступаетъ немедленно къ вывозкѣ и запахиванію навоза; съ Иванова или Петрова дней принимается за сѣнокосъ, который въ сѣверныхъ, влажныхъ мѣстностяхъ, представляетъ такія трудности, о какихъ жители черноземныхъ и степ-

ныхъ губерній не имѣютъ и понятія: такъ на одну десятину, для просушки и уборки сѣна, выходитъ втрое болѣе рабочихъ дней, чѣмъ въ степяхъ и поляхъ южной полосы.

По окончаніи покосовъ, а если они затянулись по дурной погодѣ, то и передъ ихъ концомъ, надо двоить паръ, жать рожь, потомъ сѣять озимый хлѣбъ и убирать яровой, что продолжается до конца августа или начала сентября. Если у хозяина посѣянъ ленъ, то мочка и сушка его продолжаются до конца сентября, доходя вплоть до заморозковъ и распутицы, которые прекращаютъ всѣ полевыя работы около Покрова (1 октября).

Какъ бы надѣлъ не былъ малъ, одинокій мужикъ, въ рабочую пору, не можетъ отойти изъ дома безъ большого изъяна для хлѣбопашества, потому что между самонужнѣйшими работами не остается достаточнаго промежутка, чтобы онъ могъ искать другихъ промысловъ. Правда, многіе крестьяне ярославской, владимірской, калужской губерній, несмотря на это отлучаются изъ своихъ селеній почти на все лѣто, оставляя поля на попеченіе бабъ и дѣтей; но эти крестьяне—не хлѣбопашцы; дурное качество почвы, равно какъ и близость столицъ и промышленныхъ центровъ ставитъ ихъ въ исключительное положеніе.

Жители черноземной полосы находятся въ совершенно другихъ условіяхъ. Для примѣра мы возьмемъ группу губерній: тамбовской, воронежской, саратовской. Здѣсь весна открывается въ мартѣ, яровые посѣвы начинаются и большею частію (кромѣ проса и гречи) кончаются въ апрѣлѣ. Затѣмъ май и іюнь остаются почти свободными; навозницы, этой тяжкой работы сѣверныхъ губерній, здѣсь не знаютъ; луговъ нѣтъ, гдѣ они по планамъ и значатся—всѣ распаханы; взметавши паръ и сборонивши его бороной привя-

занной къ поясу, мужикъ на своихъ поляхъ не имѣетъ работы до уборки ржи и двоенія пара, т.-е. до іюля.

Полотье яровыхъ, бахчей, проса, и т. п. — бабья работа; хозяинъ, если онъ трудолюбивъ, въ это время нанимается въ извозъ, отходитъ на косовицу въ степныя губерніи, подряжается на разныя сельскія работы у купцовъ и помѣщиковъ. Далѣе наступаетъ уже дѣйствительно рабочая страда—уборка хлѣбовъ, посѣвъ озимей, но опять въ условіяхъ несравненно болѣе легкихъ, чѣмъ въ навозной полосѣ. Хлѣба у крестьянина родится больше и уборка его легче, чѣмъ на влажныхъ и болотистыхъ почвахъ. Тоже самое можно замѣтить и о сѣнокосахъ, гдѣ они есть; просушка сѣна въ тамбовской или воронежской губерніяхъ почти мгновенная, трава, скошенная на зарѣ, къ вечеру вянетъ и высыхаетъ въ прокосахъ, между тѣмъ какъ въ новгородской или псковской губер. работа эта продолжается при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ нѣсколько дней.

Наконецъ осеннее время оставляетъ также много досуга крестьянамъ для постороннихъ работъ, и такъ какъ въ сѣверной полосѣ всякія сообщенія и полевыя работы уже прекращаются, въ южной—пахота, подвозы еще продолжаются до ноября.

Изъ выше приведенныхъ соображеній мы заключаемъ, что норма надѣла можетъ быть больше въ южныхъ и степныхъ губерніяхъ, меньше въ центральныхъ, и еще меньше въ сѣверныхъ, что при этомъ надо вовсе откинуть соображеніе о продовольствіи и опредѣлять достаточность или недостатокъ надѣловъ не по пространству нужному для пропитанія, а по площади соотвѣтствующей рабочей силѣ земледѣльца.

Нѣмецкіе экономисты называютъ первое—Nahrungs-flache, второе—Arbeits-flache и разсчитываютъ, что въ западной

Европѣ первая (рабочая площадь) больше второй (площади пропитанія); такая же пропорція можетъ быть принята и въ нашихъ хлѣбородныхъ губерніяхъ. Но она будетъ обратная на тощихъ почвахъ и въ суровомъ климатѣ сѣверныхъ и нѣкоторыхъ западныхъ губерній, гдѣ продовольствіе не можетъ быть обеспечено трудомъ земледѣльца.

Но здѣсь представляется одно очень важное соображеніе—что разумѣть подъ словомъ трудъ земледѣльца, какъ разсчитывать его работу—такъ-ли, какъ она производится нынѣ по существующимъ обычаямъ и порядкамъ полеводства, хотя бы грубо и небрежно, или—какъ она должна быть производима по правиламъ сельскаго хозяйства.

Поземельное положеніе, говорятъ иные, должно соображаться съ состояніемъ культуры, не забѣгая впередъ, и такъ какъ извѣстно, что русскіе крестьяне почти нигдѣ не довольствуются своими угодьями, постоянно снимаютъ и пашутъ чужія земли, то это доказываетъ, что у нихъ есть излишекъ рабочихъ силъ и недостатокъ земли. Придерживаясь, по этому предположенію, нынѣшнихъ системъ хозяйства слѣдовало бы въ степной полосѣ, гдѣ еще ведется залежное земледѣліе, отводить поселенцамъ столько земли, сколько нужно, чтобы продолжать эту культуру изъ года въ годъ, т.-е. залужая пашни по 6—10 лѣтъ; въ лѣсистыхъ губерніяхъ, гдѣ еще существуетъ лядинное и лѣсоподпольное хозяйство, слѣдовало бы на томъ же основаніи допустить періодическую рубку лѣса на столько лѣтъ (15—20), сколько нужно для обновленія лѣсной поросли.

Въ такомъ случаѣ дѣйствительно рабочая площадь можетъ быть расширена до большихъ размѣровъ, и этотъ фальшивый разсчетъ и берется у насъ обыкновенно въ основаніе сужденій о недостаткѣ земли и жалобъ самихъ крестьянъ на стесненіе: если пахать мелко и боронить широко,

съ бороону привязанною къ поясу, не полоть яровыхъ всходовъ на черноземѣ, не расчищать покосовъ въ сѣверной полосѣ, сѣять всякій хлѣбъ прямо въ борозду, оставлять траву и хлѣбъ на корню, покуда первая завянетъ а хлѣбъ осыплется, если однимъ словомъ, вести земледѣліе, какъ ведетъ его большая часть нашихъ крестьянъ, то рабочій можетъ несомнѣнно осилить большое пространство. Но при порядочномъ хозяйствѣ главныя земледѣльческія работы имѣютъ опредѣленные сроки и могутъ быть почти всѣ разсчитаны по дневнымъ урокамъ: всякому хозяину извѣстно, что на пахоту 1 десят. нужно 2 — 3 дня, на сѣнокосъ столько же лѣтнихъ дней, на жатье при среднемъ урожаѣ 8—10 бабъ или 2—3 косца и т. д. Поэтому и пропорція—сколько одинъ земледѣлецъ при порядочной обработкѣ можетъ воздѣлать земли—опредѣляется довольно точно, и только такая пропорція и можетъ служить руководствомъ для сужденій о достаточности крестьянскихъ надѣловъ.

Пропорція эта, разумѣется, будетъ различна по разнымъ полосамъ и климатамъ, и мы не полагаемъ, чтобы она могла быть выведена какъ абсолютное отношеніе, но мѣстныя изысканія могутъ опредѣлить ее довольно точно и дойти такимъ обраломъ до приблизительнаго опредѣленія нормальнаго надѣла одного рабочаго крестьянина.

Если въ Литвѣ и Остъ-зейскихъ провинціяхъ полное тягловое хозяйство считается въ 15—20 десят. и что при такомъ размѣрѣ домохозяинъ принужденъ держать батрака, то мы полагаемъ, что въ русскихъ центральныхъ губерніяхъ можетъ быть принята скорѣе нѣсколько нисшая, чѣмъ высшая норма, такъ какъ въ великороссійскихъ губерніяхъ у крестьянъ нѣтъ этого рессурса—найма батраковъ и что всѣ работы они производятъ своими семейными силами.

Если считать во дворѣ по средней сложности $1^1/_2$ рабочихъ мужика и 3 ревизскихъ души, то поэтому приходилось бы какъ нормальный или высшій надѣлъ на рабочаго—10—13 десят. и на душу 5—$6^3/_4$ десятинъ.

Пропорцію эту слѣдовало бы нѣсколько уменьшить въ сѣверныхъ губерніяхъ и увеличить въ южныхъ.

Предлагая эти основанія для разсчета крестьянскихъ надѣловъ, мы вовсе не думаемъ, что бы можно было подводить ихъ дѣйствительно на практикѣ подъ такую общую мѣру. Мы хотѣли бы только найти признаки, основанія для сужденій о много-и малоземельи, которые, состовляютъ предметъ безконечныхъ и большею частью голословныхъ сужденій. Сужденія эти вращаются и будутъ и впредь вращаться въ безвыходномъ кругѣ, покуда мы будемъ задаваться мыслью очень гуманной, но вовсе не практичной—согласить два элемента, постоянно расходящіеся въ сельскомъ быту,—рабочія силы земледѣльца съ его семейными нуждами.

Это соглашеніе достигается такъ рѣдко, что не можетъ служить никакимъ основаніемъ и во всякой группѣ сельскихъ жителей окажется всегда много хозяевъ, имѣющихъ болѣе нуждъ, чѣмъ рабочихъ силъ, или, наоборотъ, болѣе работниковъ, чѣмъ земли, имъ отведенной; поэтому чтобы придти къ какимъ либо основательнымъ соображеніямъ, нужно выбрать одно изъ двухъ вышеупомянутыхъ основаній: если поземельное положеніе должно обеспечить бытъ народа, нужды потребителей, то нормы надѣла нельзя установить и надо ее расширять безпредѣльно въ обратной прогрессіи къ плодородію почвы, суровости климата.

Если же основаніемъ признается рабочая сила произ-

водителей, то аграрное законодательство можетъ имѣть только одну опредѣленную и ограниченную цѣль: обезпечить земледѣльцу такое владѣніе, какое соотвѣтствуетъ его рабочей силѣ.

При этомъ надо также сообразить, что работа земледѣльца не распространяется на цѣлый годъ, какъ трудъ фабричнаго рабочаго или наемнаго служителя, что она обусловливается климатомъ, временами года, и подвержена въ особенности въ сѣверныхъ краяхъ перерывамъ, продолжающимся большую часть года.

Въ эти перерывы единственное примѣненіе труда крестьянъ можетъ быть сдѣлано только къ постороннимъ заработкамъ, промысламъ, наймамъ. Если же стремиться къ тому, чтобы все населеніе было пріурочено къ земледѣлію, то это значитъ подрывать всякіе другіе промыслы и сокращать на цѣлую половину производительность страны и народа.

X.

Объ улучшеніи сельскаго хозяйства въ Россіи.

Улучшеніе сельскаго хозяйства вполнѣ зависитъ отъ двухъ условій—просвѣщенія народныхъ массъ и улучшенія матеріальныхъ ихъ средствъ, и вопросъ въ томъ: можетъ ли быть одно изъ этихъ условій предпочтено и предпослано другому, или они должны развиваться совмѣстно и одновременно?

Вопросъ этотъ обыкновенно разрѣшается въ первомъ смыслѣ, что образованіемъ народа обусловливается и усовершенствованіе культуръ и улучшеніе его хозяйственнаго быта вообще. Покуда народныя массы, говорятъ многіе, коснѣютъ въ невѣжествѣ, не сознаютъ пользъ и выгодъ раціональнаго хлѣбопашества, улучшенныхъ орудій, до тѣхъ поръ хозяйство ихъ не можетъ исправиться и всѣ старанія къ лучшему устройству ихъ быта окажутся безполезными затратами.

Но такое воззрѣніе едвали справедливо и можно повернуть эту тему обратно и спросить: не задерживается ли улучшеніе сельскаго хозяйства, переходъ къ лучшимъ

порядкамъ полеводства и орудіямъ недостаткомъ матеріальныхъ средствъ и естественными препятствіями, возникающими изъ природы и силы вещей?

Эту сторону вопроса надо разсмотрѣть внимательно.

Сколько намъ случалось видѣть, польза улучшенной агрономіи, травосѣянія, плодоперемѣннаго хозяйства, преимущество плуга передъ сохой, желѣзной бороны передъ деревянной признаются всѣми, но приспособленіе этихъ улучшеній встрѣчаетъ трудности, почти непреодолимыя для бѣдныхъ хозяевъ въ Россіи.

Эти затрудненія, какъ намъ кажется, недостаточно оцѣнены и обыкновенно пропускаются или умалчиваются при сужденіяхъ о низкомъ уровнѣ нашего земледѣлія.

Такъ, напримѣръ, слышны постоянные отзывы, что упадокъ хозяйства слѣдуетъ приписать недостатку корма для скота и что единственное средство для пополненія этого недостатка было бы травосѣяніе. Дѣйствительно, въ центральныхъ, нечерноземныхъ губерніяхъ, травосѣяніе можно признать лучшей системой хозяйства, но переходъ къ ней не такъ легокъ, какъ думаютъ. Если онъ состоитъ только въ томъ, чтобы передѣлить три поля на четыре, какъ это часто предполагается, то это едвали будетъ прочное улучшеніе; клеверъ и другія травы той же породы быстро вырождаются, если сѣять ихъ на однихъ мѣстахъ, и опытомъ дознано, особенно въ Германіи, что эти посѣвы, возвращаясь слишкомъ часто (чаще 7—8 лѣтъ), даютъ скудные урожаи. Поэтому для травосѣянія нуженъ многолѣтній сѣвооборотъ, а разбивка трехпольной запашки на 7—8 клиньевъ причиняетъ непремѣнно въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ чувствительное разстройство и вызываетъ уменьшеніе посѣва и урожая зерновыхъ хлѣбовъ. Такимъ образомъ крестьяне этой полосы, постоянно и нынѣ прикупающіе хлѣбъ,

должны бы, въ виду будущихъ благъ, сократить свои хлѣбные посѣвы на переходное время и стѣснить хотя и временно свое продовольствіе.

Это большое затрудненіе, но оно не главное. Самая трудная задача при травосѣяніи—добыча сѣмянъ. Клеверъ, какъ извѣстно, спѣетъ очень медленно и туго; при густомъ ростѣ онъ ложится и въ сѣмя нейдетъ, при уборкѣ и молотьбѣ требуетъ тщательнаго ухода, просушки и большой работы: все это стѣсняетъ добываніе сѣмянъ и дѣлаетъ изъ нихъ очень дорогой продуктъ. Въ Россіи этихъ сѣмянъ въ торговлѣ вовсе нѣтъ, за исключеніемъ столицъ и немногихъ городовъ, гдѣ они продаются въ сѣмянныхъ магазинахъ по неприступной цѣнѣ.

Такимъ образомъ травосѣяніе составляетъ переходъ очень трудный и дорогой, даже и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ отъ него можно ожидать пользы, и неудивительно, что крестьяне не рѣшаются на такія затраты.

Въ черноземныхъ и степныхъ губерніяхъ вопросъ этотъ еще сложнѣе: клеверъ, какъ и всякіе другіе злаки, требуетъ большой влажности въ почвѣ и атмосферѣ; они всего лучше удаются въ приморскихъ краяхъ, питаясь солеными испареніями и всего хуже въ сухихъ, континентальныхъ климатахъ, каковъ нашъ въ юго-восточной Россіи. Сколько мнѣ случалось видѣть, на черноземѣ тимофѣевка родится плохо, клеверъ еще хуже; люцерна, эспарцетъ еще мало извѣстны, и опыты, производимые надъ этими посѣвами, еще не привели къ удовлетворительному результату. Такимъ образомъ травосѣяніе въ этихъ краяхъ, по чрезмѣрной сухости климата и рыхлости почвы, едва-ли примѣнимо, и если требуется усилить кормъ для скота, то надо найти и ввести другія культуры, кромѣ луговодства, взамѣнъ травы и сѣна.

Такими культурами могутъ быть корнеплодные—картофель, сахарная свекловица и кормовая, турнипсъ или полевая рѣпа и другія. Введеніе ихъ въ сѣвооборотъ намъ кажется условіемъ sine qua non успѣха нашего сельскаго хозяйства; но это введеніе требуетъ многихъ соображеній, независимыхъ отъ самихъ земледѣльцевъ, которыя могутъ быть разрѣшены только правительственными распоряженіями и общей экономической политикой.

Главное значеніе корнеплодныхъ, какъ извѣстно, заключается въ томъ, что они, требуя тщательнаго ухода, полотья, пропашки, разрыхляютъ грубыя пашни, расчищаютъ сорныя почвы и такимъ образомъ подготовляютъ землю подъ другіе посѣвы; кромѣ того, они даютъ въ натуральномъ своемъ видѣ пищу для людей, затѣмъ въ передѣлкѣ—разные продукты наибольшаго потребленія: спиртъ, крахмалъ, сахаръ; наконецъ, самая важная ихъ польза та, что и послѣ выдѣлки вина и сахара отъ нихъ остаются обильные запасы самыхъ питательныхъ веществъ: барда, мезга или жомъ, рѣзка и т. п.

Эти выгоды такъ значительны, что можно положительно признать, что никакія другія культуры не могутъ замѣнить корнеплодныхъ въ земледѣліи, и что безъ нихъ немыслимо никакое правильное плодопеременное хозяйство. Но и тутъ представляются большія затрудненія: ни картофель, ни свекла не выдерживаютъ долгаго храненія и дальней перевозки; такъ какъ они поспѣваютъ и собираются позже другихъ хлѣбовъ, осенью, то доставка ихъ на дальніе рынки затруднительна, а въ морозъ невозможна; поэтому для развитія этихъ культуръ нужно, чтобы сбытъ ихъ былъ обезпеченъ на мѣстахъ. Хотя часть этихъ продуктовъ, въ особенности картофеля, идетъ на пищу людей, но главная ихъ выгода оказывается при выдѣлкѣ изъ карто-

феля спирта и изъ свеклы сахара, потому что при этомъ добывается двойной продуктъ,—одинъ для продажи, другой для мѣстнаго употребленія, для корма скота. Изъ этого слѣдуетъ, что развитіе этой отрасли земледѣлія прямо зависитъ отъ распродажи сырыхъ продуктовъ на мѣстѣ ихъ производства и—что еще важнѣе—отъ размѣщенія винокуренныхъ, свеклосахарныхъ и крахмальныхъ заводовъ, а такъ какъ это опять зависитъ отъ правилъ акцизнаго управленія, то вопросъ сводится къ тому, что для разведенія корнеплодныхъ требуются радикальныя измѣненія въ нашемъ фискально-акцизномъ управленіи.

Всѣмъ извѣстно, какія измѣненія желательны: чѣмъ больше будетъ мелкихъ заводовъ, тѣмъ дѣйствительнѣе будетъ ихъ польза для мѣстнаго населенія и сельскаго хозяйства; чѣмъ болѣе будетъ выкуриваться картофеля вмѣсто хлѣба, тѣмъ болѣе будетъ оставаться запаса для народнаго продовольствія. Картофель и свекла не стѣсняютъ производства хлѣбовъ, потому что сѣются въ яровыхъ поляхъ, а главные зерновые хлѣба, рожь и пшеница—въ озимыхъ. Такъ какъ ржи и другихъ хлѣбовъ нынѣ выкуривается около 34-ти мил. пудовъ, т.-е. отъ 5—6 мил. четв. то замѣна ржи картофелемъ въ винокуреніи сберегла-бы все это количество для пищи. Эти соображенія были такъ часто и утвердительно высказаны, что мы не считаемъ нужнымъ на нихъ настаивать, но повторяемъ, что въ этомъ дѣлѣ, какъ и во многихъ другихъ, упадокъ и застой нашего сельскаго хозяйства не могутъ быть исключительно приписаны грубости культуры, но отчасти проистекаютъ изъ общей системы нашего фискально-финансоваго управленія, которая не соображена съ хозяйственными интересами.

Все, что сказано здѣсь объ улучшенныхъ культурахъ, относится и къ улучшенію земледѣльческихъ орудій. Вве-

деніе ихъ затрудняется не столько закоснѣлостью, рутинными привычками или предразсудками землевладѣльцевъ, сколько невозможностію доставать даже самыя простыя орудія или чинить ихъ въ случаѣ надобности. По крайней мѣрѣ эти двѣ причины дѣйствуютъ равносильно; почти во всякомъ околоткѣ, въ деревнѣ или волости найдется нѣсколько лицъ, которыя готовы были бы завести хорошій плугъ, желѣзную борону, еслибъ только знали, гдѣ ихъ можно заказать и купить; разумѣется, что эти болѣе смышленые владѣльцы и крестьяне составляютъ еще до сихъ поръ въ нашихъ сельскихъ сословіяхъ самое ничтожное меньшинство, но отъ ихъ примѣра зависитъ весь дальнѣйшіи прогрессъ нашего земледѣлія.

Образцовымъ хозяйствамъ въ казенныхъ или общественныхъ фермахъ и училищахъ, или даже въ имѣніяхъ крупныхъ и богатыхъ землевладѣльцевъ, нашъ крестьянинъ не довѣряетъ, и онъ отчасти правъ, такъ какъ многія изъ нихъ ведутся въ убытокъ; примѣръ одного мелкаго владѣльца или крестьянина дѣйствуетъ на смежныхъ жителей и односельцевъ сильнѣе всякихъ наставленій, и если одинъ домохозяинъ завелъ и испробовалъ орудіе и оно оказалось не слишкомъ дорого и грузно, то можно ожидать, что при первой возможности и другіе односельцы послѣдуютъ его примѣру.

Но здѣсь надо тоже различить разныя мѣстныя потребности и условія и обратить наибольшее вниманіе на тѣ орудія, которыя составляютъ общую потребность сельскихъ хозяевъ всѣхъ сословій, всего нашего земледѣлія.

Сѣнокосильныя и жатвенныя машины, сѣноворошилки, экстирпаторы, паровыя молотилки, рядовыя сѣялки, конныя грабли составляютъ, можно сказать, высшій разрядъ земледѣльческихъ орудій, необходимыхъ въ крупныхъ хозяй-

ствахъ, но недоступныхъ для мелкихъ; но для всѣхъ земледѣльцевъ безъ исключенія требуются плуги и сохи, бороны, катки, и выдѣлка ихъ безспорно принадлежитъ къ числу предметовъ попеченія тѣхъ управленій, которымъ поручено поощреніе сельскаго хозяйства. Съ этого надо бы начать.

Въ музеяхъ, на выставкахъ, въ столичныхъ и заграничныхъ магазинахъ предлагаются публикѣ такіе разнообразные сортименты всевозможныхъ машинъ, орудій, посуды, что неопытный покупатель невольно затрудняется выборомъ и впадаетъ очень часто въ грубыя ошибки, пріобрѣтая для распашки цѣлины такой плугъ, который изобрѣтенъ въ Англіи или Германіи для пахоты мягкихъ и песчаныхъ почвъ; вотъ почему сортировкой орудій и примѣненіемъ ихъ къ разнымъ условіямъ нашего хлѣбопашества надо бы заняться прежде всего и, выбравъ главные типы для разныхъ полосъ Россіи, устроить на счетъ казны или земства заведенія для выдѣлки машинъ — и продажи ихъ, предложить ихъ покупателямъ по уменьшенной цѣнѣ, облегчить заказы и доставку ихъ, и вообще поощрить ихъ выдѣлку и сбытъ.

Я полагаю даже, что было бы нетрудно устроить на счетъ правительства или земства въ главныхъ земледѣльческихъ пунктахъ мастерскія для постройки таковыхъ орудій, и чтобы предположеніе это не показалось голословнымъ проэктомъ, я позволю себѣ привести слѣдующій примѣръ изъ моей личной практики.

Въ имѣніи моего покойнаго брата, Трубетчинѣ, въ Тамбовской губерніи, устроена была при сахарномъ заводѣ мастерская, которая, кромѣ обыкновенныхъ работъ по ремонту завода, занималась и постройкой земледѣльческихъ орудій для двухъ экономій, принадлежавшихъ

брату, одной въ Тамбовской, а другой въ Воронежской губ. Строились плуги, бороны, катки, рядовыя сѣялки, распашники, но особенное вниманіе обращено было на плугъ. Разныя модели, выписанныя изъ заграницы или пріобрѣтенныя въ московскихъ и петербургскихъ магазинахъ, оказались не вполнѣ удобными, и въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ производились разные опыты для приспособленія плуговъ къ мѣстнымъ условіямъ; наконецъ они доведены были до самой простой и прочной конструкціи, и въ этомъ видѣ употребляются уже около 10 лѣтъ въ двухъ большихъ экономіяхъ съ полнымъ успѣхомъ. Ими пашутъ на парѣ лошадей или двухъ парахъ воловъ на глубинѣ отъ 4 до 8 вершковъ какъ мягкія земли, такъ и залежи; они построены всѣ изъ желѣза. Другой сортъ той же конструкціи, но меньшихъ размѣровъ идетъ на 1 лошадь и на глубинѣ до 6 верш. и назначается преимущественно для крестьянъ, которые однако запрягаютъ въ него 2 лошади.

Сначала и нѣсколько лѣтъ сряду продажа плуговъ шла очень туго; покупали только немногіе землевладѣльцы, лично знакомые съ братомъ; но мало по малу они сдѣлались извѣстны, и крестьяне - пахари хвалили и рекомендовали ихъ помѣщикамъ, у коихъ они нанимались для пахоты; далѣе сами крестьяне убѣдились, что по свой прочности и удобству плугъ этотъ годенъ и для нихъ; заказы стали поступать въ такомъ числѣ, что мастерская, занятая заводскими и экономическими работами, нѣсколько стѣснялась ими.

Въ тоже время было замѣчено, что стоимость плуговъ не можетъ быть точно опредѣлена, покуда они строятся тѣми же мастеровыми, которые работаютъ на заводѣ или выдѣлываютъ и другія орудія; для упрощенія и удешевленія этого производства предложено было нѣсколькимъ

мастерамъ составить особую артель исключительно для постройки плуговъ по данымъ двумъ образцамъ.

Артель составилась изъ 2-хъ кузнецовъ, 3-хъ молотобойцевъ, 1-го слесаря и 1-го плотника, и они въ теченіи года сдѣлали 300 парныхъ и 65 одноконныхъ плуговъ.

Всѣхъ расходовъ было исчислено 5,247 р., и по приблизительной расцѣнкѣ пароконный плугъ стоитъ мастерской 15 р. 56 к., а одноконный 8 р. 93 коп.

Я привожу этотъ примѣръ для того только, чтобы указать, что, ограничиваясь умѣренными требованіями, выдѣлывая простыя, общеупотребительныя орудія и по нѣсколькимъ (двумъ, тремъ) образцамъ, наиболѣе приспособленнымъ къ мѣстному земледѣлію, можно значительно облегчить производство орудій. Если въ одномъ и томъ же заведеніи строить разныя машины, болѣе или менѣе сложной конструкціи, то такія предпріятія потребуютъ значительныхъ затратъ; если же ограничиться постройкой плуговъ, боронъ, катковъ, то простые кузнецы, набивъ себѣ руку, скоро дойдутъ до желаемаго совершенства и орудія обойдутся вдвое дешевле.

Это-то настоящее дѣло земства или тѣхъ правительственныхъ учрежденій, коимъ поручено содѣйствіе сельскому хозяйству. Ожидать отъ частныхъ лицъ инициативы по такимъ предпріятіямъ—ошибочно, потому что они сначала не окупаются, становятся въ убытокъ и начинаютъ давать прибыль послѣ нѣсколькихъ лѣтъ. Это—затрата извѣстнаго капитала для обще-полезнаго дѣла и поэтому должна быть признана дѣломъ общественнымъ.

Итакъ мы предполагаемъ три главныя условія для улучшенія земледѣлія въ Россіи: введеніе травосѣянія въ сѣверныхъ и западныхъ губерніяхъ, культуру корнеплодныхъ въ черноземной и южной полосѣ, и распространеніе

лучшихъ земледѣльческихъ орудій, приспособленныхъ по мѣстнымъ условіямъ хлѣбопашества.

Но каждое изъ этихъ предполагаемыхъ и желаемыхъ улучшеній встрѣчаетъ у насъ на практикѣ такія препятствія, какія не могутъ быть преодолѣны безъ содѣйствія земства и правительства.

Это содѣйствіе можетъ выразиться въ слѣдующихъ мѣропріятіяхъ:

1) Относительно сѣмянъ, необходимо, во-первыхъ, чтобы земскія управы опредѣлили, какія культуры заслуживаютъ въ данной мѣстности наиболѣе поощренія и во-вторыхъ, чтобы онѣ устроили запасы такихъ сѣмянъ, или въ видѣ складовъ отъ самого земства, или въ видѣ коммиссіонерствъ съ субсидіей отъ земства. — Устраивать же сѣмянную торговлю вообще для всякаго рода хлѣбовъ не дѣло земства, и мы разумѣемъ здѣсь только сѣмена тѣхъ продуктовъ, которыхъ нѣтъ въ торговлѣ, или которые достаются въ немногихъ совершенно неизвѣстныхъ пунктахъ. Сюда принадлежатъ сѣмена травъ, клевера и другихъ породъ, также разныхъ сортовъ свеклы, турнипса и проч., торговля коими сосредоточена въ Москвѣ, Кіевѣ, Харьковѣ и немногихъ губернскихъ городахъ, такъ что ихъ приходится для продажи пересылать изъ одного конца Россіи въ другіе, и для посѣва выписывать обратно по тѣмъ же трактамъ.

2) Для распространенія культуры корнеплодныхъ необходимы нѣкоторыя измѣненія акцизнаго положенія, преимущественно винокуреннаго, поощреніе мелкихъ, хозяйственныхъ производствъ и винокуренія изъ картофеля. — Въ настоящій моментъ такая реформа была бы особенно своевременна: при внезапномъ вздорожаніи хлѣбовъ въ настоящемъ году, выдѣлка спирта изъ ржи оказалась столь убыточной, что заводчики поневолѣ обратились къ картофелю

и запросъ на него къ осени такъ усилился, что нѣкоторые крестьяне доставляли картофель на разстояніи 40 — 50 верстъ, выручая изъ своихъ небольшихъ посѣвовъ всетаки большіе барыши.

Выгоды картофеля, какъ питательнаго продукта, очевидны; но онѣ еще болѣе значительны въ экономическомъ отношеніи, какъ продажная статья, при сбытѣ на винокурни и можно сказать, что никакая другая культура не дастъ земледѣльцу такихъ барышей, какъ картофель. Въ винокуреніе онъ принимается по вѣсу въ $^1/_3$ хлѣба, и поэтому можно предполагать, что нормальная его цѣна будетъ держаться соотвѣтственно цѣнамъ на хлѣбъ; если рожь стоитъ 5 — 6 рублей въ хлѣбородной полосѣ, 8 — 10 рублей въ нечерноземной, то заводчики будутъ охотно платить за картофель въ первой отъ $1^1/_2$ до 2 руб., во второй до $2^1/_2$ руб.—На этомъ основаніи можно разсчитать, что дастъ чистаго дохода 1 десятина картофеля въ сравненіи съ десятиною ржи: полагая среднііі урожай картофеля только самъ 5, около 60 четвер. съ десятины, и принимая нисшую цѣну $1^1/_2$ р., мы получимъ 90 руб.; вычитыя за обработку 30 р. получимъ чистаго дохода 60 р.

Рожь при такомъ же урожаѣ самъ 5 и при пропорціональной цѣнѣ (втрое большей) $4^1/_2$ р., дастъ 5 четв. на сумму 22 р. 50 коп., или, полагая высшую цѣну 6—7 р. за четверть,—30—45 р.; за вычетомъ на обработку 15 р. чистаго дохода останется отъ 7 р. 50 коп. до 20 рублей.

Но эти выгоды картофельной культуры прямо зависятъ отъ сбыта на винокурни, безъ этого цѣны не удержатся, храненіе картофеля, и неизбѣжная порча его при долгомъ храненіи затруднятъ производителей, и понизятъ цѣны и самыя выгоды производства.

Свекло-сахарная промышленность имѣетъ то же очень благодѣтельное вліяніе на земледѣліе и даетъ большіе заработки мѣстному населенію, какъ отъ поставки свеклы, такъ и отъ работъ на свекловичныхъ плантаціяхъ. Можно примѣрно считать, что отъ этихъ двухъ культуръ, картофеля и свекловицы, расходуется на заработки около 30 р. на десятину картофеля, и не менѣе 60 р. на десятину свеклы; причемъ главныя работы производятся во время свободное отъ другихъ полевыхъ работъ—полотье и прочистка въ концѣ мая и въ іюнѣ, между яровымъ посѣвомъ и сѣнокосомъ. Главная ихъ выгода, что онѣ даютъ заработки подросткамъ и даже малолѣтнимъ, которые на другіе работы не употребляются.

3) Третій предметъ, требующій особаго вниманія, это выдѣлка и удешевленіе земледѣльческихъ орудій. Устройство мастерскихъ въ нѣкоторыхъ центральныхъ губерніяхъ земледѣльческой полосы намъ кажется мѣрою не превышающею средствъ земства, если только они будутъ имѣть предметомъ выдѣлку простыхъ орудій, плуговъ, боронъ, катковъ, конныхъ молотилокъ; но при этомъ надо по возможности упростить производство, выбрать и испытать нѣсколько моделей, не болѣе двухъ - трехъ, сообразить въ каждой полосѣ, какая требуется конструкція плуговъ, боронъ по свойству почвы преобладающей въ мѣстности, и по глубинѣ пахоты, и строить ихъ по однимъ и тѣмъ же образцамъ, не гоняясь за разнообразіемъ и удовлетвореніемъ всякихъ заказовъ, такъ какъ отъ этого стоимость содержанія мастерской и всей фабрикаціи значительно и неизбѣжно возвысится.

Само собой разумѣется, что выше упомянутыми соображеніями не исчерпывается вопросъ объ улучшеніи сельскаго хозяйства. Мы приводимъ ихъ только въ подтвержденіе мнѣ-

нія, что успѣхъ земледѣлія въ Россіи не зависитъ безусловно отъ просвѣщенія народа, но болѣе отъ устраненія нѣкоторыхъ матеріальныхъ препятствій и недостатковъ, которые требуютъ инициативы земства и правительства.

Но для всякой разумной инициативы нужно ясное сознаніе цѣли и средствъ, и въ дѣлѣ сельскаго хозяйства надо остановиться на главныхъ предметахъ, не развлекаться побочными односторонними вопросами, не мечтать о всевозможныхъ улучшеніяхъ и нововведеніяхъ, а выбрать и преслѣдовать главныя.

Чтобы опредѣлить цѣль улучшеній нужно прежде опредѣлить, въ чемъ заключаются недостатки и пороки настоящей земледѣльческой культуры.

Здѣсь надо различить крестьянскія хозяйства отъ бывшихъ помѣщичьихъ.

Въ нечерноземной полосѣ эти послѣднія находятся въ такомъ же, если не худшемъ положеніи, чѣмъ крестьянскія и съ прекращеніемъ дарового крѣпостного труда прекратились и всѣ выгоды господскихъ запашекъ въ этой суровой странѣ. Такъ какъ крестьяне въ этой полосѣ унавоживаютъ свои поля и не продаютъ своего навоза, то удобреніе владѣльческихъ земель стѣсняется все болѣе и болѣе, господскія хозяйства упраздняются, и отрѣзныя земли и пустоши остававшіяся за надѣломъ во владѣніи помѣщиковъ, сдаются изъ году въ годъ въ арендное содержаніе и истощаются окончательно.

Крестьянскія хозяйства въ сѣверныхъ и западныхъ губерніяхъ находятся сравнительно въ лучшемъ положеніи; стѣсненіе ихъ и обѣднѣніе крестьянъ происходитъ отъ другихъ причинъ, отъ обремененія ихъ платежами и сборами; но собственно въ земледѣльческомъ отношеніи нельзя сказать, чтобы положеніе ихъ ухудшалось. Хлѣбопашество въ

этихъ краяхъ никогда не было и не будетъ выгоднымъ промысломъ, никогда не могло и не можетъ обезпечить быта народа; но съ освобожденіемъ крестьянъ открылись новые рессурсы, пользованіе помѣщичьими землями, которыя эксплуатируются крестьянами съ большими выгодами.

Здѣсь вопросъ объ улучшеніи быта обусловливается облегченіемъ платежей и развитіемъ промысловъ, а не улучшеніемъ земледѣлія, которое едва ли когда либо выйдетъ изъ своего стѣсненнаго положенія.

Въ черноземной и степной полосѣ вопросъ этотъ представляется совершенно иначе: вездѣ, гдѣ прилагался къ земледѣлію разумный трудъ и нужныя денежныя средства, хозяйства улучшаются; нѣкоторая часть прежнихъ помѣщичьихъ имѣній распродана для покрытія долговъ и эта часть, къ сожалѣнію, перешла въ руки купцовъ и аферистовъ, продолжающихъ на ней безразсудную культуру.—Но тѣ землевладѣльцы, которые сохраняютъ свои запашки и приложили свой личный трудъ и свои познанія къ сельскому хозяйству, тѣ извлекли положительно въ послѣдніе годы изъ своихъ имѣній такія выгоды, о коихъ они не мечтали во времена крѣпостного права.

Но во всей этой полосѣ крестьянскія земли видимо истощаются и это главная злоба дня.—Причины этого надо внимательно изслѣдовать.

Первая изъ нихъ, приводимая обыкновенно какъ безусловное объясненіе упадка нашего сельскаго хозяйства—есть недостатокъ удобренія, и это приписывается также безусловно вліянію общиннаго землевладѣнія.

Что неунавоживаніе крестьянскихъ полей есть главная причина оскудѣнія урожаевъ—это несомнѣнно; но чѣмъ, какими условіями оно затрудняется, и какимъ способомъ и

мѣрами можетъ быть исправленъ этотъ недостатокъ — это вопросъ очень сложный.

Для удобренія нужны подстилка и кормъ; на первую употребляется ржаная солома, на второй сѣно, яровая солома и мякина; но за неимѣніемъ топлива, ржаная солома во всей юговосточной полосѣ идетъ какъ извѣстно на отопленіе, а за недостаткомъ луговъ—сѣно замѣняется яровой и озимой соломой, сколько ее остается лишней отъ употребленія на топливо.

Такимъ образомъ главныя составныя части животнаго навоза имѣютъ другое назначеніе и большая ихъ часть сгораетъ, превращаясь въ пепелъ и дымъ, что значительно уменьшаетъ запасъ навоза.

Другая причина, почему удобреніе пара не принимается въ черноземной полосѣ, это—предубѣжденіе крестьянъ и старое повѣрье, что хлѣбъ отъ навоза перегораетъ и ложится. Но надо сказать, что эти отзывы слышатся уже рѣже, и большая часть крестьянъ сознаютъ необходимость удобренія пашни, но затрудняются двумя обстоятельствами: во-первыхъ, тѣмъ, что парное поле служитъ выгономъ для скота весной и въ началѣ лѣта, а вывозка и запахиваніе навоза стѣснило бы до крайности пастьбу скота, во-вторыхъ, тѣмъ, что при частыхъ передѣлахъ хозяинъ не увѣренъ, чтобы унавоженная имъ полоса осталась долго въ его владѣніи, и это послѣднее обстоятельство приводится постоянно сильнѣйшимъ, абсолютнымъ аргументомъ вреда общиннаго владѣнія.

Онъ доказываетъ дѣйствительно вредъ частыхъ передѣловъ, но несправедливо утверждать, чтобы община являлась главнымъ безусловнымъ препятствіемъ удобренія полей, улучшенія земледѣлія. Въ нечерноземной полосѣ, гдѣ мірской общинный бытъ болѣе развитъ и болѣе самостоятеленъ чѣмъ

въ южной Россіи, унавоживанье крестьянскихъ полей производится повсемѣстно; въ Тверской, Новгородской, Псковской губерніяхъ, неунавоженныя полосы встрѣчаются такъ же рѣдко, какъ унавоженныя въ Тамбовской или Воронежской. Въ прежнее время дѣйствительно, несмотря на явный вредъ передѣловъ, они производились часто и исключительно подъ вліяніемъ помѣщичьей власти, которая требовала, чтобы молодымъ крестьянамъ отводились земли для умноженія числа тягловыхъ, барщинныхъ и оброчныхъ хозяевъ; но надо отдать справедливость нашимъ крестьянамъ, что, со времени освобожденія своего, они стремятся къ ограниченію передѣловъ, устанавливаютъ длинные сроки, и во многихъ селеніяхъ навозной полосы не производили передѣловъ съ 1861 года.

Итакъ, приписывая безусловно вліянію общины неудобреніе полей и упадокъ крестьянскаго хозяйства въ одной полосѣ Россіи, мы забываемъ, что въ другой полосѣ, гдѣ существуютъ такія же общины, введено повсемѣстно унавоживаніе, и что оно заставило крестьянъ избѣгать передѣловъ и постепенно отмѣнять ихъ въ послѣдніе 20 лѣтъ.

Мы должны по этому придти къ заключенію, что упадокъ крестьянскихъ хозяйствъ, гдѣ онъ обнаруживается, долженъ быть приписанъ не частнымъ явленіямъ, а нѣкоторымъ общимъ естественнымъ причинамъ, которымъ сельскіе жители невольно покоряются,—высыханію почвы и измѣненію климата вслѣдствіе истребленія лѣсовъ, недостатку топлива, принуждающему жителей жечь солому, стѣсненію скотоводства отъ недостатка луговъ, которые большею частію распаханы, и истощенію почвы, которая выпахана и изнурена предъидущими посѣвами. Нѣкоторыя изъ этихъ при-

чинъ дѣйствовали сильнѣе въ южной полосѣ, другія въ сѣверной.

Еще на моей памяти главнымъ рессурсомъ крестьянъ сѣверо-западной полосы было лядинное и лѣсоподпольное хозяйства; на пустошахъ или лѣсныхъ нивахъ, часто безъ спроса и вѣдома владѣльца, они сѣяли ленъ, ячмень, овесъ; подсѣкали въ лѣсныхъ дачахъ молодую поросль, жгли ее и, разсѣявши золу, кое-какъ между пнями проборонивъ обгорѣлую почву, засѣвали ее яровыми хлѣбами.—Урожаи были обыкновенно очень удачные; ленъ и овесъ на такихъ влажныхъ почвахъ росли отлично; льняное волокно выходило грубое, но его было много; ячмень на такъ-называемыхъ сукахъ, по золѣ, давалъ невѣроятные урожаи, самъ 15 и 20.

Это приволье уже давно прекратилось; лучшія удобныя земли давно распаханы и выпаханы. — Но послѣ освобожденія крестьянъ открылся новый источникъ хищнической эксплуатаціи—это господскія угодья съ лугами и пустошами, которые теперь уже съ вѣдома и по распоряженію землевладѣльцевъ сдавались крестьянамъ *на рѣзы*, т.-е. на посѣвъ льна по пласту и тоже систематически, послѣдовательно выпахивались до полнѣйшаго истощенія почвы. Это продолжалось лѣтъ 10—15, возвышая ежегодно цѣны на сдаточныя земли отъ 20 до 100 руб. за одно слѣтье, и привело нѣкоторыя губерніи, въ особенности несчатную Псковскую, къ окончательному безплодію.

Въ Юговосточной полосѣ залежное хозяйство играло еще болѣе значительную роль, чѣмъ лядинное на сѣверѣ; крестьяне кое-какъ еще прокармливались своимъ хлѣбомъ, но всего болѣе разсчитывали на нови и старыя земли подъ пшеницу, просо, макъ, сурепицу, подсолнечникъ и въ особенности подъ бакчи, эту излюбленную культуру степныхъ земледѣльцевъ.

Богатые помѣщики этого края сдавали и продавали свои степи зря, безъ всякаго разсчета, лишь бы извлечь изъ своихъ имѣній побольше денегъ для прожитія въ столицѣ и чужихъ краяхъ.—Я проѣзжалъ въ моей молодости по Тамбовской, Саратовской, Воронежской губерніямъ, и тогда наблюдалъ цѣлыя станціи по степямъ, называемыя Нарышкинскими, графскими (графовъ Орловыхъ), которыя сдавались мѣстнымъ жителямъ и засѣвались ежегодно разными хлѣбами безъ отдыха и, разумѣется, безъ всякаго удобренія. Нынѣ и этотъ рессурсъ прекращается: выпахавъ свои собственныя земли, истощивъ и чужія, земледѣльцы не находятъ болѣе удобныхъ земель для своихъ любимыхъ культуръ, и цѣны на такія угодья ростутъ ежегодно, по общему экономическому закону—что чѣмъ рѣже товаръ, тѣмъ онъ дороже.

Итакъ, упадокъ сельскаго хозяйства, гдѣ онъ оказывается, стѣсненіе земледѣлія какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ слѣдуетъ приписать совершенно естественной причинѣ, явленію повторяющемуся во всѣхъ странахъ густонаселенныхъ, когда первобытный просторъ сокращается и является необходимость перейти отъ экстенсивной культуры къ интенсивной. Другими словами, лядинное и залежное хозяйство надо замѣнить въ этихъ двухъ полосахъ трехпольнымъ или многопольнымъ, отмѣнить тяжелые посѣвы масляничныхъ растеній или, если желаютъ ихъ продолжать, озаботиться сильнѣйшимъ унавоживаньемъ почвы.

Въ особенности пагубной оказывается культура льна, какъ на сѣверѣ, гдѣ онъ сѣется для волокна, такъ и на югѣ, гдѣ онъ назначается преимущественно на сѣмя и маслобитіе. Мнѣ извѣстны землевладѣльцы и селенія, которые рѣшительно раззорились на этой культурѣ, гдѣ покосы срѣзанные подъ ленъ и послѣ льна засѣянные 2—3 года

сряду овсомъ и гречей, превратились въ голыя, безплодныя нивы и, можно сказать, выключены изъ удобныхъ земель, такъ что эта культура имѣетъ прямымъ послѣдствіемъ уменьшеніе производительной почвы.

Несмотря на это, нѣкоторые агрономы и агрономическія общества въ послѣднее время открыли совѣщанія о средствахъ усиленія и улучшенія льняной культуры. Усиленіе ея при настоящемъ положеніи нашего земледѣлія было бы положительно вредно, а усовершенствованіе ея едвали возможно.

Мы видѣли въ Бельгіи и Саксоніи, что ленъ вошелъ въ правильный сѣвооборотъ, сѣется на старыхъ пашняхъ, по очереди съ другими хлѣбами и продуктами, мочится въ теплыхъ чанахъ, сушится подъ крышей и, наконецъ, мнется и треплется машинами. Но при этомъ первое условіе—сильнѣйшее удобреніе, такое—какое можетъ быть добываемо только въ густо населенныхъ и промышленныхъ мѣстностяхъ, какъ напр. гуано, избоина, мезга. Если въ Россіи желать и совѣтовать усилить удобреніе, то надо ужъ желать, чтобъ оно было употребляемо для хлѣбовъ, возвращающихъ въ соломѣ главный матеріялъ навоза, а не для льна, отъ котораго въ хозяйствѣ ничего не остается, кромѣ развѣ ничтожнаго количества избоины, если она не продается.

Ко всякому дѣлу надо приступать съ его основанія, а не гоняться за такими улучшеніями, которыя могутъ осуществиться въ послѣдствіи, но теперь немыслимы.—Ленъ, конопля, макъ, сурепица, подсолнечникъ были нѣкогда и у насъ очень выгодными предметами для культуры, и современемъ, когда отъ приращенія населенія навозъ и другіе туки будутъ также изобильны, какъ въ Бельгіи или Саксоніи, могутъ опять сдѣлаться выгодными статьями сель-

ско-хозяйственной эксплуатаціи; въ настоящее же критическое время они безусловно вредны для народнаго хозяйства.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ мы полагаемъ что настоящій моментъ нашего сельско-хозяйственнаго положенія особенно труденъ и важенъ, потому что мы пришли, по естественному ходу вещей, къ тому роковому кризису, когда старые порядки полеводства отжили или отживаютъ свой вѣкъ, и когда нужно перейти въ одной полосѣ отъ залежной и лядинной системы къ трехпольной, въ другой отъ трехпольной къ плодоперемѣнной. Переходъ этотъ, какъ мы видимъ изъ исторіи земледѣлія въ другихъ странахъ, всегда очень труденъ для бѣдныхъ хозяевъ, такъ какъ онъ требуетъ, въ виду будущихъ улучшеній, нѣкоторыхъ затратъ и даже временного стѣсненія хозяйства; въ первое время надо уменьшить посѣвъ хлѣбовъ, отказаться отъ культуръ наиболѣе цѣнныхъ продуктовъ, какъ льна, конопли, мака, бакчей, запасаться навозомъ и другими туками и ожидать ихъ дѣйствія черезъ нѣсколько лѣтъ.

Въ это-то время, въ этотъ переходный періодъ слабые хозяева изнемогаютъ, и если имъ не оказывается помощь отъ общества или правительства, то земледѣльческій кризисъ неминуемо превращается въ соціальный переворотъ— мелкіе и бѣдные владѣльцы не выдерживаютъ конкурренціи съ крупными и распродаютъ имъ всю землю.

Такъ было въ большей части европейскихъ странъ; и если въ Россіи такой исходъ не желателенъ, если поддержаніе крестьянскихъ хозяйствъ признается у насъ полезнымъ и нужнымъ, то надо также сознать, что однимъ совѣтомъ, наставленіями и поученіями дѣло не обойдется, что нужна матеріальная помощь и разумное руководство,

нужны нѣкоторыя положительныя мѣропріятія и распоряженія.

Въ чемъ же эти мѣропріятія могутъ состоять?

Мы выше упомянули о нѣкоторыхъ мѣрахъ, которыя должны быть приняты для введенія и поощренія полезныхъ культуръ, травъ, кормовыхъ продуктовъ, корнеплодныхъ, а равно и для распространенія лучшихъ орудій.

Мы полагаемъ, что иниціатива по этимъ предметамъ должна исходить отъ земства и что если она будетъ проведена разумно, то можетъ имѣть вліяніе на улучшеніе сельскаго хозяйства и на устраненіе разныхъ грубыхъ привычекъ и культуръ, которыя вредятъ земледѣлію. Мы даже думаемъ, что въ этомъ отношеніи земство не вполнѣ сознаетъ свою силу и вліяніе, которое оно можетъ имѣть на крестьянъ, и недостаточно пользуется этимъ вліяніемъ.

Вообще общинный бытъ и мірское самоуправленіе, задерживая отчасти нѣкоторыя нововведенія, съ другой стороны облегчаютъ приведеніе въ дѣйствіе тѣхъ мѣръ, которыя признаются общеполезными. Въ настоящій моментъ нашего экономическаго развитія есть много такихъ хозяйственныхъ вопросовъ, которые уже достаточно созрѣли въ народѣ, много такихъ улучшеній, которыя признаются самими крестьянами необходимыми, но откладываются по нерѣшительности, по безпечности, по недостатку иниціативы со стороны отдѣльныхъ лицъ. Крестьяне какъ будто ждутъ, чтобы кто-либо распорядился и оградилъ бы ихъ отъ собственныхъ увлеченій или предразсудковъ и подвинулъ на лучшіе порядки; они во многихъ случаяхъ ожидаютъ совѣтовъ, указаній, на которые они могли бы опереться для противодѣйствія рутиннымъ вреднымъ порядкамъ прежняго ихъ быта.

Такъ, напримѣръ, мы глубоко убѣждены, что большая часть сельскихъ обществъ въ центральной Россіи положительно сознаетъ вредъ слишкомъ частыхъ передѣловъ; въ нѣкоторыхъ обществахъ, гдѣ большинство домохозяевъ оказалось разумнымъ, передѣлы сдѣлались очень рѣдки, во многихъ селеніяхъ они прекращены со времени освобожденія; но въ другихъ селеніяхъ рѣшеніе вопроса откладывается со дня на день, безъ всякой причины, по оппозиціи нѣсколькихъ крестьянъ наиболѣе вліятельныхъ и голосистыхъ, во избѣжаніе споровъ и ссоръ.

Еслибъ въ такихъ случаяхъ крестьяне могли сослаться на какія-либо правила и указанія, еслибъ имъ оказана была при такихъ несомнѣнно полезныхъ предположеніяхъ поддержка земства или правительства, то вѣроятно въ скоромъ времени это главное неудобство мірского владѣнія было бы исправлено самими крестьянами. Мы разумѣемъ при этомъ не отмѣну передѣловъ, а только установленіе для нихъ правильныхъ сроковъ, и полагаемъ, что въ этомъ отношеніи сельскія общества приняли-бы съ радостію распоряженія, ограничивающія ихъ собственный произволъ.

Еслибъ, напримѣръ, установлено было, чтобъ всякое сельское общество составляло формальный приговоръ о производствѣ передѣла въ извѣстные сроки, не менѣе 3-хъ лѣтъ, что таковой приговоръ не можетъ быть отмѣненъ безъ разрѣшенія земской управы, или присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, еслибъ предоставлено было крестьянамъ, удобрившимъ свои полосы, пользоваться ими и въ слѣдующій срокъ послѣ передѣла, то этого было бы достаточно для того, чтобы понудить самихъ крестьянъ къ ограниченію вреднаго обычая передѣлять поля ежегодно.

Можетъ быть такія распоряженія покажутся приверженцамъ безусловной самостоятельности общины вреднымъ

вмѣшательствомъ въ крестьянское самоуправленіе; но врядъ ли сами крестьяне раздѣляютъ такое мнѣніе своихъ непрошенныхъ доброжелателей. Какъ мы выше сказали, они бо́льшею частію жалуются, напротивъ, на недостатокъ руководства и поддержки, и покоряются не только приказаніямъ, но и внушеніямъ, если только сознаютъ въ нихъ здравый смыслъ и практическій толкъ.

Мы видѣли, не далѣе какъ въ прошедшее лѣто, поразительный примѣръ такого добровольнаго послушанія крестьянъ внушеніямъ земства и образованныхъ людей. Извѣстно, что въ этотъ годъ (1880) появилось громадное количество разныхъ вредныхъ насѣкомыхъ, въ томъ числѣ и гессенской мухи. По этому случаю въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Тамбовской губерніи были созваны экстренныя земскія собранія, приглашенъ былъ спеціалистъ Проф. Линдеманъ для изслѣдованія и объясненія вопроса съ научной точки зрѣнія; съ общаго согласія было постановлено, что весьма полезно было бы отложить посѣвъ озимыхъ хлѣбовъ до второй половины августа, или по крайней мѣрѣ до 12—15 августа. Постановленіе это было сообщено земскою управою всѣмъ волостнымъ правленіямъ и землевладѣльцамъ, въ томъ числѣ и мнѣ; въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ были собранія, этотъ циркуляръ имѣлъ обязательный видъ, но въ Лебедянскомъ, гдѣ я жилъ, управа не успѣла созвать собраніе и препроводила его въ волостныя правленія только къ свѣдѣнію и въ видѣ рекомендаціи.

Получивъ такое же сообщеніе, я очень усумнился, чтобы распоряженія эти имѣли успѣхъ, такъ какъ такое постановленіе не имѣло обязательной силы, и наблюденіе за его исполненіемъ превышало силы земства, ибо за нарушеніе его нельзя установить никакого взысканія.

Вышло однако не такъ, какъ я предполагалъ: большая

часть крестьянъ приняла этотъ циркуляръ управы какъ добрый совѣтъ, котораго надо послушаться, и сдѣлала исполненіе его обязательнымъ по приговору волостныхъ и сельскихъ сходовъ. Почти во всѣхъ селеніяхъ, гдѣ была гессенская муха, посѣвы произведены позже обыкновеннаго— между 10—15 августа.

Мы не придаемъ этому частному факту особаго значенія, тѣмъ болѣе, что и самый вопросъ о практической пользѣ поздняго посѣва еще не разрѣшенъ и разрѣшится только при будущемъ урожаѣ.

Но этотъ примѣръ, если не ошибаемся, указываетъ на очень важную черту нашего хозяйственнаго быта и сельскаго управленія—на большое вліяніе, которое можетъ имѣть земство въ дѣлѣ улучшенія и исправленія нѣкоторыхъ вредныхъ привычекъ и пріемовъ нашихъ земледѣльцевъ, и на готовность сихъ послѣднихъ слѣдовать совѣтамъ и наставленіямъ, когда они видятъ въ нихъ толкъ и смыслъ, или по крайней мѣрѣ желаніе добра.

По этимъ соображеніямъ полагаемъ, что земство можетъ имѣть очень сильное и благодѣтельное вліяніе на улучшеніе сельскаго хозяйства, если только оно будетъ дѣйствовать разумно и послѣдовательно, не преслѣдуя общихъ цѣлей, не задаваясь такими сложными вопросами, какъ введеніе раціональной агрономіи и плодоперемѣннаго хозяйства; но выбирая только нѣсколько спеціальныхъ предметовъ для своихъ дѣйствій, и тѣ именно, которые въ данной мѣстности, въ губерніи или уѣздѣ, оказываются наиболѣе нужными для улучшенія земледѣлія.

Общія разсужденія и внушенія о пользѣ улучшенныхъ культуръ и орудій не подѣйствуютъ на большую часть нашихъ земледѣльцевъ и землевладѣльцевъ; для нихъ надо формулировать эти вопросы точнѣе, опредѣлительнѣе.

Если предполагается вводить плужную запашку, то надо указать, какой именно плугъ признается наиболѣе пригоднымъ для мѣстнаго земледѣлія и гдѣ такіе плуги достаются и заказываются. Если признается полезнымъ разводить травосѣяніе или культуру картофеля, свеклы, кукурузы въ южной Россіи, то надо озаботиться выпиской и доставкой сѣмянъ; если въ безлѣсныхъ губерніяхъ желательно поощрить лѣсонасажденіе, то надо опредѣлить, какія лѣсныя породы лучше принимаются въ краѣ и устроить питомникъ для ихъ разведенія. Однимъ словомъ, надо разъяснить, въ чемъ именно состоитъ поощреніе сельскаго хозяйства со стороны земства и правительства; очевидно, что ни то, ни другое не могутъ принять на себя починъ улучшеній частныхъ хозяйствъ, не могутъ предпринимать такихъ сложныхъ операцій, какъ введеніе травосѣянія, насажденіе лѣсовъ, осушеніе болотъ; но ихъ содѣйствіе должно состоять въ облегченіи средствъ къ переходу къ лучшимъ культурамъ, къ удешевленію по возможности расходовъ при такомъ переходѣ, и въ этомъ отношеніи они могутъ оказать существенную пользу.

Мы уже выше указали на нѣкоторыя мѣры, которыя могли бы быть приняты безъ большихъ затратъ земскими учрежденіями, и такими могли бы быть слѣдующія:

1) Устройство сѣмянныхъ запасовъ или комиссіонерствъ съ субсидіей отъ земствъ для выписки и продажи по умѣреннымъ цѣнамъ тѣхъ сѣмянъ, которыя въ общей торговлѣ очень рѣдки и дороги напр. клевера и разныхъ клеверныхъ породъ, кормовой и сахарной свеклы, полевой рѣпы или турнипса; въ южныхъ губерніяхъ—кукурузы и конскаго зуба, при этомъ слѣдуетъ, разумѣется, выбирать только тѣ сѣмена, разведеніе коихъ наиболѣе подходитъ подъ мѣстныя условія почвы и климата;

2) Устройство мастерскихъ для выдѣлки и продажи по удешевленнымъ цѣнамъ или съ разсрочкой нѣкоторыхъ орудій: плуговъ, желѣзныхъ боронъ, вѣялокъ, сортировокъ, молотилокъ, придерживаясь при томъ однообразныхъ моделей и простѣйшихъ конструкцій;

3) Для поощренія лѣсонасажденій въ безлѣсныхъ краяхъ необходимо завести на счетъ земства или казны питомники. Самая посадка лѣса дѣло нетрудное, недорогое, но уходъ за сажанцами въ питомникахъ, самое устройство ихъ и добываніе сѣмянъ разныхъ лѣсныхъ породъ требуютъ нѣкоторыхъ знаній и опыта;

4) Осушеніе болотъ въ сѣверной и западной полосѣ есть дѣло такихъ громадныхъ размѣровъ и такой пользы, что заслуживаетъ нѣкоторыхъ пожертвованій и пособій, которыя могли бы выразиться въ субсидіяхъ или ссудахъ отъ земства и правительства, что отчасти и дѣлается нынѣ министерствомъ государственныхъ имуществъ.

Таковы, намъ кажется, главныя нужды нашего сельскаго хозяйства, которыя должны бы составлять предметъ заботъ земства и правительства.

Если этотъ перечень не полонъ, то можно его и дополнить; но надо же наконецъ выдти изъ круга общихъ и праздныхъ разсужденій, въ коихъ вращаются наше законодательство и наше образованное общество, все толкуя объ улучшеніи, поощреніи, содѣйствіи, не указывая, не опредѣляя въ чемъ они должны состоять, что́ должно быть предоставлено частной инціативѣ и что́ составляетъ област дѣйствія земства и правительства, и постоянно развлекаясь въ разныя стороны шаткими, сбивчивыми предположеніями.

XI.

Переселенія и колонизація.

Переселенія приняли въ новѣйшее время, во всѣхъ частяхъ свѣта, совершенно новый характеръ, придающій имъ небывалое, всемірное значеніе. Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію этого вопроса въ Россіи, въ отношеніи его къ нашему быту, мы позволимъ себѣ объяснить, въ чемъ заключается этотъ новый фазисъ, въ который вступаетъ дѣло переселеній и колонизаціи.

Какъ извѣстно, въ послѣдніе годы притокъ переселенцевъ, который до сихъ поръ направлялся изъ Европы въ Америку и Австралію, встрѣтился сначала на равнинахъ крайняго запада въ Соединенныхъ Штатахъ, потомъ и внутри страны — съ другимъ теченіемъ другихъ эмигрантовъ, тоже выселяющихся изъ густонаселенныхъ странъ небесной имперіи, и тоже отыскивающихъ промысловъ и заработковъ въ краяхъ незаселенныхъ; такъ что европейскіе выходцы, убѣгая отъ гнета капитала и конкурренціи работъ изъ своихъ отечествъ, встрѣчаются въ Америкѣ съ другими новыми соперниками, съ такими же

чернорабочими, какъ они, предлагающими свой трудъ по цѣнѣ несравненно нисшей, чѣмъ европейцы.

Понятно, какое отъ этого произошло и должно еще произойти смущеніе въ такъ-называемыхъ рабочихъ и соціальныхъ вопросахъ въ Европѣ.

Вопросы эти, фальшиво поставленные европейскими экономистами, еще фальшивѣе истолкованные революціонными партіями, вступаютъ нынѣ въ новый фазисъ, изъ котораго выходъ, если онъ только возможенъ, будетъ еще труднѣе, чѣмъ изъ борьбы съ капиталомъ; открывается новая междоусобная борьба между самими рабочими разныхъ расъ, и въ то время, какъ европейскіе пролетаріи переселяются въ Америку, чтобы въ свободной республикѣ воспользоваться всѣми правами гражданства и экономическими выгодами полной свободы, съ противной стороны, съ крайняго востока, подступаютъ и встрѣчаются съ ними другіе пролетаріи, желтокожіе, которые оказываются выносливѣе, трудолюбивѣе и воздержнѣе бѣлокожихъ, предлагаютъ свои услуги дешевле, и своей конкурренціей возбуждаютъ общее негодованіе мѣстныхъ рабочихъ. Эти послѣдніе, сознавая свои высокія достоинства по интелигенціи и образованію признаютъ другихъ нисшимъ классомъ рабочихъ, требуютъ для себя покровительства властей, защиты отъ соперниковъ, и такимъ образомъ, становятся постепенно аристократическимъ разрядомъ рабочихъ, привилегированнымъ классомъ пролетаріевъ, которые требуютъ, чтобы ихъ интересы были охраняемы и сверху и снизу, и отъ гнета капиталовъ и отъ конкурренціи другихъ расъ.

Это новое и многознаменательное явленіе уже причиняетъ большія замѣшательства, какъ извѣстно, въ Соединенныхъ Штатахъ; правительство вынуждено было принять мѣры противъ эмиграціи изъ Китая, и единственный аргу-

ментъ, приводимый въ пользу этихъ мѣръ, есть невозможность для европейскаго рабочаго конкуррировать съ азіатскими. Все это даетъ вопросу о переселеніяхъ новое значеніе, и такъ какъ Россія прикасается съ одной стороны къ тѣмъ странамъ, откуда выходятъ европейскіе эмигранты, и къ тѣмъ, откуда начинаютъ выступать азіатскіе, то вопросъ этотъ можетъ въ скоромъ времени коснуться и насъ.

Но если желать, чтобы русскія земли остались достояніемъ русскаго народа, чтобы онѣ служили запасомъ для прибывающаго населенія, то надо принять заблаговременно мѣры къ правильной колонизаціи.

Въ Россіи этотъ вопросъ имѣетъ другое и болѣе сложное значеніе, чѣмъ въ другихъ государствахъ, въ томъ отношеніи, что у насъ оба акта колонизаціи—выселеніе и поселеніе, имиграція и эмиграція,—совершаются въ предѣлахъ имперіи; поэтому самому она представляетъ и болѣе удобствъ: переселенія могутъ быть направлены и регулированы однимъ правительствомъ, выходцы остаются до и послѣ перехода въ той же средѣ; климатическія и хозяйственныя условія и ихъ бытъ почти не измѣняются, несмотря на дальность разстоянія. Однимъ словомъ, переселенія, которыя въ другихъ странахъ составляютъ убыль или прибыль рабочихъ силъ въ пользу одной страны и въ ущербъ другой, въ Россіи составляютъ только уравненіе ихъ, и должны быть признаны несомнѣнно полезными въ общественномъ и государственномъ значеніи.

Поэтому и вопросъ этотъ долженъ быть признанъ у насъ однимъ изъ важнѣйшихъ въ общей системѣ нашего хозяйственнаго устроенія.

Но если, какъ мы сказали, для общества и государства и для народнаго хозяйства въ общей сложности, переселенія составляютъ выгоду и пользу, уравнивая населеніе и рас-

ширяя площадь производительныхъ земель, то въ частномъ быту, напротивъ, они причиняютъ большія разстройства и происходятъ обыкновенно изъ очень стѣсненнаго положенія.

Съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія—общественныхъ выгодъ и частныхъ убытковъ, мы теперь и разсмотримъ вопросъ.

Переселеніе можно признать, въ нѣкоторомъ смыслѣ, послѣднимъ словомъ поземельнаго устройства,—послѣднимъ въ томъ отношеніи, что къ переходу на новое жительство люди прибѣгаютъ не прежде, какъ испытавъ безуспѣшно всякія другія средства существованія на прежнихъ мѣстахъ.

Поэтому къ переселенію будутъ всегда стремиться люди болѣе или менѣе обездоленные, подъ гнетомъ нужды увлекающіеся надеждами на лучшее житье въ неизвѣстныхъ имъ мѣстахъ. Эти двѣ черты: бѣдность бо́льшей части переселенцевъ и ихъ увлеченія составляютъ главнѣйшія затрудненія къ правильному ходу переселеній.

Изъ этого слѣдуетъ, что если дѣйствительно, какъ мы выше сказали, переселеніе составляетъ выгоду для народнаго хозяйства и убытокъ для частнаго, то, по всей справедливости, рискъ этой операціи и по крайней мѣрѣ часть убытковъ, должны быть приняты на общій счетъ.

Здѣсь надо прежде всего разсмотрѣть, въ чемъ состоитъ рискъ, и какого рода пособія могутъ быть дѣйствительно полезны.

Весь процессъ переселенія раздѣляется на два дѣйствія и на два періода: первый—это подъемъ, отысканіе новыхъ мѣстъ и переходъ, т.-е., переселеніе въ тѣсномъ смыслѣ слова, второй—это водвореніе или колонизація.

Въ первомъ періодѣ у переселенца обыкновенно оказываются кое-какія средства: распродавъ избу и другія строенія, лишнюю лошадь, корову и прочую движимость, выручивъ нѣсколько денегъ за хлѣбъ на корню и уступку

въ міръ своего душевого надѣла, онъ запасается небольшимъ капиталомъ на путевые расходы. Сколько мнѣ случалось видѣть при переселеніяхъ изъ Тамбовской и Воронежской губерній, выходцы такимъ образомъ накопляютъ отъ 200 до 300 руб., и считаютъ это достаточнымъ для дорожныхъ расходовъ и содержанія своего на цѣлый годъ (?), при чемъ оставляютъ себѣ для проѣзда 1 лошадь, строютъ особую повозку на длинныхъ дрогахъ, въ видѣ колымаги; усадивъ на нее жену и дѣтей, взгромоздивши разные пожитки спереди и сзади, отправляются пѣшкомъ въ путь, не разсчитывая ни на желѣзныя дороги, ни на пароходы, прокармливая лошадь на безплатномъ подножномъ корму, и пробираясь такимъ образомъ за Волгу и далѣе, но куда — не извѣстно!?

Въ послѣдніе годы, когда выселеніе стало все болѣе усиливаться въ центральныхъ губерніяхъ, крестьяне проложили и развѣдали кое-какъ главные тракты переселенія. Они называютъ вообще всѣ заволжскія земли „Самарой" и изъ Орловской, Рязанской, Тамбовской, Воронежской губерній тянутъ прямо на востокъ въ Саратовскую губер.; но въ ней, какъ слышно, остаются и водворяются немногіе, большая же часть проходитъ далѣе и все далѣе, иногда руководствуясь указаніями ходоковъ, прежде высланныхъ для развѣдокъ, иногда приглашеніями родственниковъ и земляковъ, уже поселившихся на новыхъ мѣстахъ, но большею частію безъ всякаго руководства, и, странствуя такимъ образомъ, доходятъ до Сибири.

Вотъ тутъ то открывается второй періодъ переселеній, періодъ исканія и скитанія, предшествующій окончательному водворенію, который поглощаетъ послѣдніе рессурсы переселенцевъ, и если въ этотъ моментъ имъ не дѣлается облегченій, не даются нѣкоторыя льготы и пособія, то большая

часть изъ нихъ приступаетъ къ водворенію, къ новой земледѣльческой эксплуатаціи въ самомъ бѣдственномъ положеніи.

На этомъ различіи, какъ мы думаемъ, должно быть основано и различіе мѣръ, принимаемыхъ земствомъ и правительствомъ для содѣйствія переселенію. Это содѣйствіе не можетъ быть безусловное; правительство не можетъ принимать на себя весь рискъ операціи; оно и не должно поощрять легкомысленное увлеченіе всякаго желающаго; пособія должны быть выдаваемы разборчиво, и тутъ представляются слѣдующія соображенія: во-первыхъ, кому ассигновать пособія? во-вторыхъ въ чемъ они должны состоять?

Здѣсь прежде всего надо оговорить, что земство и правительство могутъ принимать участіе только въ тѣхъ переселеніяхъ, которыя представляютъ дѣйствительную пользу для населенія; предоставляя всѣмъ и каждому право вольнаго перехода на свой счетъ и рискъ, оно должно содѣйствовать выселенію только изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ густота населенія угрожаетъ общему благосостоянію жителей. Покуда есть въ краѣ свободныя земли, и цѣны на нихъ не высоки, малоземелью отдѣльныхъ лицъ и селеній можно помочь другими мѣрами, облегченіемъ средствъ для пріобрѣтенія земель, какъ мы объяснили въ главѣ о земельномъ кредитѣ. Переселенія получаютъ общественный и государственный интересъ только съ того момента, когда населеніе достигаетъ извѣстной нормы густоты, стѣснительной для всѣхъ жителей; норму эту нельзя опредѣлить въ точности безъ мѣстнаго изслѣдованія, но примѣрно можно положить, что при населеніи отъ 30—40 жителей обоего пола на версту (1500—2000 на квадратную милю), наступаетъ уже общее стѣсненіе, и въ такихъ мѣстностяхъ (уѣздахъ или волостяхъ) переселенія заслуживаютъ поощренія въ виду общей пользы мѣстныхъ жителей.

Далѣе мы также полагаемъ, что пособія не должны быть даваемы всѣмъ желающимъ безъ разбора; семейства совершенно неимущія, безлошадныя, безъ достаточнаго числа рабочихъ не способны къ такому тяжкому труду, какъ переходъ и водвореніе на новыхъ мѣстахъ, и самыя щедрыя субсидіи едва ли спасутъ ихъ отъ нищеты; къ обезпеченію ихъ быта могутъ быть приняты другія мѣры, но соблазнять ихъ къ переселенію значитъ обрекать ихъ на неизбѣжную гибель; это нужно имѣть въ виду, потому что эта категорія бѣдныхъ и одинокихъ крестьянъ подъ гнетомъ горя и нужды часто увлекается и понуждается самими сельскими обществами къ переселенію, которое имъ рѣшительно не посильно. Мы выше сказали, что переселенцы запасливые и расчетливые обыкновенно имѣютъ достаточно средствъ для проѣзда, и что въ этотъ періодъ они не нуждаются въ особыхъ пособіяхъ; это условіе, чтобы у выходцевъ былъ нѣкоторый запасъ собственныхъ средствъ, чтобы они имѣли нѣкоторую хозяйственную самостоятельность, оказывается необходимымъ, если желать чтобы колонизація была успѣшна и прочна.

Итакъ, на вопросъ—кому могутъ быть ассигнованы пособія для переселенія, мы отвѣчаемъ: a) жителямъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ обнаруживается дѣйствительная, абсолютная тѣснота, избытокъ населенія; b) тѣмъ семействамъ, которыя имѣютъ достаточно рабочихъ людей и нѣкоторый запасъ для покрытія первыхъ расходовъ.

Вопросъ,—въ чемъ должны состоять пособія, надо разсмотрѣть съ двухъ сторонъ.

Какъ мы выше сказали, въ первый моментъ, когда крестьянинъ подымается съ родного пепелища, онъ обыкно-

венно, если расчетливъ, располагаетъ нѣкоторыми средствами; если же онъ необдуманно, легкомысленно изъявляетъ желаніе переселиться, не имѣя такихъ срествъ, то соблазнять его денежными ссудами было бы неразумно и для него самого безполезно.

Въ этотъ моментъ, при подъемѣ, содѣйствіе земства или правительства можетъ выразиться въ облегченіи справокъ о свободныхъ земляхъ предлагаемыхъ казной и частныхъ земляхъ для поселеній, въ указаніяхъ прямыхъ путей сообщеній, цѣнъ на земли и разные продукты, въ удешевленіи самаго проѣзда, и, что всего важнѣе, въ организаціи конторъ, гдѣ переселенцы находили бы руководство и содѣйствіе по отысканію земель.

Самый тяжелый моментъ при переселеніи наступаетъ въ первое время водворенія, когда рессурсы болѣе или менѣе истрачены, и предстоитъ еще отстроиться, распахать землю, посѣять на ней и ожидать 10—11 мѣсяцевъ первыхъ плодовъ своихъ трудовъ. Тутъ денежныя ссуды или разсрочка платежей оказываются необходимыми и онѣ непредставляютъ бо̀льшого риска, потому что поселенцы въ видѣ залога уже приложили свой трудъ къ отведенной имъ земельной собственности.

Такимъ образомъ, дѣйствія и вмѣшательство хозяйственнаго управленія земства и правительства въ дѣло переселеній, должны быть направлены къ двумъ главнымъ цѣлямъ:

а) къ выселенію жителей изъ наиболѣе населенныхъ мѣстностей,

и b) къ прочному водворенію ихъ на новыхъ мѣстахъ.

Въ настоящее время, при неполнотѣ и сбивчивости статистическихъ свѣдѣній, невозможно сдѣлать общихъ выводовъ; но для поясненія нашего предположенія и для при-

мѣра мы представимъ слѣдующія соображенія о примѣненіи вышеупомянутыхъ мѣръ къ нѣкоторымъ мѣстностямъ.

Въ одномъ изъ новѣйшихъ изданій центральнаго статистическаго комитета, („Статистика поземельной собственности", выпускъ 1-й), помѣщены свѣдѣнія о распредѣленіи земель въ 8 губерніяхъ, которыя причислены къ центральной земледѣльческой полосѣ. Губерніи эти: Рязанская, Калужская, Тульская, Орловская, Курская, Тамбовская, Воронежская и Пензенская.

Въ нихъ абсолютная густота населенія равна 40 жителямъ обоего пола на квадр. версту, что составляетъ на 1-го жителя $2^1/_2$ десят., и на ревизскую душу 5 десят., въ общей сложности, причисляя въ то число и всѣ земли казны и частнаго владѣнія.

Здѣсь уже очевидно наступаетъ тотъ моментъ, когда стѣсненіе въ пользованіи землею дѣлается всеобщее, когда не остается болѣе свободныхъ земель для размѣщенія прибывающаго населенія, и гдѣ поэтому выселеніе составляетъ единственный исходъ для земледѣльческаго класса. Въ наиболѣе плодородныхъ мѣстностяхъ этой полосы, несмотря на скудность надѣла крестьянъ въ частности, общій итогъ крестьянскихъ земель составляетъ 41 и 42% всѣхъ земель; частныхъ земель остается 35 и 36%, казенныхъ 1 и 3%. При такой пропорціи очевидно, что цѣны на земли какъ продажныя такъ и арендныя возвышаются ежегодно, и уже дошли до такой высоты, которая не доступна для мелкихъ и бѣдныхъ владѣльцевъ. Въ сѣверной не черноземной части этой полосы пропорція эта измѣняется; поэтому, надо бы еще изслѣдовать точнѣе этотъ предметъ по уѣздамъ и выдѣлить тѣ мѣстности, гдѣ стѣсненіе наиболѣе чувствительно.

Затѣмъ, внутри уѣздовъ представляется еще большее

различіе въ размѣрахъ владѣнія; нѣкоторыя селенія имѣютъ отъ 3 до 4 десят. на душу. Съ крайне недостаточнымъ надѣломъ, отъ 1 до 2 дес., насчитывается въ 8 губерніяхъ около 348,900 душъ; наконецъ, въ этой же полосѣ находится большая масса крестьянъ, отпущенныхъ на волю съ такъ называемымъ сиротскимъ надѣломъ, и такихъ, имѣющихъ менѣе 1 дес. на душу, показано—200,012 помѣщичьихъ и 4,113 государственныхъ крестьянъ, а всего 204,125 душ. муж. пола.

Эти двѣ категоріи крестьянъ должны быть поставлены на первую очередь при устройствѣ переселеній.

Мы не говоримъ, чтобы всѣ они подлежали принудительному выселенію, но предполагаемъ только, что между ними, въ этихъ категоріяхъ и въ этихъ мѣстностяхъ, окажется наибольшая часть желающихъ, и что желанія ихъ, совпадая съ общей пользой народнаго хозяйства, заслуживаютъ содѣйствія и поощренія земства и правительства.

Въ особенности грознымъ оказывается положеніе нѣкоторыхъ уѣздовъ, гдѣ сиротскіе надѣлы получили наибольшее примѣненіе. Изъ тѣхъ же свѣдѣній центральнаго статистическаго комитета мы усматриваемъ, что изъ 96 уѣздовъ въ 16 такихъ надѣловъ вовсе нѣтъ; въ 31 они составляютъ только 5% всѣхъ душевыхъ надѣловъ; а въ 34 уѣздахъ, пропорція ихъ достигаетъ 5 и до 20%, но въ 16 уѣздахъ выше 20%; наконецъ, въ 5 уѣздахъ сиротскіе надѣлы составляютъ болѣе 1/3, а именно:

въ Саранскомъ	34,0%
„ Сапожковскомъ	35,9 „
„ Бобровскомъ	36,3 „
„ Павловскомъ	38,8 „
„ Новохоперскомъ	85,9 „

Такое распредѣленіе крестьянскаго владѣнія и скопленіе въ однихъ мѣстахъ крестьянъ обездоленныхъ, недовольныхъ, озлобленныхъ представляетъ видимую опасность; они образуютъ гнѣзда сельскаго пролетаріата, и выселеніе отсюда крестьянъ съ нѣкоторымъ пособіемъ отъ правительства является крайней необходимостью.

Другой предметъ подлежащій ближайшему разсмотрѣнію, —это направленіе переселеній.

Извѣстно, какое горе мыкаютъ русскіе выходцы въ скитаніяхъ по разнымъ мѣстамъ отъ недостатка свѣдѣній о свободныхъ земляхъ. Между тѣмъ главныя направленія переселеній нынѣ достаточно выяснились, чтобы можно было ихъ опредѣлить, намѣтить пункты, указать ближайшіе тракты и принять мѣры къ удешевленію проѣзда.

Принимая выше указанную группу 8 губерній за главную полосу выселенія (эмиграціи), мы полагаемъ, что изъ нея можно провести двѣ главныя линіи переселеній: одна пойдетъ изъ сѣверной части этой полосы прямо на востокъ, за Волгу, направляясь спачала въ Самару, потомъ, въ Оренбургъ и Уфу и далѣе на Уралъ, въ Сибирь. Другая выйдетъ изъ югозападной части, изъ Курской и Воронежской губ. и направится на югъ, на Кубань и Кавказъ; къ этой послѣдней группѣ примыкаютъ также и нѣкоторые уѣзды Полтавской, Харьковской и Черниговской губ., которыя находятся въ поземельномъ отношеніи въ такихъ же условіяхъ, какъ и великороссійскія губерніи центральной полосы.

Мѣстныя изслѣдованія укажутъ главные пункты и побочныя вѣтви этихъ эмиграціонныхъ трактовъ, и на нихъ могутъ быть основаны справочныя конторы или комиссіи для направленія и указанія свободныхъ земель переселенцамъ.

Такимъ образомъ необходимо, что бы первая и главная

задача для устройства правильной колонизаціи состояла въ томъ, чтобы устроить постоянныя, регулярныя сношенія между тѣми мѣстностями—откуда выходятъ переселенцы, и тѣми, гдѣ имѣется наибольшее пространство свободныхъ земель.

Органами такихъ сношеній могутъ быть земскія управы, но кромѣ того мы полагаемъ, что всѣ дѣла о переселеніи и колонизаціи должны быть сосредоточены въ одномъ центральномъ правительственномъ учрежденіи.

Переселеніе, какъ означаетъ самое слово, есть состояніе переходное, въ продолженіи коего человѣкъ, мѣняя жительство, часто впадаетъ въ колебанія, недоразумѣнія и поэтому нуждается въ безпристрастномъ руководствѣ. Мѣстные жители, представителемъ коихъ служитъ земство, въ этихъ случаяхъ не представляютъ достаточнаго ручательства и, подчиняясь мѣстнымъ интересамъ, то противодѣйствуютъ переселеніямъ, то поощряютъ ихъ по частнымъ видамъ; сельскія общества въ особенности дѣйствуютъ часто очень пристрастно въ вытѣсненіи бѣднѣйшихъ крестьянъ, чтобъ завладѣть ихъ полосами.

Поэтому мы полагаемъ, что дѣло это должно быть распредѣлено между двумя инстанціями, и примѣрно въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Въ тѣхъ губерніяхъ и уѣздахъ, гдѣ признано будетъ нужнымъ содѣйствовать выселенію, сообщать земскимъ управамъ списки свободныхъ земель, казенныхъ и частныхъ, предлагаемыхъ для поселеній;

2) Объявить, что льготами и пособіями имѣютъ право пользоваться только тѣ выходцы, которые подходятъ подъ нѣкоторыя условія, напримѣръ, имѣютъ на душу менѣе 2 десятинъ или представятъ другія уважительныя причины, которыя должны быть точно указаны;

3) На главныхъ трактахъ переселеній, примѣрно въ

Самарѣ для Заволжскаго края, въ Ставрополѣ для Кавказа, учредить колоніяльныя конторы, которыя завѣдывали бы собственно передвиженіемъ, направленіемъ переселенцевъ, облегченіемъ и удешевленіемъ проѣзда и служили бы посредствующими органами сношеній между земскими управами тѣхъ уѣздовъ откуда жители выселяются, и тѣми— гдѣ они поселяются;

4) На мѣстахъ водворенія нужно усилить составъ земскихъ управъ особымъ отдѣломъ для колоніальныхъ дѣлъ, съ уполномоченнымъ отъ казны для заселенія казенныхъ земель и съ землемѣромъ и другими техниками для отвода земель;

5) Центральное колоніальное управленіе можетъ завѣдывать только внѣшней, формальной частью дѣла, предоставляя самое распоряженіе мѣстнымъ учрежденіямъ; оно можетъ наблюдать, чтобы собирались и сообщались куда слѣдуетъ вѣрныя и полныя свѣдѣнія о свободныхъ земляхъ, чтобы приняты были общія мѣры къ облегченію перехода и водворенію, чтобы установились твердыя правила для выдачи пособій на переселенія.

Я не вдаюсь въ дальнѣйшія подробности этого многосложнаго предмета, который уже былъ изложенъ въ двухъ главахъ моего сочиненія „Землевладѣніе и земледѣліе", и съ тѣхъ поръ изслѣдованъ и достаточно разъясненъ въ нашей печати.

На этотъ разъ я хотѣлъ только подтвердить факты и мнѣнія, давно высказанныя о необходимости принять мѣры для регулированія переселеній и колонизаціи.

Для этого нужно точнѣе опредѣлить и предварительно изслѣдовать нѣкоторые спеціальные вопросы, какъ-то:

Изъ какихъ мѣстностей выходитъ главное число пере-

селенцевъ? Куда и по какимъ трактамъ они направляются? Какому разряду переселенцевъ нужно оказать пособія? Въ какихъ мѣстностяхъ и при какихъ условіяхъ слѣдуетъ, въ виду общей пользы народнаго хозяйства, поощрять переселенія? И, наконецъ, куда ихъ привлекать?

На эти то главнѣйшія соображенія надо обратить все вниманіе и начать дѣло, хотя бы въ скромныхъ размѣрахъ, въ районѣ нѣсколькихъ губерній и уѣздовъ, но съ разборчивостью и послѣдовательностью, выбирая тѣ полосы и тѣ разряды крестьянъ, которые поставлены, вслѣдствіе своихъ поземельныхъ отношеній, въ наиболѣе стѣсненное положеніе.

XII.

Значеніе настоящаго экономическаго кризиса въ Россіи.

Мы нѣсколько разъ заявляли уже въ предъидущихъ главахъ, что по тѣмъ неполнымъ и невѣрнымъ даннымъ, которыя имѣются и собираются о народномъ бытѣ, нельзя судить ни объ упадкѣ, ни о развитіи сельскаго хозяйства въ Россіи.

Между тѣмъ со всѣхъ сторонъ и въ особенности въ послѣднее время поступаютъ самыя печальныя извѣстія о неурожаяхъ и разстройствѣ сельскихъ промысловъ и земледѣлія, извѣстія, подтверждаемыя указаніями на высокія цѣны на хлѣбъ и другіе продукты; такъ что мы должны признать по этимъ заявленіямъ, хотя можетъ быть преувеличеннымъ, что наше сельское хозяйство находится въ настоящее время въ критическомъ, ненормальномъ положеніи.

Въ чемъ же состоитъ этотъ кризисъ, это разстройство? Отъ какихъ причинъ онъ происходитъ? Въ чемъ именно проявляется стѣсненіе и упадокъ? Въ какомъ отношеніи проявляется ухудшеніе народнаго хозяйства сравнительно съ прежнимъ временемъ?

Чтобы отвѣчать на эти вопросы, надо бы прежде всего знать, какъ жили и благоденствовали сельскія сословія при прежнихъ порядкахъ; въ какомъ состояніи находились въ то время земледѣліе и другіе сельскіе промыслы; изъ чего извлекались хозяйственные доходы и прибыли?

Но для такого сравненія мы не имѣемъ никакихъ данныхъ.

Намъ извѣстно только, что на нашей памяти, въ теченіи послѣднихъ 25—30 лѣтъ, дѣйствительно произошолъ громадный переворотъ въ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ. Прежде земледѣльцы пользовались большимъ просторомъ и привольемъ: въ сѣверной полосѣ они подсѣкали и жгли лѣса, сѣяли лёнъ на рѣзахъ, выгоняли скотъ на чужія пустоши, а въ южной—распахивали нови, засѣвали ихъ гиркой, бѣлотуркой, просомъ, разводили бакчи, подсолнечники; но нынѣ такихъ угодій остается уже такъ мало, что эти промыслы становятся недоступными крестьянамъ. Далѣе мы также помнимъ, какъ благодушно и въ то же время выгодно вели свои хозяйства многіе крупные и богатѣйшіе помѣщики, какъ они предоставляли своимъ крѣпостнымъ крестьянамъ расхищать безпрепятственно естественныя богатства, рубить лѣса, травить луга, истощать почву, переводя все это на деньги и работы и возвышая соразмѣрно, а иногда и выше мѣры, оброчные и барщинные оклады, составлявшіе чистый доходъ имѣній.

Однимъ словомъ, главный характеръ сельскаго хозяйства въ Россіи въ прежнее время состоялъ въ томъ, что земледѣльцы и землевладѣльцы безсознательно растрачивали самый капиталъ имѣній, истощали производительныя силы природы и хищнической культурой поддерживали свои хозяйства, точно такъ, какъ нѣкоторыя акціонерныя общества, для поддержанія своихъ фирмъ, раздаютъ, подъ име-

немъ дивиденда, основные капиталы предпріятія и выводятъ такимъ образомъ подложный балансъ своихъ прибылей и убытковъ.

Но такіе искуственные и обманчивые расчеты не могли устоять при регулированіи поземельнаго владѣнія, начавшагося съ освобожденіемъ крестьянъ, вслѣдъ за которымъ быстро обнаружилось фальшивое положеніе нашего сельскаго хозяйства.

Оно почти повсемѣстно начало приходить въ упадокъ и разстройство, потому что тѣ главные рессурсы, коими пользовались наши сельскія сословія, видимо истощились: прибрежные лѣса у сплавныхъ и судоходныхъ рѣкъ были вырублены и распроданы; для добыванія лѣсного матеріала изъ дальнихъ дачъ нужны были затраты и нѣкоторыя соображенія, никогда не входившія въ кругъ занятій нашихъ лѣсовладѣльцевъ и лѣсопромышленниковъ; лѣсныя поросли, пустоши, суки, рѣзы въ сѣверной полосѣ, степи и нови въ южныхъ и восточныхъ губерніяхъ были большею частію распаханы и выпаханы; подъ травой оставались только горные, боровые покосы съ тощей почвой, негодной для хлѣбопашества, или поемные луга, цѣнность коихъ быстро стала возвышаться. Сѣнокосы сокращались, выгоны скудѣли, скотоводство стѣснялось, и въ то же время культура цѣнныхъ продуктовъ, коими промышляли наши сельскіе хозяева, какъ-то: льна, конопли, мака, подсолнечника, бакчей, бѣлотурки не удавалась болѣе на мягкихъ земляхъ, истощенныхъ безобразными посѣвами прежнихъ лѣтъ, изъ году въ годъ, безъ отдыха и удобренія.

Такимъ образомъ, освобожденіе крестьянъ и ликвидація прежняго землевладѣнія совпали въ Россіи съ тѣмъ моментомъ, когда естественное богатство страны, растраченное грубыми культурами, начало склоняться къ упадку, когда

капиталъ, изъ коего наше замледѣліе выбирало свои доходы, вмѣсто того чтобы пользоваться рентой, сталъ быстро истощаться, и разница между прежней доходностью сельскаго хозяйства и настоящей состоитъ въ томъ, что мы уже не имѣемъ въ своемъ распоряженіи тѣхъ капиталовъ, изъ коихъ такъ неосторожно и легкомысленно черпали свои доходы наши отцы и дѣды, покрывая ими убытки хлѣбопашества.

Теперь, дѣйствительно, оказывается, что капиталъ этотъ былъ не такъ великъ, какъ мы думали, что, проживая его, мы очень скоро можемъ дойти до полной несостоятельности, и что по этому надо устроиться такъ, что бы пользоваться рентой, правильными доходами, не разсчитывая болѣе на такія эксплуатаціи, которыя даютъ временныя выгоды въ ущербъ самой производительности хозяйства.

Въ этомъ, по нашему мнѣнію, заключается вся суть кризиса, нынѣ переживаемаго сельскимъ хозяйствомъ въ Россіи. Доходность земель уменьшается потому, что прежнія культуры истощили почву, истребили лѣса, потому, что земли устали, просятъ отдыха, такъ какъ верхній слой ихъ, безпрерывно переворачиваемый на одну и туже глубину и засѣваемый одними и тѣми же хлѣбами, наконецъ отказывается производить такія массы продуктовъ, какія извлекались изъ него въ теченіи столѣтій.

Но кромѣ того въ послѣднее время начала, мало по малу, раскрываться и другая слабая сторона нашего экономическаго быта, именно, что страна наша поставлена, въ сравненіи съ другими производительными странами, въ очень неблагопріятныя условія для сельскаго хозяйства, почему и конкуренція съ ними для насъ тяжела.

Въ этомъ отношеніи мы долго жили въ полнѣйшемъ самообольщеніи, какъ бы ссылаясь на извѣстныя слова нашихъ

предковъ—„что земля наша велика и обильна, но порядковъ въ ней нѣтъ“, и ожидая, что со введеніемъ „порядковъ“ откроются въ Россіи такія неисчерпаемыя богатства, что мы закидаемъ нашими продуктами всѣ европейскіе рынки.

Эти предположенія не подтвердились; земли наши оказались вовсе не такъ обильными, какъ думалось. Россія не сдѣлалась житницею Европы, и горькій опытъ новѣйшихъ временъ доказалъ намъ напротивъ, что мы поставлены самой природой, территоріальными и климатическими условіями нашей страны, въ положеніе очень невыгодное въ сравненіи съ другими производительными странами.

Во-первыхъ, нигдѣ на земномъ шарѣ мы не находимъ такихъ народныхъ массъ, поселенныхъ въ глубинѣ материка, вдали отъ морей, съ рѣками мелководными и половину года скованными льдами, на голыхъ равнинахъ, доступныхъ всякимъ неблагопріятнымъ атмосферическимъ явленіямъ. Всѣ неудобства, присущія континентальнымъ климатамъ, проявляются въ Россіи съ необычайной, свирѣпой силой; стужа и зной, засуха и дожди, бури, мятели, вьюги, бураны, всѣ эти атмосферическія явленія достигаютъ у насъ такой крайности и повторяются такъ часто, что разстраиваютъ всѣ хозяйственные расчеты.

Недостатокъ морскихъ береговъ и портовъ, направленіе главныхъ рѣкъ, истекающихъ въ замкнутыя моря, какъ Каспійское, или въ ледовитыя, какъ Бѣлое и Балтійское, ставятъ насъ въ самое невыгодное положеніе сравнительно съ такими континентами, какъ напримѣръ Сѣверная Америка, гдѣ громадные бассейны озеръ и рѣкъ обезпечиваютъ сообщеніе внутреннихъ рынковъ съ свободными, открытыми океанами и морями.

Далѣе надо замѣтить, что хотя большая полоса Россіи,

называемая черноземной и славится плодородностью почвы, но она терпитъ недостатокъ въ двухъ главныхъ двигателяхъ всякой производительности—топливѣ и водѣ и эти лишенія едва ли не подрываютъ всѣ выгоды сельскаго хозяйства въ этомъ краѣ.

Стѣсненные такимъ образомъ въ нашей производительности этими естественными причинами, мы, съ другой стороны, по тѣмъ же причинамъ обременены разными экстренными расходами въ частномъ и общественномъ хозяйствѣ, расходами неизвѣстными въ умѣренныхъ климатахъ.

Всякій хозяинъ въ Россіи, богатый и бѣдный, долженъ имѣть двойной запасъ платья и обуви, зимнія и лѣтнія, двойной комплектъ повозокъ—телѣгу и сани, онъ долженъ запастись топливомъ и кормомъ на 6—7 мѣсяцевъ; отъ губительнаго дѣйствія морозовъ и оттепелей всякія сооруженія, мосты и мостовыя, дороги и строенія разрушаются у насъ скорѣе, чѣмъ въ теплыхъ странахъ, требуютъ частыхъ поправокъ и ремонта, налагая такимъ образомъ на жителей тяжкія работы и повинности по содержанію всего этого въ исправности.

Наконецъ, эти природныя невзгоды вліяютъ и на нравственные успѣхи, и еслибъ, напримѣръ, установлено было въ Россіи обязательное безплатное обученіе, то представилось бы неизбѣжнымъ озаботиться еще и снабженіемъ учениковъ изъ бѣдныхъ семействъ теплой одеждой, чтобы они не замерзали на дорогахъ къ сельскимъ школамъ.

Однимъ словомъ, всякій нашъ шагъ на пути внутренняго устроенія стóитъ намъ большихъ усилій, обходится гораздо труднѣе и дороже, чѣмъ народамъ, обитающимъ въ умѣренныхъ и теплыхъ климатахъ или въ странахъ приморскихъ, съ удобными и легкими сообщеніями, и чтобы поспѣвать за ними въ культурномъ развитіи, чтобы не от-

ставать отъ европейскаго и общечеловѣческаго прогресса, намъ въ Россіи надо тратить больше физическихъ силъ, денежныхъ и матеріальныхъ средствъ.

Вопросъ въ томъ, имѣются ли эти силы и средства? Страна наша дѣйствительно ли такъ плодородна и обильна, какъ мы считаемъ ее? Соотвѣтствуютъ ли рабочія силы нашего населенія той гигантской работѣ, которая требуется для устроенія русскихъ земель, для введенія порядковъ по примѣру другихъ образованныхъ государствъ?

Это вопросъ существенный, и мы смѣемъ думать, что критическое положеніе, въ коемъ находится наше народное хозяйство, происходитъ именно отъ того, что пропорція между экономическими нашими силами и трудомъ, требуемымъ для устроенія государства, для введенія новыхъ порядковъ и всякихъ улучшеній, что пропорція эта была нарушена, что напряженіе было слишкомъ сильное и внезапное, и что въ виду будущихъ благъ, среди высокихъ порывовъ къ прогрессу, забыто было одно—тотъ источникъ, изъ коего черпаются всѣ рессурсы общественнаго и государственнаго преуспѣянія, хозяйственные интересы страны и народа. Другими словами, уровень народнаго богатства не соотвѣтствуетъ у насъ слишкомъ взыскательнымъ требованіямъ и предначертаніямъ, заявляемымъ со всѣхъ сторонъ во имя прогресса; и такъ какъ всякое устроеніе и введеніе новыхъ порядковъ требуетъ затратъ, которыя приносятъ плоды лишь впослѣдствіи, а на первое время только возвышаютъ налоги и повинности, то непосредственное дѣйствіе преобразованій, даже и самыхъ полезныхъ, причиняетъ нѣкоторое, хотя и временное, стѣсненіе въ хозяйствахъ частныхъ и общественныхъ.

Это, я думаю, первая и общая причина настоящаго экономическаго кризиса.

Мы предприняли однимъ разомъ слишкомъ много, не расчитавъ напередъ нашихъ силъ; мы устроили много наиполезнѣйшихъ учрежденій, ввели много лучшихъ порядковъ, не сдѣлавъ предварительно смѣты, что́ они будутъ стоить, и не опредѣливъ источниковъ, изъ коихъ будутъ покрываться расходы, между тѣмъ мы продолжаемъ безпрерывно заявлять о новыхъ нуждахъ, возбуждать новые вопросы, предлагать новыя улучшенія, тогда какъ матеріальныхъ средствъ не хватаетъ и на поддержаніе существующихъ порядковъ.

Все это дѣлается и предполагается въ виду будущихъ благъ; при каждомъ нововведеніи расчитывается—какія большія прибыли и выгоды принесетъ затраченный капиталъ, какіе обильные плоды посыплются на грядущія поколѣнія изъ либеральной политики, изъ образовательныхъ мѣръ, изъ лучшаго устройства управленія;—но современному поколѣнію отъ этого не легче, и оно имѣетъ полное право требовать, чтобы благія предначертанія были соображены съ наличными средствами и чтобы прежде, чѣмъ развивать программы дальнѣйшихъ реформъ, было обращено вниманіе на хозяйственные вопросы, на экономическій бытъ народа.

Какъ бы ни были высоки *цѣли*—надо прежде подумать *о средствахъ* и укротить порывы къ гражданскому и государственному *благоустройству*, покуда не обезпечено и не упрочено народное *благосостояніе*.

Мы выше сказали, что кризисъ, постигшій наше сельское хозяйство, въ настоящее время принялъ особенно острый характеръ отъ того, что періодъ реформъ, коренныхъ преобразованій сельскаго и общественнаго управленія совпалъ съ моментомъ глубокаго переворота въ самой земледѣльческой культурѣ и всѣхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства.

Переворотъ этотъ шелъ и продолжаетъ идти незамѣтно, такъ что среди безчисленныхъ причинъ, приводимыхъ въ объясненіе нашего экономическаго разстройства, онъ часто не упоминается вовсе или упоминается только вскользь, какъ печальное, но случайное явленіе. Онъ состоитъ въ томъ, что почти во всѣхъ полосахъ Россіи наступилъ роковой моментъ, когда прежнія культуры, прежніе сѣвообороты, прежнія системы эксплуатаціи оказываются неудобными и невыгодными. Звѣриные, рыбные и лѣсные промыслы, составлявшіе главное подспорье хозяйствъ въ сѣверной полосѣ, видимо оскудѣваютъ; кочевой скотоводческій бытъ инородцевъ отживаетъ; залежное хозяйство въ степныхъ губерніяхъ, лѣсоподпольное и лядинное въ лѣсной полосѣ стѣсняются отъ приращенія населенія; трехпольная система, доведенная до крайняго своего развитія, обратившая всѣ луга и сѣнокосы въ пахатныя угодья, привела земледѣліе въ то безвыходное положеніе, что недостатаетъ корма для скота и туковъ для удобренія. Однимъ словомъ, во всѣхъ сторонахъ хозяйства, начиная отъ самыхъ грубыхъ, какъ звѣроловство и кочевое скотоводство, до болѣе усовершенствованныхъ какъ трехпольное, обнаруживается какой-то переломъ, истощеніе производительныхъ природныхъ силъ и необходимость перейти къ другимъ способамъ добыванія продуктовъ, къ другимъ системамъ хозяйства.

Въ этомъ явленіи, впрочемъ, нѣтъ ничего необычайнаго; всѣ цивилизованные народы переживали въ свое время такіе же кризисы, и мы напрасно, унижая себя передъ другими, обличаемъ нашихъ земледѣльцевъ и сельскихъ хозяевъ въ неисправимой грубости, закоснѣлости. Покуда земли даютъ обильные урожаи при легкомъ трудѣ, выдерживаютъ многолѣтніе посѣвы, не требуя удобренія, трудно, почти невозможно, предположить, чтобы земледѣлецъ для сбере-

женія плодородія почвы, растительности лѣсовъ для будущихъ благъ отказался отъ экстенсивной и грубой культуры дающей ему большія прибыли при сравнительно легкой работѣ. Такой дальновидной предусмотрительности нельзя ожидать отъ бѣдныхъ сельскихъ классовъ, и поэтому во всѣхъ странахъ первобытныя, болѣе или менѣе хищническія культуры продолжаются до тѣхъ поръ, пока земли сами собой не отказываются производить хлѣбъ и другіе продукты и не принуждаютъ земледѣльцевъ прибѣгнуть къ другимъ порядкамъ полеводства и хлѣбопашества.

Въ большей части Европейскихъ государствъ тотъ же самый кризисъ свирѣпствовалъ въ концѣ прошлаго и въ началѣ настоящаго столѣтія. Изъ описаній нѣкоторыхъ экономистовъ того времени, Артура Юнга, Тюрго, Тэера видно, что въ теченіи XVIII-го столѣтія земледѣліе вездѣ въ Европѣ приходило въ упадокъ, и, наконецъ, передъ французской революціей сошло на такую низкую степень, что неурожаи повторялись періодически въ самыхъ плодородныхъ частяхъ Европы; положеніе не только крестьянъ и нисшихъ сельскихъ сословій, но и частныхъ землевладѣльцевъ, мелкопомѣстныхъ дворянъ, становилось невыносимо.

Эти бѣдствія обыкновенно приписываются другимъ причинамъ, неурядицамъ въ управленіи, неволѣ землевладѣльцевъ, привилегированному положенію крупныхъ собственниковъ. Безъ сомнѣнія эти причины также вліяли на сельское хозяйство; но главнѣйшая черта сельско-хозяйственнаго быта въ этотъ моментъ была та, что прежнія культуры, истощивъ почву, сдѣлались невозможными; естественныхъ луговъ оставалось слишкомъ мало для прокорма скота, и настала пора перейти къ другимъ системамъ хозяйства— плодоперемѣнному, съ травосѣяніемъ, кормомъ скота на стойлѣ и усиленнымъ удобреніемъ. Хлѣбопашество, про-

изводство зерновыхъ хлѣбовъ было въ то время такъ не выгодно, что въ сѣверной полосѣ Европы, въ Шотландіи, Мекленбургѣ, Гольштиніи, помѣщики залужали свои пашни, выселяли крестьянъ и на мѣсто упраздненныхъ запашекъ заводили стада рогатаго скота и овецъ.

Этотъ кризисъ продолжался до начала XIX столѣтія, когда, наконецъ, послѣ долгихъ и тяжкихъ усилій совершенъ былъ переходъ къ улучшеннымъ системамъ хозяйства, и когда мало-по-малу возстановленъ былъ балансъ между прибылями и убытками земледѣлія; оно уже не могло возвратиться къ прежнимъ счастливымъ временамъ, когда благодатная почва давала сама собой обильные урожаи. Изъ прежнихъ сельскихъ хозяйствъ уцѣлѣли только тѣ, которыя могли затратить болѣе или менѣе значительный капиталъ на новое обзаведеніе; поземельная рента упала на 3—4%; но въ концѣ концовъ наука восторжествовала надъ природными препятствіями, и искусственнымъ образомъ, посредствомъ лучшихъ орудій и раціональной агрономіи, возвратила почвѣ большую часть производительныхъ силъ, растраченныхъ прежними грубыми культурами.

Такимъ образомъ, если разсматривать настоящій кризисъ въ Россіи съ этой точки зрѣнія, то можно бы также надѣяться, что и у насъ онъ минуетъ, какъ миновалъ въ другихъ странахъ, и мы могли бы ожидать, ссылаясь на примѣръ Европы, что либеральныя учрежденія, свобода труда и промысловъ и народное просвѣщеніе выведутъ насъ сами собой на путь экономическаго прогресса.

Но въ этомъ вопросѣ есть другая сторона, которая обыкновенно ускользаетъ отъ вниманія изслѣдователей и заслоняется блистательными результатами современной цивилизаціи и развитія народнаго богатства.

Что сельско-хозяйственный кризисъ миновалъ въ Евро-

нѣ благополучно, благодаря успѣхамъ просвѣщенія, что народное продовольствіе въ настоящее время обезпечено лучше, чѣмъ въ прежнія времена—это несомнѣнно.

Но вопросъ въ томъ, какою цѣною куплено было это улучшеніе? Какимъ порядкомъ происходилъ переходъ къ лучшимъ культурамъ и орудіямъ? Кто воспользовался прибылями? Кто потерпѣлъ убытки?

Разсматривая исторію экономическаго прогресса Европы съ этой точки зрѣнія, надо признать, что онъ обошелся народнымъ массамъ очень дорого, т.-е. что большая часть сельскаго населенія не могла выдержать кризиса, не имѣла достаточныхъ средствъ для перехода къ улучшеннымъ культурамъ и поэтому принуждена была распродать и уступить свои земли другимъ владѣльцамъ, болѣе состоятельнымъ.

Впрочемъ, и въ этомъ не было бы ничего чрезвычайнаго, заслуживающаго особаго замѣчанія, такъ-какъ переходъ имуществъ изъ слабыхъ и несостоятельныхъ рукъ къ самостоятельнымъ владѣльцамъ есть общій законъ всѣхъ человѣческихъ обществъ; но дѣло въ томъ, что въ большей части европейскихъ государствъ въ указанное нами критическое время, когда измѣнялись всѣ условія землевладѣнія и земледѣлія, приняты были мѣры одностороннія, въ пользу однихъ сословій и въ ущербъ другихъ, чрезъ что усилено и ускорено было разстройство мелкаго хозяйства и обезземеленье крестьянъ.

Мѣры эти истекали изъ общей либеральной доктрины, будто бы свобода труда и промысловъ, свобода владѣнія и политическая равноправность вполнѣ обезпечиваютъ всѣ хозяйственные интересы; на этомъ основаніи покровительство земледѣлію, опека сельскихъ сословій признаны были не только излишними, но и вредными, и въ самую трудную эпоху сельско-хозяйственнаго устроенія низшій классъ сель-

скихъ жителей, только что вышедшій изъ крѣпостной зависимости и не умѣвшій еще распоряжаться своими правами, былъ предоставленъ собственнымъ своимъ силамъ.

Исходъ этой либеральной экономической политики былъ неблагопріятный для крестьянства.

Высшія и среднія сословія, пользуясь своей корпоративной организаціей, прибѣгли для борьбы съ кризисомъ къ помощи кредита и покровительственныхъ тарифовъ; дворянскія кассы, поземельные банки, усовершенствованная ипотечная система облегчили для нихъ переходъ къ улучшеннымъ культурамъ; но нисшій классъ собственниковъ, а въ Англіи даже и средній, не выдержали этого переворота, и первый плодъ политической свободы, коей они воспользовались, было то, что они лишились своихъ имуществъ по невозможности поддерживать свои хозяйства.

Итакъ, подводя итогъ нашего экономическаго положенія въ настоящій моментъ, мы можемъ признать, что сельскій бытъ и сельское хозяйство въ Россіи переживаютъ въ наше время такой же кризисъ, какой постигъ другія европейскія страны въ концѣ прошлаго столѣтія и въ первой четверти настоящаго.

Это не упадокъ и не раззореніе, а только временной, но очень серьезный и тяжелый кризисъ, мотивируемый тѣмъ, что у насъ наступилъ тотъ же роковой и неизбѣжный переворотъ, какъ въ Европѣ, тотъ же моментъ перехода отъ экстенсивной къ интенсивной культурѣ.

Мы можемъ конечно надѣяться, что послѣ болѣе или менѣе продолжительной борьбы просвѣщеніе, наука, техника выйдутъ побѣдителями надъ этими препятствіями, что хозяева наиболѣе смышленые и зажиточные преодолѣютъ всѣ затрудненія, и что, наконецъ, необходимость заставитъ и

землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ обратиться къ раціональной агрономіи.

Но вопросъ въ томъ, многіе ли изъ сельскихъ хозяевъ переживутъ этотъ переходный періодъ? Какъ и чѣмъ они будутъ содержать себя въ то время, когда надо будетъ уменьшить запашку, замѣняя хлѣбопашество травосѣяніемъ, заводить новыя орудія, добывать новые туки? Однимъ словомъ, можно ли предположить, чтобы большинство крестьянъ собственниковъ и мелкихъ землевладѣльцевъ выдержали этотъ кризисъ безъ руководства и содѣйствія образованныхъ классовъ, безъ матеріальной помощи общества, земства и правительства?

Мы этого не думаемъ.

Примѣръ другихъ народовъ и собственный нашъ опытъ послѣднихъ годовъ указываютъ намъ, напротивъ, что въ такія критическія минуты для народныхъ массъ нужно разумное и твердое руководство, помощь кредита, содѣйствіе правительства и образованныхъ классовъ, словомъ правильная организація сельско-хозяйственнаго управленія.

XIII.

Организація хозяйственнаго управленія въ Россіи.

Опредѣливъ въ предъидущей главѣ главную цѣль и значеніе хозяйственнаго управленія въ настоящій моментъ нашего экономическаго положенія, мы теперь разсмотримъ организацію этого управленія въ Россіи.

По духу и смыслу Положенія о земскихъ учрежденіяхъ, имъ поручено въ самомъ пространномъ смыслѣ „завѣдываніе дѣлами, относящимися къ хозяйственнымъ нуждамъ и пользамъ мѣстнаго населенія"; въ разныхъ статьяхъ Положенія, опредѣляющихъ кругъ дѣйствій земства, исчислены почти всѣ отрасли народнаго хозяйства.

Къ сожалѣнію эти указанія ограничиваются только общими выраженіями, что земство имѣетъ „попеченіе о продовольствіи, принимаетъ мѣры по призрѣнію бѣдныхъ, прекращенію нищенства, содѣйствуетъ развитію торговли, промышленности, земледѣлія" и пр. и пр.

Нѣкоторыя обязанности земства обозначены еще шире, но вмѣстѣ съ тѣмъ и еще неопредѣленнѣе, наприм., что

земству предоставляется участіе „преимущественно въ хозяйственномъ отношеніи въ дѣлахъ о народномъ образованіи, народномъ здравіи и о тюрьмахъ, или что оно представляетъ свѣдѣнія и заключенія по предметамъ касающимся мѣстныхъ хозяйственныхъ пользъ и нуждъ“.

Такая редакція оказалась вскорѣ совершенно недостаточной для опредѣленія круга дѣйствій земскихъ учрежденій.

Что такое хозяйственное отношеніе или хозяйственная часть? и какъ различить эту часть отъ распорядительной, административной?

Что разумѣть подъ словами—мѣстныя пользы и нужды губерніи или уѣзда?

Чѣмъ различается содѣйствіе отъ содѣйствія, попеченіе отъ распоряженія, участіе въ дѣлахъ отъ самаго дѣла?

Каждая изъ статей Положенія, заключающая въ себѣ обозначеніе круга дѣйствій земства и каждое слово въ статьяхъ требовали дальнѣйшихъ разъясненій, — и не подлежитъ сомнѣнію, что по мысли первыхъ составителей законоположенія о земствѣ эти разъясненія должны были исходить изъ практики, изъ совмѣстнаго и взаимнаго дѣйствія и соглашенія земскихъ учрежденій и правительства.

Къ сожалѣнію это предположеніе не осуществилось, по причинамъ не зависѣвшимъ отъ тѣхъ лицъ, которые участвовали въ земской реформѣ; въ разъясненіяхъ недоразумѣній, о коихъ ходатайствовали нѣкоторыя земства, было очень часто имъ отказываемо; къ точнѣйшему опредѣленію правъ и обязанностей и вообще къ развитію мѣстнаго самоуправленія не было приступлено и такимъ образомъ все это дѣло оставалось въ теченіи 15 лѣтъ въ видѣ очерка, программы самаго обширнаго объема и очень шаткаго содержанія.

Между тѣмъ нельзя не замѣтить, что мѣстное самоуправленіе можетъ быть полезно и дѣйствительно только

при томъ условіи, чтобы оно дѣйствовало вполнѣ самостоятельно въ предѣлахъ указанныхъ закономъ. Если же эти предѣлы только очерчиваются бѣглыми и не ясными чертами, то столкновенія мѣстнаго самоуправленія съ администраціей неизбѣжны.

Такъ оно и вышло на дѣлѣ.

Слова „хозяйственныя нужды и пользы“ надписанныя, можно сказать, въ заглавіи Положенія о земствѣ, въ стат. 1, послужили источникомъ безконечныхъ недоразумѣній и пререканій и дѣйствительно трудно придумать редакцію, которая бы открывала болѣе широкое поле противоположнымъ толкованіямъ закона.

Во всѣхъ безъ исключенія отрасляхъ управленія есть хозяйственная часть и она такъ тѣсно связана съ другими, что одна изъ нихъ преобладаетъ надъ другой. Въ дѣлѣ народнаго образованія матеріальная часть второстепенная, учебная—главная; но если вѣдомство, завѣдывающее хозяйственнымъ управленіемъ, не заботится объ устройствѣ школъ, ассигнуетъ на ихъ содержаніе недостаточныя суммы, сокращаетъ жалованье учителей, то учебное начальство совершенно парализуется въ своихъ дѣйствіяхъ по народному образованію; если при устройствѣ врачебной части назначаются медикамъ слишкомъ обширные районы и скудное жалованье, или отпускается недостаточно медикаментовъ, то никакія другія распоряженія не помогутъ дѣлу народнаго здравія; благоустройство тюремной части совершенно зависитъ отъ помѣщеній, а помѣщенія отъ денежныхъ средствъ на нихъ ассигнуемыхъ и т. д.

Такимъ образомъ, если по этимъ тремъ важнѣйшимъ предметамъ вѣдомства—народному образованію, народному здравію и тюрьмамъ, земству предоставляется, какъ сказано въ стат. 2 п. 7 Положенія, завѣдываніе дѣлами пре-

имущественно по хозяйственной части и если эти дѣла не обозначаются въ законѣ точнѣе, но нѣтъ никакой возможности избѣгнуть обоюдныхъ пререканій между учрежденіями завѣдывающими хозяйствомъ и тѣми, коимъ поручена специальная, техническая, напр., педагогическая или медицинская часть.

Но еще болѣе стѣсненій и недоразумѣній причиняютъ слова „нужды и пользы".

Мы старались въ настоящемъ трудѣ указать, что оффиціальная статистика у насъ такъ дурно устроена, что бытъ нашихъ сельскихъ сословій остается по сіе время неизвѣданнымъ. Въ ту эпоху, когда издано Положеніе о земствѣ, это невѣдѣніе было еще глубже. Первыя свѣдѣнія о сельско-хозяйственномъ бытѣ были собраны редакціонными коммиссіями по крестьянской реформѣ и онѣ, какъ извѣстно, оказались крайне сбивчивыми и ошибочными. На эту-то зыбкую почву было поставлено наше хозяйственное самоуправленіе; оно должно было охранять нужды, къ изслѣдованію коихъ не было приступлено, обезпечить пользы, которыя въ каждой губерніи и въ каждомъ уѣздѣ могли быть поняты и истолкованы различно. Понятно, что при такомъ недостаткѣ свѣдѣній и общаго руководства для разъясненія недоразумѣній, при тѣхъ холодныхъ отношеніяхъ, которыя установились съ самаго начала между земствомъ и администраціей, слова закона—„завѣдываніе мѣстными хозяйственными нуждами и пользами" обратились въ мертвую букву.

Эти-то соображенія побудили насъ изложить въ краткомъ очеркѣ,—что̀ надо разумѣть, по нашему понятію, подъ „хозяйственною частью" внутренняго управленія. Она должна быть строго разграничена отъ распорядительной, административной части; а гдѣ такое разграниченіе ока-

зывается неудобнымъ, какъ напр., въ дѣлахъ народнаго образованія, народнаго здравія, такъ лучше предоставить мѣстнымъ учрежденіямъ полную самостоятельность въ ограниченномъ кругу дѣйствій, чѣмъ ограниченное участіе въ общемъ управленіи.

Этой основной мыслью руководствовались мы при обозначеніи главныхъ предметовъ народнаго хозяйства; мы предвидимъ, что оно не удовлетворитъ тѣхъ, которые стремятся къ широкому и независимому развитію земскаго самоуправленія, къ самостоятельности уѣзда, волости, даже прихода; мы полагаемъ, напротивъ, что самостоятельность не можетъ развиваться въ такихъ мелкихъ группахъ населенія по недостатку наличныхъ силъ и средствъ, и что только совмѣстное дѣйствіе и взаимная помощь правительства и земства могутъ обезпечить благосостояніе и подвинуть нравственную и матеріальную культуру народа.

Эти дѣйствія и содѣйствія должны быть строго опредѣлены въ законѣ и ясно указаны на практикѣ, чего нынѣ нѣтъ. Мѣстное населеніе не можетъ разсчитывать на постоянную помощь земства или государства во всѣхъ своихъ нуждахъ; правительство не можетъ возлагать на мѣстныя учрежденія такія сложныя заботы и дѣла, какъ общественное продовольствіе, призрѣніе бѣдныхъ, прекращеніе нищенства.

Всѣ эти благія цѣли могутъ осуществляться на практикѣ только въ извѣстныхъ размѣрахъ, при извѣстныхъ условіяхъ, и эти-то размѣры и условія надо бы постепенно разъяснять.

Мы старались въ этихъ изслѣдованіяхъ сельскаго быта въ Россіи отмѣтить нѣкоторыя изъ нихъ, и теперь, въ заключеніе, представляемъ для большей ясности краткій перечень затронутыхъ нами вопросовъ.

1) Первое и самое нужное дѣло — преобразованіе и устройство статистической части.

Если разумѣть статистику въ полномъ, научномъ смыслѣ, какъ сводъ всѣхъ свѣдѣній о народномъ бытѣ, то область ея расширяется безпредѣльно; но для оффиціальной статистики прежде всего нужно выбрать нѣсколько такихъ простыхъ и наглядныхъ предметовъ для изслѣдованій, которые давали бы наиболѣе вѣрное понятіе о состояніи мѣстнаго населенія, и отказаться отъ другихъ, которые по своей мелочности и сбивчивости ускользаютъ отъ всякаго правильнаго, даже приблизительнаго исчисленія.

Для этого мы полагали бы необходимымъ:

a) выработать въ центральномъ статистическомъ учрежденіи общую программу тѣхъ свѣдѣній, которыя нужно собирать на мѣстахъ, и собираніе ихъ сдѣлать обязательнымъ для губернскихъ статистическихъ комитетовъ;

b) комитеты эти слить съ статистическими отдѣлами, учрежденными земствами при своихъ управахъ, и усилить ихъ составъ и денежныя средства;

c) завести при волостныхъ правленіяхъ семейные или подворные списки, придерживаясь формы списковъ уже нынѣ заведенныхъ по воинской повинности, съ нѣкоторыми дополненіями и указаніями по главнымъ статьямъ хозяйства;

d) поручить статистическимъ комитетамъ выводить изъ такихъ списковъ своды или выписки о числѣ крестьянъ безземельныхъ или безлошадныхъ и дворовъ безъ рабочихъ; также составлять списки по разрядамъ о тѣхъ крестьянскихъ семействахъ или селеніяхъ, которыя могутъ быть признаны малоземельными, опредѣливъ предварительно нормы, по коимъ крестьянскія владѣнія признаются достаточными или не достаточными.

2) Когда, такимъ образомъ, будутъ сведены итоги сель-

скихъ жителей, наиболѣе нуждающихся, то можно будетъ приступить къ лучшему устройству разныхъ сторонъ управленія и завѣдыванія, народнымъ продовольствіемъ, общественнымъ призрѣніемъ, народнымъ здравіемъ.—Капиталы этихъ учрежденій могли бы быть слиты въ одинъ общій фондъ вспомоществованія, который долженъ быть предназначенъ исключительно, или по крайней мѣрѣ преимущественно, на пособія бѣднѣйшему классу сельскихъ обывателей, на прокормленіе ихъ, призрѣніе или безплатное леченіе. Предположенія объ обезпеченіи продовольствія и другихъ нуждъ цѣлаго населенія надо бы разъ на всегда признать несбыточной мечтой, увлекающей земство и правительство на непосильныя и большею частію безполезныя затраты.

3) Сельскія кредитныя учрежденія какъ то: ссудо-сберегательныя товарищества, земельные и колоніальные банки имѣютъ въ виду помощь среднему классу крестьянъ, и главная ихъ польза состоитъ въ томъ, что они предупреждаютъ до извѣстной степени окончательное разстройство и упраздненіе хозяйствъ.

Дѣйствіе ихъ не распространяется па людей неимущихъ, потому что кредитованіе лицъ несостоятельныхъ подорвало бы самое существованіе такихъ учрежденій. Но, съ другой стороны, они не должны служить средствомъ для спекулятивныхъ оборотовъ, и для этого нужно установить для сельскаго мелкаго кредита низкій размѣръ ссудъ, который бы соотвѣтствовалъ насущнымъ потребностямъ крестьянскаго быта. Образцовые уставы сельскихъ кредитныхъ учрежденій слѣдовало бы издать отъ правительства, а завѣдываніе ими поручить земскимъ управамъ.

4) Вопросъ о крестьянскихъ надѣлахъ требуетъ въ особенности внимательнаго и безпристрастнаго изслѣдованія: нужно установить основанія, найти признаки, по коимъ

можно бы было судить о положеніи мелкаго землевладѣнія и условиться въ этихъ основаніяхъ, прежде чѣмъ агитировать вопросъ, понимаемый чрезвычайно разнообразно, но односторонне современнымъ обществомъ.

При такихъ изслѣдованіяхъ представляются по разнымъ мѣстностямъ совершенно различныя и даже противуположныя соображенія.

Есть много такихъ мѣстностей, цѣлыя полосы, гдѣ расширеніе крестьянскихъ владѣній не принесетъ существенной пользы, гдѣ только облегченіе платежей можетъ поднять уровень народнаго хозяйства.

Есть другія мѣстности, гдѣ при рѣдкомъ населеніи и изобиліи свободныхъ незаселенныхъ земель, нѣкоторыя селенія до крайности стѣснены малоземельемъ или выпущены на такъ-называемый нищенскій надѣлъ, и въ такихъ мѣстностяхъ съ полнымъ успѣхомъ могутъ дѣйствовать общества или банки земельнаго кредита.

Наконецъ, есть и такіе края, какъ наприм. центральная черноземная полоса, гдѣ по густотѣ населенія и высокой цѣнности земель пріобрѣтеніе ихъ крестьянами и крестьянскими обществами едва-ли окажется возможнымъ, и тутъ надо приступить къ устройству и регулированію переселеній.

Съ этихъ различныхъ точекъ зрѣнія, надо разсмотрѣть вопросъ о крестьянскихъ надѣлахъ; обобщая его и подводя всѣ подобныя явленія подъ одни соображенія, мы только усложняемъ задачу и затрудняемъ ея разрѣшеніе. Каждая изъ упомянутыхъ мѣръ принесетъ свою долю пользы въ извѣстныхъ мѣстностяхъ и при данныхъ условіяхъ; но каждая изъ нихъ въ другихъ условіяхъ окажется безполезной или непримѣнимой.

5) Улучшеніе сельскаго хозяйства въ спеціальномъ,

техническомъ отношеніи, т.-е. усовершенствованіе культуры и земледѣльческихъ орудій, всего болѣе зависитъ отъ матеріальныхъ средствъ и отъ помощи, какая будетъ оказана земледѣлію отъ земства и правительства; но эта помощь, чтобы быть дѣйствительной, должна быть разборчива; потворствовать грубымъ стремленіямъ простого народа къ экстенсивной культурѣ также неразумно и неосторожно какъ и допускать хищническую эксплуатацію частныхъ землевладѣльцевъ; богатства природы — растительность лѣсовъ и плодородіе почвы—должны быть охраняемы, какъ достояніе не только современнаго, но и грядущихъ поколѣній.

Въ настоящее время, многіе вопросы о сельско-хозяйственныхъ улучшеніяхъ уже достаточно проникли въ сознаніе народныхъ массъ, чтобы можно было надѣяться ихъ подвинуть при энергичномъ и совмѣстномъ дѣйствіи земства и правительства.

Къ такимъ вопросамъ можно причислить:

Осушеніе болотъ въ сѣверной и западной полосѣ;

Лѣсонасажденіе въ южныхъ губерніяхъ;

Сокращеніе или регулированіе передѣловъ крестьянскихъ полей;

Введеніе травосѣянія въ нечерноземной полосѣ;

Разведеніе картофеля;

Употребленіе нѣкоторыхъ усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій.

Таковы, по нашему мнѣнію, главные предметы, которые должны составить кругъ дѣйствій хозяйственнаго управленія на мѣстахъ, т.-е. въ губерніяхъ и уѣздахъ.

Намъ слѣдовало бы еще разсмотрѣть одинъ существенный вопросъ—могутъ ли такія предположенія осуществить-

ся безъ общаго соглашенія и въ какой формѣ это соглашеніе можетъ выразиться?

Мы не касаемся здѣсь вопроса о центральномъ представительномъ учрежденіи, въ коемъ сливались бы всѣ интересы — какъ политическіе, такъ и хозяйственные; но и при представительной формѣ правленія, намъ кажется, необходимымъ, независимо отъ политическихъ органовъ, имѣть высшее правительственное учрежденіе, завѣдывающее хозяйственною частію и централизирующее дѣла земскаго и крестьянскаго управленія.

Но мы не пишемъ проэкта и не считаемъ себя въ правѣ разсматривать именно этотъ вопросъ, требующій общихъ государственныхъ соображеній; мы желали только въ предложенномъ очеркѣ сельскаго быта и хозяйства выяснить тѣ главныя ихъ черты, которыя, по нашему глубокому убѣжденію, требуютъ ближайшаго изслѣдованія и регулированія.

Это намъ кажется тѣмъ болѣе необходимымъ, что въ современномъ русскомъ обществѣ возбуждаются постоянно по такимъ предметамъ народнаго хозяйства новые вопросы, которые за неимѣніемъ положительныхъ свѣдѣній и данныхъ остаются безъ отвѣта и производятъ только безплодную агитацію.

ОПЕЧАТКИ.

Страница.	Строка.	*Напечатано:*	*Должно быть:*
19	9 сн.	сельской	сельскій
20	9 сн.	этомъ	этотъ
25	10 сн.	русскимъ	русскихъ
39	15 св.	продовольстви	продовольствіи
„	13 сн.	не рабочихъ	нерабочихъ
„	10 „	большей	большой
41	3 св.	старикомъ	стариковъ
44	11 св.	селеніяхъ	селеніямъ
45	8 сн.	классафикаціи	классификаціи
47	10 „	меньщаго	меньшаго
76	6 св.	составляютъ	составляетъ
„	2 сн.	Вышло же такъ	Вышло не такъ
85	8 св.	оослабляли	ослабляли
89	7 сн.	Spannfahige	Spannfähige
„	2 „	большомъ	бо̀льшемъ
92	1 св.	такъ	тамъ
93	14 сн.	какъ такъ	тогда какъ
„	2 „	Nahrungsflache	Nahrungsfläche
„	1 „	Arbeitsflache	Arbeitsfläche
94	1 „	стесненіе	стѣсненіе
95	1 св.	борооню	бороною
„	12 „	лѣтнихъ дней	пѣшихъ дней
„	11 сн.	обраломъ	образомъ
102	4 „	слѣдуеть	слѣдуетъ.
103	10 „	владѣльды	владѣльцы
„	13 „	дальнѣйшіи	дальнѣйшій
105	10 сн.	свой	своей
114	8 „	несчатную	несчастную
146	16 „	недостатаетъ	недостаетъ